

НАУЧНО - ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№4 / 2011

ТРУД

ПРОФСОЮЗЫ

ОБЩЕСТВО

ISSN 2074-9422

ПРОФСОЮЗЫ: ПРОБЛЕМЫ, ОПЫТ, РЕКОМЕНДАЦИИ

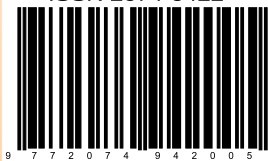
ЭКОНОМИКА

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

СОЦИОЛОГИЯ

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

ISSN 2074-9422

ТРУД

ПРОФСОЮЗЫ

ОБЩЕСТВО

Ежеквартальный научно-практический журнал

№ 4 (34), 2011

Издается с апреля 2003 г.

Федерация
профсоюзов
Беларуси

Международный
университет
«МИТСО»

Журнал награжден дипломом
«Золотая литера» в 2007 г.

Главный редактор: Л. П. Козик

Председатель Федерации профсоюзов Беларуси,
доктор экономических наук, профессор

Редакционная коллегия:

С. Н. Князев

зам. главного редактора
доктор юридических наук, профессор, ректор
Международного университета «МИТСО»

И. А. Маньковский

зам. главного редактора
кандидат юридических наук, доцент, заведующий
кафедрой частного права Международного
университета «МИТСО»

В. В. Бущик

доктор политических наук, проректор по научной
работе Белорусского государственного педагогического
университета имени Максима Танка

А. Л. Козик

кандидат юридических наук, доцент, профес-
сор кафедры публичного права Международного
университета «МИТСО», первый проректор
Международного университета «МИТСО»

С. В. Решетников

доктор политических наук, профессор, заве-
дующий кафедрой политологии Белорусского
государственного университета

Г. А. Василевич

доктор юридических наук, профессор, заве-
дующий кафедрой конституционного права
Белорусского государственного университета

В. А. Космач

доктор исторических наук, профессор, дирек-
тор Витебского филиала Международного
университета «МИТСО»

В. С. Решетько

кандидат педагогических наук, доцент, директор
Гомельского филиала Международного универ-
ситета «МИТСО»

Р. В. Гребенников

доктор социологических наук, профессор, про-
фессор кафедры культурологии Белорусского госу-
дарственного университета культуры и искусств

И. В. Котляров

доктор социологических наук, профессор,
директор Института социологии НАН Беларуси

В. Г. Филяков

кандидат исторических наук, доцент, заведующий
кафедрой истории права и гуманитарных
дисциплин Международного университета
«МИТСО»

С. А. Пелих

доктор экономических наук, профессор кафе-
дры экономики и менеджмента Международного
университета «МИТСО»

А. П. Дурович

доктор экономических наук, доцент, профессор
кафедры логистики Международного университета
«МИТСО»

Г. А. Примаченок

доктор экономических наук, доцент, профессор
кафедры экономики и финансов Белорусского
государственного университета

В. Н. Яковчук

кандидат социологических наук, доцент, доцент
кафедры истории права и гуманитарных дисцип-
лин Международного университета «МИТСО»

Адрес редакции:

220099, г. Минск, ул. Казинца, 21/3.

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации № 1167 от 05.02.2010.

Тел. (017) 212-70-11

E-mail: magazin@mitso.by

LABOUR

TRADE UNIONS

SOCIETY

Quarterly Scientific and Practical Journal

№ 4 (34), 2011

Publishing from April 2003

Trade Unions
Federation
of Belarus

International
University
«MITSO»

The Journal Has Been Awarded
with the Diploma «Zolotaya
Litera» in 2007

Editor in Chief: L. P. Kozik

the Chairman of Federation of Trade Unions
of Belarus, Doctor of Economics, Professor

Editorial Board:

S. N. Knyazev

Associate editor-in-chief

Doctor in Law, Professor, Chancellor
of the International University «MITSO»

I. A. Mankovsky

Associate editor-in-chief

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Head of the Public Law Chair of the International
University «MITSO»

V. V. Bushchik

Doctor of Political Science, vice-chancellor for
Research of the Maxim Tank Belarusian State Peda-
gogical University

A. L. Kozik

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Professor of Public Law Chair of the International
University «ILSR», First vice-chancellor of the
International University «MITSO»

S. V. Reshetnikov

Doctor of Political Science, Professor, Head of the
Politics Chair of the Belarusian State University

G. A. Vasilevich

Doctor in Law, Professor, Head of Constitutional Law
Chair of the Belarusian State University

V. A. Kosmach

Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of
Vitebsk Branch of the International University
«MITSO»

V. S. Reshetko

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate
Professor, Head of Gomel Branch of the
International University «MITSO»

R. V. Hrebennikov

Doctor of Sociological Science, Professor, Profes-
sor of Culturology Chair of the Belarusian State
University of Culture and Arts

I. V. Kotlyarov

Doctor of Sociology, Professor, Head of the Institute
of Sociology of the National Academy of Science of
Belarus

V. G. Filyakov

Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor, Head of the Law History and
Humanitarian Discipline Chair of the International
University «MITSO»

A. P. Durovich

Doctor of Economics, Associate Professor, Pro-
fessor of Logistics Chair of the International
University «MITSO»

S. A. Pelih

Doctor of Economics, Professor of the Chair of
Economics and Management of the International
University «MITSO»

V. N. Yakovchuk

Candidate of Sociology, Associate Professor of the
Law History and Humanitarian Discipline Chair of the
International University «MITSO».

Address of Editorial Board:

21/3, Kazintsa str., 220099, Minsk, Republic of Belarus.

The certificate of state registration of mass media № 1167, February, 5th 2010.

Tel.: (+375) 212-70-11

E-mail: magazin@mitso.by

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОФСОЮЗЫ: ПРОБЛЕМЫ, ОПЫТ, РЕКОМЕНДАЦИИ

<i>Калинина Э. А.</i> Правовая культура: понятие, значение в деятельности профсоюзов	4
<i>Нгуен Дык Тинь.</i> Характеристики трудовых отношений на предприятиях Вьетнама	7

ЭКОНОМИКА

<i>Аникеенко Н. П.</i> Специфические особенности бюджетирования как современной технологии финансового планирования	11
<i>Ворошина Е. В.</i> Направления совершенствования финансового механизма управления инновационным развитием предприятия в Республике Беларусь	14
<i>Вшивков А. А., Новоженюк В. М.</i> Динамическая модель использования потенциала совокупного общественного труда в инновационной экономике	17
<i>Гаврилко Г. Н.</i> Международные индикаторы конкурентоспособной экономики в условиях глобализации и региональной интеграции	20
<i>Иванов В. И., Денисенко А. Л.</i> Управление денежными потоками: сущность, содержание, проблемы и направления их решения	23
<i>Махмудова Т. А.</i> Валютно-финансовая интеграция в контексте формирования единого экономического пространства	26
<i>Новикова В. И.</i> Методические основы формирования системы оценки банкротства организаций	29
<i>Шаврук Ю. А.</i> Регулирование деятельности международных стратегических альянсов	33
<i>Швайба Д. Н.</i> Реструктуризация социальной сферы: понятие, виды и цели	38

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

<i>Антоненко А. П.</i> Принцип светскости государства: понятие и правовое содержание	44
<i>Басецкий И. И., Садыгов В. И.</i> Правовой статус иностранцев и апатридов по законодательству Республики Беларусь и Азербайджанской Республики	48
<i>Вабищевич С. С.</i> Особенности ограниченных вещных прав организаций по хозяйственному и иному использованию имущества собственника	53
<i>Костевич К. С., Попок Е. М., Томашевский К. Л.</i> Злоупотребление правами в сфере труда: проблемные вопросы	58
<i>Лавриненко О. В.</i> Современные проблемные подходы к дефинированию понятия и построению системы принципов трудового права	61
<i>Маньковский И. А.</i> Понятие, содержание и виды права общей собственности в современном гражданском правопорядке	65

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Палховская Е. Б., Мартинкевич А. В.</i> Инфорсмент как механизм реализации трудовых прав работников в Республике Беларусь	70
<i>Сечко Н. Н.</i> Социально-экономическая роль малого предпринимательства на белорусском рынке труда	73

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

<i>Королева С. Е.</i> Интеллектуальный капитал как важнейший фактор развития «новой» экономики	79
<i>Луханин И. И.</i> Web-офисная технология создания электронных УМК	82
<i>Мусина Н. Е.</i> Молодежь советской Беларуси в условиях общественных преобразований 1920-х гг.	84
<i>Солод А. В.</i> Перспективы сотрудничества Республики Беларусь с ведущими странами-участниками блока «АЛБА»	90
<i>Стрэнкоўскі С. П.</i> Дзейнасць магдэбургскіх судаў гарадоў Беларусі ў XV–XVIII стст.	94
<i>Ярмац А. А.</i> Актывізацыя постакаўскага падполля на тэрыторыі Беларусі падчас падрыхтоўкі і правядзення выбараў у Вяроўныя Саветы ў 1946–1947 гг.	98
АВТОРЫ	102

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за достоверность приведенных фактов и сведений.

Редакция может печатать статьи в порядке обсуждения, научной дискуссии, не разделяя мнения автора.

Все рукописи, поступающие в редакцию, рецензируются.

Редактор Н. И. Копысова
Верстка В. И. Дробудько
Перевод на английский язык Е. В. Шестаковой

Подписано в печать 26.12.2011. Формат 60x84^{1/8}. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура *Arial*. Усл. печ. л. 21,59. Уч.-изд. л. 13,74. Тираж 300 экз. Заказ Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО». 220099, г. Минск, ул. Казинца, 21-3. ЛИ № 02330/437 действ. до 14.10.2014 г. Отпечатано в типографии Республиканское унитарное предприятие «Минсктиппроект». ЛП № 02330/0494102 от 11.03.2009 г. Ул. В. Хоружей, 13/61, 220103, г. Минск

CONTENTS

TRADE UNIONS: PROBLEMS, EXPERIENCE, RECOMMENDATIONS

Kalinina E. A. Legal culture: concept, value of activity of trade unions	4
Nguen Dyk Tin. The characteristic of labor relations at the enterprises of Vietnam	7

ECONOMICS

Anikeenko N. P. Specific features of budgeting as modern technology of financial planning	11
Voroshina E. V. The Directions of perfection of the financial mechanism of management of innovative development of the enterprise in the Republic of Belarus	14
Vshivkov A. A., Novozhenjuk V. M. The dynamic model of the use of potential cumulative social activities in innovative economy	17
Gavrillo G. N. The international indicators of competitive economy in the conditions of globalization and regional integration	20
Ivanov V. I., Denisenko A. L. The management of monetary streams: essence, the maintenance, problems and directions of their decision	23
Mahmudova T. A. Currency-financial integration into a context of formation of united economic space	26
Novikova V. I. Methodical bases of formation of the system of an estimation of bankruptcy of the organizations	29
Shavruk Ju. A. The Regulation of activity of the international strategic alliances	33
Shvajba D. N. Re-structuring of social sphere: concept, kinds and the purposes	38

JURISPRUDENCE

Antonenko A. P. The Principle of urbanity of the state: concept and the legal maintenance	44
Basetsky I. I., Sadygov V. I. The legal status of foreigners and stateless persons under the legislation of the Republic of Belarus and the Azerbaijan Republic	48
Vabischevich S. S. Peculiarities of the limited real rights of the organizations of economic and other use of property of the proprietor	53
Kostevich K. S., Popok E. M., Tomashevsky K. L. An abuse of the rights in the sphere of work: problem questions	58
Lavrinenko O. V. Modern problematic approaches to definition of the concept and to construction of systems of principles of the labor law	61
Mankovsky I. A. The definition, the maintenance and kinds of the right of the general property in the modern civil law and order	65

SOCIOLOGY

Palhovskaya E. B., Martinkevich A. V. An enforcement as the mechanism of realization of the labor law of workers in the Republic of Belarus	70
Sechko N. N. The Social and economic role of small business in the Belarus labor-market	73

SCIENTIFIC PUBLICATIONS

Korolyova S. E. The intellectual capital as the major factor of development of "new" economy	79
Luhanin I. I. Web-office technology of creation of electronic teaching materials	82
Musina N. E. The youth of the Soviet Belarus in the conditions of public transformations of 1920th	84
Solod A. V. The Prospect of cooperation of the Republic of Belarus with the leading countries-participants of "ALBA"	90
Strenkovsky S. P. An activity of the Magdeburg courts in cities of Belarus in XV–XVIII centuries	94
Yarmats A. A. An activation of the Postakov underground on the territory of Belarus during preparation and elections to the Supreme body in 1946–1947	98

A U T H O R S	102
----------------------------	-----

The authors of published materials are responsible for authenticity of the resulted facts and data.
The edition can print articles for discussion, scientific discussion, without sharing opinions of the author.
All manuscripts arriving in edition, are reviewed.

Editor N. I. Kopysova
Typewriter V. I. Drobydko
Translated into English by E. V. Shestakova

Э. А. Калинина

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА: ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФСОЮЗОВ

Важной характеристикой работника профсоюза выступает правовая культура, которая постоянно сопровождает его деятельность. В статье рассматривается понятие правовой культуры как одно из слагаемых правовой системы, раскрывается его структура, элементы (уровни), состав, правосознание в качестве фундаментальной составляющей. Основное внимание уделено проблемам совершенствования правосознания субъектов права, объединений в белорусском обществе и роли, которую выполняет в этом процессе Федерация профсоюзов Беларуси.

An important characteristic of the worker of trade union is the legal culture which constantly accompanies his activity. The article is concerned with the concept of the legal culture as one of the composed of the legal system, its structure, elements (levels), components, the sense of justice as a fundamental component reveals. The basic attention is given to problems of perfection of sense of justice of legal subjects, associations in the Belarus society and the roles which are carried out in this process by Federation of trade unions of Belarus.

Правовая культура является одним из элементов правовой системы, без которой невозможно обеспечить стабильное, эффективное функционирование общества в интересах народа. Для того чтобы выявить и понять сущность правовой культуры, необходимо кратко объяснить, что есть правовая система, какова ее структура, системные связи и цель.

Правовая система — сложный социальный феномен. С одной стороны, она является одним из элементов социальной системы общества (экономической, политической, духовной и т. д.), а с другой — сама состоит из сложных взаимодействующих элементов (подсистем) разного уровня. В юридической литературе **правовая система** определяется как *обусловленная объективным развитием общества интегрированная совокупность взаимосвязанных, постоянно действующих, сущностных элементов: субъектов права, правовой организации (системы норм права), правовых отношений, правовой культуры и правопорядка, необходимая для эффективного функционирования этого общества* [1].

Главным связующим звеном элементов правовой системы выступает **правопорядок**, под которым следует понимать *основанный на праве порядок связей и отношений между людьми в обществе в процессе движения и удовлетворения их материальных, духовных благ и интересов*. Цель правовой системы — создать в обществе стабильный правопорядок и обеспечить реализацию общей коллективной политической воли всех участников общественных отношений (индивидов, их объединений, всего общества и государства в целом), воли, достигнутой путем компромисса и взаимных уступок, выраженной в праве (системе его норм) и закрепленной в его источниках, прежде всего в Основном законе — Конституции Республики Беларусь.

Необходимым элементом правовой системы, ее ядром, заставляющим «работать» все элементы, выступает право. **Право** — *обусловленная природой общества и человека система внутренне согласованных, взаимосвязанных, общеобязательных юридических норм, установленных, либо санкционированных компетентными органами государ-*

ства, либо принятых всенародным голосованием на референдумах в целях регулирования общественных отношений во благо народа. Право оказывает воздействие:

- на индивидов, их объединения (субъектов права), определяя их правовой статус и границы внешней свободы в обществе при осуществлении ими субъективных прав и юридических обязанностей;
- отношения между субъектами (трудовые, имущественные, семейные, налоговые и др.), обязывая эти отношения юридически оформлять в компетентных органах государства;
- правовую культуру, разъясняя гражданам, иным субъектам цель и причины издаваемых законов, их сущность и социальную ценность, необходимость строгого следования их предписаниям при осуществлении субъектами различных форм их деятельности;
- собственную систему норм права, установленных государством, включая синергетически сложившиеся новые нормы права в ходе деятельности различных субъектов права.

Главными материальными системообразующими элементами правовой системы выступают субъекты права, их объединения, общество в целом, ибо от их воли, сознания и правовой культуры зависит воплощение статутных прав, свобод и законных интересов в реальных правоотношениях (политических, трудовых, имущественных, семейных и др.).

Правовая культура белорусского общества, как отмечалось, имеет собственные подсистемы, элементы (уровни), состав, структуру. В юридической литературе выделяются следующие **уровни (элементы) правовой культуры**:

- уровень развития правосознания индивидов, их семей, объединений, общества в целом;
- уровень развитости основанных на законности правовых форм деятельности, субъектов права. Включает следующие виды:
 - теоретическая деятельность ученых-юристов;
 - деятельность юристов-профессионалов, занимающихся правотворчеством и осуществляющих применение права (судьи, прокуроры, следователи, адвокаты и др.);

- образовательная деятельность преподавателей, студентов, магистрантов, слушателей юридических академий, вузов, школ, колледжей;
- деятельность общественных организаций;
- уровень развитости правовых актов и степень их доступности для всего населения страны.

Под **составом** правовой культуры в юридической литературе понимается *достаточная совокупность элементов, необходимых для нормального процесса функционирования правовой культуры*, а под ее **структурой** — *необходимые целесообразные связи между этими элементами, которые проявляются в их взаимодействии*.

Федерация профсоюзов Беларуси, самая массовая авторитетная общественная организация, успешно осуществляет свою деятельность во всех сферах гражданского общества в различных правовых формах, используя широкие права, предоставленные законодательством. Ее члены, имея достаточно высокий уровень правовой компетентности (среди них многие с высшим юридическим и экономическим образованием), эффективно реализуют свои возможности в различных производственных структурах, оказывая позитивные влияние на результативность работы профсоюзов.

ФПБ через своих депутатов Национального собрания Республики Беларусь приняла участие в разработке и издании важных законов в сфере социально-экономических и трудовых отношений (Закон о профессиональных союзах (1992), о поправках к действующему Трудовому кодексу Республики Беларусь и др.). Руководствуясь этими законами и Конституцией, Федерация держит в центре внимания вопросы общественного контроля за соблюдением трудового законодательства. Примечательно, что представления о восстановлении нарушенных трудовых прав граждан за последнее пятилетие были устранены нанимателями незамедлительно, без вмешательства суда и других государственных структур. Федерация имеет своих адвокатов, которые могут оказывать правовую помощь не только своим членам, но и любому гражданину учреждений, где отсутствуют профсоюзы.

Фундаментом правовой культуры белорусского общества, активным ее элементом, выступает **правосознание**. Структура правосознания включает следующие уровни:

1. По строению: *правовую идеологию* — систематизированное целенаправленное, научное и философское осмысливание правовых идей, взглядов, теорий, принципов, требований общества. Через идеологию находят отражение потребности и интересы различных социальных групп, общностей, народов, государства, мирового сообщества государств, определяется стратегия правовой жизни общества, осуществляется анализ современной правовой ситуации в обществе и в мире; *правовую психологию* — правовые чувства, эмоции (гнев, радость, страх и др.), эмоционально-психологический настрой индивидов, их объединений, общества в целом к праву. Возникают в повседневной жизни стихийно, носят несистематизированный, неформальный характер; *правовую этику* — учение о морали, о том, как следует поступать человеку в случае возникновения юридически

значимой ситуации. Используется при составлении профессиональных кодексов этики (судей, адвокатов, других юристов);

2. По социальному уровню, содержанию: *обыденное* — массовое правосознание и настроение индивидов, коллективов, их объединений. Возникает на основе опыта житейской мудрости, учитывается в судебном процессе (общественные обвинители, защитники, присяжные и т. д.); *профессиональное* — чувства, убеждения, обычаи, традиции, сложившиеся у судей, прокуроров и других юристов на основе юридической практики, учитывается при разрешении нестандартных юридических ситуаций между людьми, которые не урегулированы нормами права; *научное* — идеи, понятия, дефиниции, концепции, которые выражают систематизированное теоретическое освоение сущности права, его строения, механизма правового регулирования. Разрабатываются юристами-правоведами.

3. По уровню общности: *индивидуальное правосознание* — совокупность правовых знаний, оценок, чувств, эмоций, свойственных любому человеку. Проявляется в заявлениях, жалобах, ходатайствах, предложениях, объяснениях, в научных статьях, монографиях, диссертациях, в произведениях литературы и искусства, влияет на качество различных форм правовой деятельности субъектов; *групповое (корпоративное) правосознание* — отражает идеи отдельных социальных групп (бизнесмены, интеллигенция, заключенные), членов различных партий, общественных организаций, профсоюзов, предприятий, представителей профессий (медики, физики, юристы и т. д.). Проявляется в формах обращения, деклараций, программ, проектов законов, научных и популярных изданиях лидеров различных объединений. Оказывает влияние на стабильность общественно-правовой жизни.

Следует различать понятия «правовая культура» и «правосознание». Первое понятие более широкое. Правовая культура отличается от правосознания тем, что последнее включает совокупность идей, воззрений, теорий, ориентаций, эмоций, чувств, нравственных оценок, в том числе негативных, выражающих отношение к праву, а правовая культура представляет собой положительное отношение к правовым явлениям, которое выражается в деятельности индивидов юридических учреждений.

Правовая культура — это категория, выражающая уровень развитости юридического типа правосознания индивидов, их объединений, общества и государства в целом, проявляющийся в различных, основанных на законности правовых формах деятельности всех субъектов в процессе социализации права, правового регулирования общественных отношений. В белорусском обществе, как в любом другом, существуют следующие типы правосознания:

- юридическое мировоззрение; его основу составляют: знание права как ценностного явления, его уважение и, главное, активное правомерное поведение;
- правовой нигилизм; основан на негативном отношении к праву, несет деструктивное, отрицательное начало; это патология правового сознания, обусловленная состоянием общества. Особо опасен, когда:

приобретает демонстративно-конфронтационный, агрессивный характер; становится массовым, то есть широко распространяется не только среди граждан, социальных слоев населения, но и в официальных государственных структурах, законодательных, исполнительных и правоохранительных властных органах, особенно в СМИ, сфере науки и образования; принимает оппозиционную и популистскую направленность, регионально-национальную окраску, переходящую в сепаратизм, разобщение различных слоев населения, социальных групп, национальностей;

- криминальное правосознание; не отрицается ценность права, но его знание используется в преступных целях;
- правовой идеализм; право рассматривается как средство избавления общества от негативных явлений, не учитываются определенные условия, необходимые для реализации права. Законы принимаются без учета политической и социально-экономической обстановки в стране.

Правовой нигилизм, криминальное сознание и правовой идеализм одинаково опасны и общественно вредны, привносят в общественный порядок и нормальное стабильное функционирование общества деструктивное начало, способствуют формированию информационной изоляции вокруг правительства, проводящего социально ориентированную экономическую политику, тем самым создают угрозу безопасности государства и благосостояния народа. *Основные пути* преодоления правового нигилизма, криминального правосознания и правового идеализма: формирование, проведение и поддержание научно обоснованной, социально ориентированной правовой экономической политики государства; совершенствование общей и правовой культуры граждан, их правового и нравственного сознания; укрепление законности, правопорядка и государственной дисциплины; профилактика правонарушений; совершенствование подготовки высококвалифицированных кадров юристов; массовое просвещение и правовое воспитание населения.

Правовое воспитание — *целенаправленная систематизированная деятельность государства и его органов, общественных организаций (Республиканское общество «Знание», Общество юристов, Федерация профсоюзов Беларуси, Белорусский республиканский союз молодежи и др.), трудовых коллективов по формированию навыков активного правомерного поведения, повышению уровня правосознания и правовой культуры.* В белорусском обществе правовое воспитание осуществляется в разных формах: в семье, в школах, в средних специальных и высших учебных заведениях и т. д.

Существенный вклад в совершенствование правовой культуры белорусского общества на всех ее уровнях вносят профсоюзы, в частности Федерация профсоюзов Беларуси, которая обращает внимание:

- на *правовое воспитание в семье и дошкольных учреждениях.* По мнению известного педагога В. А. Сухомлинского, основы нравственности и первые представления о правопорядке складываются у детей в пятилетнем возрасте, далее укрепляются, развиваются на последующих ступенях обучения. Федерация профсоюзов Беларуси обращает особое внимание на

связь всех правовых форм воспитания: в семье, школе, вузе. Важно заметить, что в октябре 2011 г. администрация и профсоюзная организация ФФБ в День учителя отметила грамотами и ценными подарками наряду с учителями средних школ также воспитателей детских дошкольных учреждений, преподавателей учреждения образования «Международный университет «Митсо».

- *правовую пропаганду* через «Новое радио», газету «Беларускі час», журнал «Профсоюзы. Труд. Общество».

Белорусский исследователь А. А. Бочков, оценивая уровни правовой культуры личности, приводит разработанные Л. Н. Николаевой основные критерии ее качественного проявления, среди которых выделяет «степень правовой информированности (разр.— Э. К.)» [2]. Адаптируя этот важный показатель уровня правовой культуры личности к нашей теме, отметим, что в сегодняшнем профсоюзном строительстве серьезную силу представляет информационный потенциал профсоюзного сообщества. Речь идет о роли **информативной составляющей деятельности профсоюзов**, которая представляет собой развивающуюся инфраструктуру, состоящую из различных секторов, каждый из которых предлагает информационные продукты и услуги.

Средства массовой информации профсоюзов через «Новое радио» и газету «Беларускі час» предоставляют потребителям разные виды информации по всевозможным отраслям правовых знаний, периодически информируют о новых нормативных правовых актах, обеспечивающих цивилизованные отношения граждан. Научно-практический журнал «Труд. Профсоюзы. Общество» (рубрика «Юриспруденция») предлагает разнообразные материалы, сведения о состоянии дел в правовой науке.

Международный университет «МИТСО» — особое достояние Федерации профсоюзов Беларуси. Развитие образования всегда входило в систему ее приоритетных проектов и было признано одной из основных задач профсоюзов. В настоящее время вуз достиг значительных успехов в образовании и науке, в числе немногих высших учебных заведений получил лицензию по мировым стандартам качества обучения.

Высокий информативный потенциал, обеспечивающий студентов и профессорско-преподавательский состав университета, есть одна из первых предпосылок возможности готовить востребованные кадры юридической и экономической сфер страны. Свидетельством тому являются ежегодно проводимые университетом научно-практические конференции, олимпиады, фестивали и другие мероприятия, которые представляют немало проектов, затрагивающих национальные международные правовые проблемы и связанные с ними вопросы правовой культуры.

Серьезный диалог вели видные ученые-юристы страны А. Г. Василевич, С. Г. Дробязко, Т. И. Довнар, С. В. Липень, Е. В. Боршова, а также преподаватели МИТСО на состоявшемся в МИТСО в 2005 г. круглом столе «Проблемы формирования и развития правовой культуры белорусского общества». Выступающие поднимали вопросы истории терминологии правовой культуры, соотношения понятий «правовая культура» и «правовое социально-демократическое го-

сударство». Особое внимание обращено на проблемы правового воспитания молодежи, в частности подростков [3].

Проблемное поле научно-практической конференции «Гражданское общество: к 105-летию профсоюзного движения Беларуси» (2009) стало для студентов «своеобразным пространством для обмена научной информацией, практическим опытом по вопросам управления инновационными проектами, социальных и трудовых международных отношений. Участники представили различные методы работы для решения выдвинутых задач в отечественных и зарубежных профсоюзах, практические данные по уменьшению уровня стресса в компаниях, являющегося одним из основных проблем охраны труда на современном этапе, затрагивали гендерные аспекты управления персоналом» [4].

Международная научно-практическая конференция «Роль профсоюзов в современном обществе» (2010) объединила 163 автора, которые работали в русле тем «Профсоюзы в условиях функционирования Белорусской экономической модели развития», «Вопросы регулирования трудовых отношений в Республике Беларусь», «Роль и место профсоюзов в общественно-политическом развитии страны», «История становления системы профсоюзного образования на просторах СНГ». Участники конференции в докладах связывали профсоюзную тематику с процессом глобализации, пронизывающим все сферы жизнедеятельности современных обществ, внедрения новых инновационных и коммуникативных технологий в управление обществом, с интеграционными процессами и углублением международного разделения труда [5].

Приобретает значимость научная школа международного права МИТСО, функционирующая под руководством профессора А. Л. Козика. Организуемые ею юридические олимпиады, фестивали, семинары озвучивают новые идеи, веяния в правовой науке и практике, представленные молодыми участниками из разных стран мира.

В перспективе вуза — создание электронного университета. Это удивительно, ведь появятся центры, куда будет стекаться и редактироваться информация по конкретной сфере деятельности, в том числе по проблемам правовой культуры, где будут службы телекоммуникации и передачи данных и т. п. В его прямом функциональном назначении это сводится к обеспечению студентов и профессорско-преподавательского состава самой необходимой информацией.

Автор данной статьи не ставил цель дать исчерпывающую научную характеристику понятия правовой культуры. Это довольно сложная задача. Важным представлялось привлечь внимание ученых и общественности к более глубокому, всестороннему исследованию данной темы на всех уровнях правовой культуры, на уровне различных форм деятельности индивидов, их объединений: правотворческой, правоприменительной, правоохранительной, научной, образовательной, общественной, включая профсоюзную. Решению такой задачи может способствовать проведение на республиканском уровне научно-практической конференции по теме «Правовая культура: понятие, системно-структурные связи, проблемы, перспективы развития в условиях глобализации и региональной интеграции» с привлечением ученых и общественных отечественных и международных деятелей.

Список использованных источников

1. Право и демократия : сб. науч. работ. Вып 20 / отв. ред. В.Н. Бибило [и др.]. — Минск : БГУ, 2009. — С. 88.
2. Бочков, А.А. Правовая культура молодежи приграничья России и Беларуси / А.А. Бочков // Право бу. — 2011. — № 2. — С. 186.
3. Проблемы формирования и развития правовой культуры белорусского общества : материалы круглого стола, Минск, 3 февр., 2005 / Междунар. ин-т труд. и соц. отношений. — Минск : МИТСО, 2005.
4. Гражданское общество: к 105-летию профсоюзного движения Беларуси : материалы студ. науч.-практ. конф., Минск, 23–24 апр. 2009 г. / Междунар. ин-т труд. и соц. отношений / редкол.: А.А. Дичковский [и др.]. — Минск : МИТСО, 2009.
5. Роль профсоюзов в современном обществе : материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 18 марта 2010 г. / Междунар. ин-т труд. и соц. отношений; редкол.: А.И. Базылева [и др.]. — Минск : МИТСО, 2010.

09.12.2011

УДК 331 + 329.7

Нгуен Дык Тинь

ХАРАКТЕРИСТИКИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ВЬЕТНАМА

Раскрываются характеристики трудовых отношений на государственных, негосударственных предприятиях и предприятиях с иностранными инвестициями. Особое внимание обращено на функциональные обязанности низовых профсоюзов в создании на всех видах предприятий гармоничных, стабильных и прогрессивных отношений. Доказывается, что различные аспекты деятельности профсоюзов на предприятиях выступают важным регулятором стабильности и нормального функционирования предприятий в стране.

Characteristics of labor relations at the state, non-state enterprises and the enterprises with foreign investments are revealed. The special attention is turned to functional duties of local trade unions in creation of all kinds of the enterprises with harmonious, stable and progressive relations. It is proved that various aspects of activity of trade unions at manufacture act as an important regulator of stability and normal functioning of the enterprises in the country.

1. Характеристики трудовых отношений на предприятиях. В процессе развития рыночной экономики с социалистической ориентацией и международной экономической интеграции во Вьетнаме наряду с государственными активизируют работу высокими темпами негосударственные предприятия и компании с иностранными инвестициями. Рассмотрим характеристики трудовых отношений на таких предприятиях.

Трудовые отношения на государственных предприятиях

- Государство как владелец бизнеса или владелец государственного имущества, вносимого в капитал предприятия с лицензией на работодателя (генеральный директор, директор), нанимает работников на государственные предприятия.
- Пользователь имеет право нанимать, выплачивать заработную плату, поощрять работников за добросовестный эффективный труд на основе соблюдения трудового законодательства, трудовых затрат производства и бизнеса.
- Вербовка работников, управление их трудом, наложение взысканий, прекращение трудовых договоров, решение вопросов рабочих мест, заключение соглашений происходят в соответствии с положениями о рыночной экономике и трудовым законодательством.
- Права работников и работодателей в сфере трудовых отношений определены в Трудовом кодексе СРВ.
- На всех предприятиях функционируют профсоюзные организации. Профсоюзные чиновники часто являются менеджерами производственного бизнеса. Профсоюзы создают для работы благоприятные условия и часто находят консенсус с политикой, проводимой руководством предприятия.
- Основная масса работников имеют письменный трудовой договор, социальное и медицинское страхование.
- Большинство предприятий подписаны коллективные трудовые договоры с профсоюзами.

Трудовые отношения на предприятиях негосударственной формы собственности

- Отношения носят характер «работодатель — работник»; работодатели являются владельцами бизнеса или официальными доверенными лицами собственников.
- Малые и средние предприятия актуализируют управление через прямолинейную модель.
- Пользователи нанимают, платят, награждают работников, соблюдая базовые нормы трудового законодательства.
- Трудовой договор часто заключается на короткий срок; режим работы и зарплата в основном оговариваются устно.

- Большинство компаний заинтересованы в прибыли, не ориентированы на развитие человеческих ресурсов и на повышение квалификации работников.
- Нестабильная работа и отсутствие шансов карьерного роста приводят к колебанию рабочей силы.
- Работодатели часто попирают права, законные и справедливые интересы работников по вопросам заработной платы, в том числе за сверхурочную работу, рабочего времени, социального обеспечения, условий труда, техники безопасности, санитарных норм и правил.
- Владельцы и работники не проявляют интерес к созданию профсоюза.

Трудовые отношения на предприятиях с иностранными инвестициями

Представляют собой трудовые отношения между работодателями (иностранцы или вьетнамцы нанимаются для управления бизнесом) и работниками (вьетнамцы или иностранцы нанимаются предприятиями).

- Трудовые отношения на предприятиях с иностранными инвестициями из авторитетных развитых стран более гармоничные и здоровые, чем из развивающихся стран.
- Культурные различия между работниками и работодателями (каждая из сторон имеет свою культуру, привычки, стиль управления) делают трудовые отношения более разнообразными и сложными.
- Имеются значительные различия в заработной плате у иностранных и вьетнамских руководителей, менеджеров, у работников и работодателей.
- Заключение трудовых договоров преобладает, однако большинство из них заключается на 1 год и менее, содержание носит отрывочный характер.
- Широко распространено нарушение трудового законодательства (низкая заработная плата, некорректное обращение с работником), что оказывает негативное влияние на трудовые отношения.
- Осознание работодателями и работниками роли и социальной значимости профсоюзов невелико.

2. Цель создания на предприятиях гармоничных, стабильных и прогрессивных трудовых отношений.

Данные отношения являются здоровыми, поскольку строятся на основе правил гармонии интересов, уважения, взаимной поддержки, сотрудничества и доверия, способствуют развитию работника. Это должно привести к более стабильному, прогрессивному развитию за общие интересы в краткосрочной и долгосрочной перспективах.

Гармоничными, стабильными и прогрессивными являются трудовые отношения, в которых отсутствуют такие проблемы, как «детский труд», «принудительный труд», «дискриминация»; трудящиеся добровольно работают, получают хорошую зарплату, имеют право на свободу объединений и ведение коллективных переговоров; на предприятии обеспече-

на безопасность труда. В такой ситуации у работников есть общие интересы, они привязаны к предприятию и стремятся к экономическому развитию и социальной стабильности. Таким образом, **гармоничные, стабильные и прогрессивные трудовые отношения** представляют собой *взаимодействия людей, которые строятся на основе гармонии интересов, уважения, поддержки и взаимного сотрудничества, на их стремлении к взаимной выгоде, экономическому развитию и социальной стабильности.*

Цель создания гармоничных, стабильных и прогрессивных трудовых отношений на предприятиях — обеспечение интересов работников, работодателей и общества. Цели и интересы работников и работодателей часто не совпадают, увеличение доходов одной из сторон означает снижение интересов другой. Тем не менее в гармоничных, стабильных и прогрессивных трудовых отношениях существует диалектическая связь. Когда интересы работников повышаются, тогда повышается качество, эффективность и производительность и труда. Это в свою очередь приводит к увеличению прибыли, развитию бизнеса в качестве основы для стабильной занятости и улучшения условий жизни работников. Если интересы работников не учитываются, возникают трудовые споры, производство предприятий находится в застойном состоянии, работники рискуют потерять рабочие места. Все это снижает доходы, прибыль и приводит к социально-экономической нестабильности.

Создание гармоничных, стабильных и прогрессивных трудовых отношений для *работников* на предприятии предусматривает:

- стабилизацию, повышение эффективности деятельности предприятия, постоянное развитие бизнеса, увеличение количества рабочих мест, успешный карьерный рост. Данные позиции особенно важны, поскольку во Вьетнаме производство и бизнес находятся в неразвитом состоянии, конкурентоспособность предприятий остается низкой;
- увеличение размеров зарплаты при повышении эффективности производства, с учетом строгого соблюдения трудового законодательства и трудовых договоров;
- улучшение условий труда и здоровья работников. Имеется в виду правильный режим питания, рабочего времени и отдыха; дополнительная компенсация за работу на тяжелых участках, с вредными и опасными условиями труда; снабжение оборудованием по охране труда;
- создание благоприятной атмосферы между работодателями и работниками, работниками друг с другом в системе сотрудничества, взаимной поддержки, равноправия, справедливости и уважения личного мнения каждого; выполнение уставных задач и развитие традиций «солидарности» вьетнамцев;
- заинтересованность работников в проведении и участии культурно-просветительских мероприятий, посещение спортивных секций; получение необходимой психологической помощи при возникновении трудностей, внезапных заболеваний, несчастных случаев.

Создание гармоничных, стабильных и прогрессивных трудовых отношений для *работодателей* на предприятии предполагает:

- гарантию прав и интересов работника. Это позволит ему глубже осознать смысл сбережения и борьбы с расточительностью, что в итоге приведет к уменьшению производственных затрат, снижению себестоимости и повышению конкурентоспособности продукции;
- повышение авторитета предприятия, которое будет считаться предприятием высокой социальной ответственности, надежной деятельностью, доверия со стороны инвесторов, партнеров и клиентов;
- минимизацию риска возникновения трудового конфликта, случаев прекращения производственной деятельности, невыполнения клиентами контрактов, количества забастовок.

Создание гармоничных, стабильных и прогрессивных трудовых отношений на предприятии *для общества* предполагает:

- повышение интересов работников и работодателей, то есть увеличению блага большинства населения;
- развитие предприятий за счет создания материальной основы экономического роста, устойчивого экономического развития и социально-политической стабильности;
- сокращение количества трудовых споров, разногласий. В случае трудового спора стороны могут договориться на основе взаимоуважения и сотрудничества; в случаях забастовки, которая произошла без прохождения надлежащей правовой процедуры или закончилась путем решения желаний сторон, — сохранить социально-политическую устойчивость государства.

3. Обязанности объектов предприятия в создании гармоничных, стабильных и прогрессивных трудовых отношений. Реализация Директивы 22-СТ/TW от 05.06.2008 г. Секретариата ЦК КПВ «Об укреплении функции лидерства и руководства по созданию гармоничных, стабильных и прогрессивных трудовых отношений на предприятиях» проходила под знаком решения многих задач. Органы партии, правительство, профсоюзы и другие заинтересованные ведомства укрепляли позиции образовательной деятельности, пропаганды, политики партии, государственного законодательства о создании гармоничных, стабильных и прогрессивных трудовых отношений для трудящихся; вели диалог с предприятиями с целью устранения в кратчайшие сроки их трудностей, активного участия в решении трудовых споров и проблем. Самое главное — создание на предприятиях предпосылок для улучшения материальной и духовной жизни работников, в чем заинтересованы все уровни власти и предпринимательства.

Решение проблем оплаты труда, социального страхования, медицинского страхования, страхования на случай безработицы, строительства домов для работников и рабочих с низкими доходами позволило снизить количество трудовых споров и забастовок до минимума, обеспечить интересы работодателей и трудящихся.

Создание гармоничных, стабильных и прогрессивных трудовых отношений на предприятиях является обязанностью партии, правительства, профсоюзов, организаций, представляющих работодателей (Палата Торговли и Промышленности Вьетнама VCCI; Кооперативный альянс Вьетнама) и работников.

В настоящих условиях население Вьетнама, как и любой страны, интересуют вопросы обеспечения социальной безопасности, занятости, поддержания достойного уровня жизни. В соответствии с этим возрастает роль профсоюзов на различных видах производства. Рассмотрим содержание деятельности низовых профсоюзов, работодателей и работников в выполнении задач предприятия.

Низовые профсоюзы обязаны:

- разъяснять трудовое законодательство, закон о профсоюзах, положение, роль и функции профсоюзов на производстве, право на вступление и участие в профсоюзной деятельности работников; обязанности сторон в реализации законов о труде; политику в области труда (заработной платы, социального страхования, рабочего времени, времени отдыха, безопасности и гигиены труда); преимущества создания гармоничных, стабильных и прогрессивных трудовых отношений для работников и работодателей;
- усилить контроль и мониторинг за реализацией политики и установок работодателей, за исполнением требований работников, выраженных в положениях трудовых договоров, коллективных договоров, за предлагаемыми мерами компетентным органам для оперативного решения задач на уровне законодательства;
- руководить и оказывать помощь работникам в подписании трудовых договоров в соответствии с трудовым законодательством; активизироваться в разработке, согласовании и подписании коллективного трудового договора, соглашений с ориентацией на фундаментальные, непосредственные и долгосрочные интересы работников, работодателей и общества;
- стремиться как можно глубже понимать чувства и желания работников, чтобы найти способы решения важных для них проблем; способствовать поощрению работников с целью повышения производительности труда; соблюдать трудовую дисциплину и выполнять правила внутреннего трудового распорядка; своевременно информировать работодателей о наболевших вопросах в среде работников, чтобы вместе найти приемлемые решения; усилить свою роль в минимизации коллективных простоев, забастовок;
- стимулировать развитие членов профсоюза и создание низовых эффективных профсоюзов; обратить внимание на подготовку, переподготовку, повышение квалификации и профессионального мастерства профсоюзных работников, считать это весьма важной задачей.

Работодатели обязаны:

- строго соблюдать трудовое законодательство, Закон о профсоюзах и иные нормативные правовые акты, содержащие нормы трудового права, локальные нормативные акты, особенно условия коллективного договора, соглашений и трудовых договоров (при наличии), а также политику и законы, касающиеся заработной платы работников, социального и медицинского страхования, рабочего времени и времени отдыха, охраны труда и техники безопасности;
- сотрудничать с профсоюзом для обсуждения и решения вопросов трудовых отношений, особенно в части прав и обязанностей работников, проблем трудовых конфликтов, трудовых споров, причин прекращения работы, забастовки, создания условий для деятельности профсоюзов;
- укреплять диалог и обмен информацией между профсоюзами, работниками, прислушиваться к мнению профсоюза и работников для своевременно урегулирования проблем настоящего момента; решать вопросы, связанные с трудовыми отношениями, путем переговоров и мира, чтобы избежать возможного конфликта;
- создать здоровую корпоративную культуру, особенно такие культурные ценности, как бизнес-философия, ритуалы, поведение при общении, общие стандарты.

Работники обязаны:

- строго соблюдать трудовое законодательство, закон о профсоюзах и обязанности в создании гармоничных, стабильных и прогрессивных трудовых отношений на предприятиях; хорошо понимать политику и законы, особенно содержание положений трудовых договоров; знать и уметь защищать свои права и обязанности на предприятии; разбираться в назначении предприятия согласно заключенным договорам;
- соблюдать организованность, дисциплину и производственный стиль с учетом особенностей предприятия; работать с высокой производительностью и качеством, способствовать повышению эффективности производства;
- иметь хорошие отношения с руководителями и профсоюзными работниками; искренне выражать свое настроение и желания руководителям и профсоюзным чиновникам;
- постоянно совершенствовать свои знания для повышения производительности труда и доходов, понимать свои права и обязанности в создании гармоничных стабильных, прогрессивных трудовых отношений на предприятии.

Список использованных источников

1. *Кишелев, В.Н.* Социальное партнерство в России / В.Н. Кишелев, В.Г. Шмолков. — М. : Изд-во «Труд», 2004.
2. *Чьонг Хай.* Трудовые отношения / Чьонг Хай. — Изд-во «Труд», 2008.
3. Профсоюзы и трудовые отношения в условиях рыночной экономики во Вьетнаме. — Изд-во «Труд», 2011.
4. Трудовые отношения : учебник / ред. : Нгуен Тьеп. — Изд-во социалист. труда, 2010.
5. Трудовые отношения в тенденции глобализации и роли профсоюзов. Ежегодник семинара / Ин-т проф. движения ВКТВ. — Изд-во «Труд», 2011.

11.10.2011

Н. П. Аникеенко

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БЮДЖЕТИРОВАНИЯ КАК СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНОЛОГИИ ФИНАНСОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

В современных условиях бюджетирование должно стать основой планирования в качестве важнейшей функции управления. В статье уточняется сущность бюджетирования, которая определяется как технология финансового планирования, предполагающая его осуществление по центрам финансовой ответственности, скользящий характер по регулярности проведения и четко интегрирующие этапы тактического и оперативного планирования в единый непрерывный процесс. Выделенные специфические принципы бюджетного планирования — обратной связи, системности, финансовой структуры, регламентации — позволяют повысить его эффективность. Как управленческая функция бюджетирование может быть применено в деятельности любой организации посредством реализации его принципов и с учетом особенностей ее методологии планирования.

In modern conditions budgeting should become a basis of planning as the major function of management. In the article the essence of budgeting is defined as the technology of financial planning assuming its realization in the centers of financial responsibility, sliding character on regularities of carrying out and accurately integrating stages of tactical and operational planning in united continuous process. The allocated specific principles of budgetary planning — feedback, consistency, financial structure, regulation — allow to raise its efficiency. As an administrative function budgeting can be applied in activity of any organization by means of realization of its principles and taking into account features of its technique of planning.

В условиях роста конкуренции на международных и внутренних рынках повышается значимость и актуальность финансового планирования, которое обеспечивает выбор направления развития бизнеса, гарантирует, подтверждает, обосновывает его эффективность.

Кроме того, оно позволяет предвидеть потребность в ресурсах, их рациональное распределение и использование, что во многом обеспечивает стабильное функционирование каждого субъекта хозяйствования, его положительный конечный результат деятельности. В нынешних условиях финансовое планирование должно стать стержнем системы управления деятельностью предприятий, позволяющим обеспечивать финансовыми ресурсами мероприятия по совершенствованию хозяйственной деятельности, целенаправленно накапливать средства для их реализации.

Однако финансовое планирование на практике не приносит должного эффекта в процессе управления финансовыми ресурсами предприятий Республики Беларусь. Это связано, по нашему мнению, с несовершенством его методологии по следующим направлениям:

- отсутствует детальная систематизация и взаимосвязка планов в единую, многоуровневую систему;
- имеет место разрозненность компонентов стратегического, тактического и оперативного финансового планирования;
- не используется непрерывная корректировка планов в процессе финансового планирования;
- применяется контроль низкого уровня за исполнением планов;
- отсутствует механизм моделирования финансовых планов с учетом вероятного изменения финансовой ситуации.

В современной экономической литературе в качестве одного из направлений совершенствования финан-

сового планирования, позволяющего частично устранить отмеченные недостатки в его методологии, рассматривают внедрение технологии бюджетирования. По мнению ряда авторов, в условиях рынка именно бюджетирование должно стать основой планирования — важнейшей функции управления.

Несмотря на то что термин «бюджетирование» появился в обороте русского языка в 70-х гг. прошлого века и в современной литературе и практической деятельности бюджетированию уделяется большое внимание и предложены методики его организации, до сих пор нет единого подхода к пониманию и определению его сущности.

Основными преимуществами бюджетирования отмечаются: повышение гибкости плана; установление прямой зависимости между потреблением ресурсов, эффективностью работы и доходами; обеспечение «прозрачности» и сопоставимости по всем видам деятельности и функциям управления, своевременной и эффективной реакции на текущие и будущие изменения. С нашей точки зрения, данные характеристики являются общими относительно планирования и не отражают специфику бюджетирования.

Цель статьи — уточнить сущность бюджетирования и отразить его специфические особенности, позволяющие повысить эффективность финансового планирования в современных условиях.

В литературе бюджетирование в большинстве рассматривается:

- как эффективный инструмент комплексного управления финансами (инструмент финансового менеджмента);
- технология управления предприятием, включающая все этапы цикла управления, за исключением целепостановки;
- составная часть финансового планирования (метода, инструмента, технологии, вида).

Таким образом, мнения варьируются от понимания бюджетирования как составной части планирования до выделения его в качестве полноценной технологии управления предприятием.

По нашему мнению, **бюджетирование следует рассматривать в двух аспектах:**

- как управленческую технологию в случае интеграции функций управления, основанной на бюджетном планировании — *бюджетное управление*;
- технологию составления, корректировки, контроля и оценки исполнения бюджетов по центрам ответственности — *бюджетное планирование*.

Авторы по-разному отражают взаимосвязь бюджетирования и финансового планирования, рассматривая либо бюджетирование как часть финансового планирования (при бюджетном планировании), либо финансовое планирование как основу бюджетирования (при бюджетном управлении). Отметим, что бюджетное планирование как процесс по своему функциональному назначению идентичен планированию и представляет собой непрерывный цикл, состоящий из этапов (рис.):

- определение общих финансовых целей развития организации в количественном выражении;
- конкретизация общих целей и определение задач для каждого структурного подразделения;
- контроль исполнения бюджетов;
- анализ исполнения бюджетов;
- корректировка планов.

Бюджетное планирование осуществляется только в рамках соответствующей технологии управления, в основу которой положен *процессный подход*, предполагающий, как отмечают М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури [8], рассмотрение процесса управления как *серию взаимосвязанных действий (управленческих функций)*. Именно поэтому преимуществом бюджетирования часто считается наличие в его процессе таких этапов, как контроль и анализ исполнения планов.

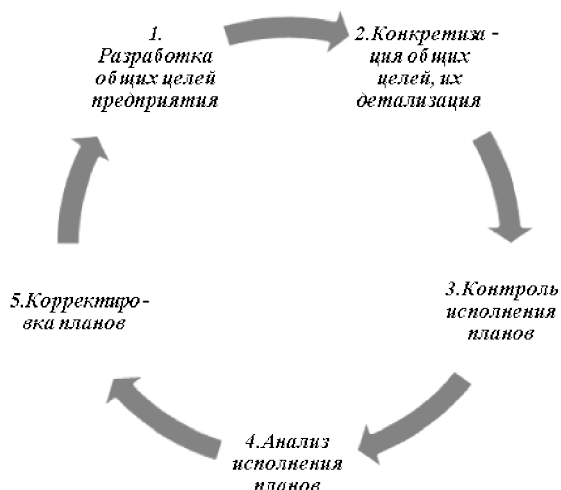

Рис. Непрерывный цикл этапов планирования и бюджетирования

Специфика бюджетирования характеризуется:

- непрерывным составлением, контролем, анализом исполнения и корректировкой бюджетов, что достигается посредством механизма скользящего планирования;
- соответствием системы бюджетов организационной структуре предприятия с целью закрепления ответственности за результаты планирования и достижения сопоставимости по всем видам деятельности и функциям управления, достигаемым путем планирования по центрам ответственности (это способствует усилению мотивации к выполнению плановых заданий и к более четкому их обоснованию в процессе планирования);
- согласованностью планирования (структурированностью системы бюджетов и интеграцией форм планирования), достигаемой путем взаимосвязи между системой показателей как самих бюджетов, так и отчетов их исполнения (это обеспечивает гибкость системы планов и целевую согласованность форм планирования);
- и, самое главное, четкой регламентацией всей последовательности плановых работ начиная от их составления и заканчивая контролем за исполнением (обеспечивает оперативность планирования).

Таким образом, **бюджетирование** следует рассматривать как **способ организации планирования, то есть его технологию**, которая представляет собой, по мнению А. И. Ильина [7], последовательность работ при составлении финансовых планов. Успех планирования во многом определяется применяемой на предприятии *технологией планирования*, гарантирующей *своевременность составления и актуализацию планов, высокую степень их исполнения*.

У авторов также нет единого мнения относительно того, является ли бюджетирование технологией исключительно финансового планирования или планирования в целом. С нашей точки зрения, бюджетирование — это именно финансовое планирование, а не планирование в целом, так как оно ориентировано на достижение финансовых показателей деятельности, а основные бюджеты в бюджетировании являются финансовыми планами, по отношению к которым остальные выступают функциональными (дополнительными, вспомогательными, специальными). Итоговым документом бюджетирования и тактического финансового планирования является генеральный или мастер-бюджет, состоящий:

- из бюджета доходов и расходов;
- бюджета движения денежных средств;
- расчетного (прогнозного) баланса.

Названные финансовые документы позволяют прогнозировать *эффективную финансовую деятельность* (первый документ), *текущую платежеспособность* (второй документ) и *финансовую устойчивость* (третий документ).

Преобладающим среди экономистов является мнение о том, что бюджетирование — это технология оперативного планирования. Однако, учитывая скользящий характер бюджетирования, как минимум помесечную детализацию и четкую согласованность

с процессами контроля исполнения планов и их корректировки, по нашему мнению, необходимость в оперативном планировании отпадает и **бюджетирование реализуется в рамках отдельной формы планирования, сочетающей и взаимоувязывающей тактическое и оперативное планирование в единый процесс.**

Таким образом, с точки зрения процесса планирования **бюджетирование** — это *технология финансового планирования, предполагающая его осуществление по центрам финансовой ответственности, его скользящий характер по регулярности проведения и четко интегрирующие этапы тактического и оперативного планирования в единый непрерывный процесс.*

Для эффективной организации процесса планирования бюджетирование, как его технология, должно базироваться на характерных ему принципах. В литературе недостаточно внимания уделяется принципам бюджетирования. Как правило, указываются общие принципы, характерные для процесса планирования в целом и не отражающие специфику бюджетирования. Например, А. Е. Дмитриев [4] выделяет следующие принципы бюджетирования: целевой характер планирования (связан с основным принципом управления вообще); научная обоснованность; соответствие плана имеющимся ресурсам; план — не директива, а ориентир; необходимость увязки всех плановых показателей; многовариантность планирования или «выбор стратегических альтернатив»; сценарный подход; чем шире горизонт планирования, тем квалифицированнее должны быть исполнители; конкретизация целей; баланс интересов. На наш взгляд, принципы бюджетирования должны отражать его специфику, а не дублировать общие принципы планирования, технологией которого является бюджетирование и также базируется на этих принципах.

Специфические принципы бюджетирования представим в таблице.

лей бюджетов обеспечивается их целевая и содержательная интеграция; за счет финансовой структуры создается финансовая модель управления, обеспечивается финансовая прозрачность организации, а также повышается мотивация сотрудников к выполнению плановых заданий; за счет четкой регламентации процессов планирования повышается оперативность планирования и обеспечивается своевременная актуализация планов.

Практическая реализация принципов бюджетирования в организации предполагает:

- формирование финансовой структуры;
- создание бюджетной модели;
- описание регламентов процесса бюджетирования.

Финансовая структура является основой системы бюджетирования, самой важной его частью, от которой в максимальной степени зависит успешность функционирования всей системы. При отнесении подразделений или групп сотрудников к одному из центров финансовой ответственности (ЦФО) можно использовать разные подходы, но неизменными должны оставаться два критерия создания ЦФО:

- эффективность деятельности ЦФО должна выражаться финансовым результатом;
- данный финансовый результат должен быть непосредственно связан с той деятельностью, которой занимается ЦФО и за которую он несет полную ответственность.

Бюджетная модель представляет собой *взаимосвязанную совокупность всех бюджетов организации вместе с правилами и процедурами их формирования.* Она включает:

- взаимосвязанную систему бюджетов — описание взаимосвязей как между разными бюджетами, так и между отдельными статьями внутри одного бюджета;
- аналитические измерения бюджетов — набор бюджетных статей и перечень соответствующих бюджету ЦФО финансовой структуры;

Таблица

Специфические принципы бюджетирования как технологии финансового планирования и их характеристики

Специфические принципы бюджетирования	Характеристики принципов
1. Принцип «обратной связи»	Предполагает выделение центров финансовой ответственности с закреплением ответственности за результаты планирования в количественном выражении, что повышает уровень контроля и обеспечивает более сильную обратную связь
2. Принцип системности («сквозной характер»)	Предполагает наличие системы взаимосвязанных показателей бюджетов и отчетов их исполнения
3. Принцип финансовой структуры	Предполагает осуществление планирования по центрам финансовой ответственности с целью достижения сопоставимости по видам деятельности и функциям управления
4. Принцип единых стандартов (регламентации)	Предполагает наличие организационного обеспечения системы бюджетирования посредством разработки регламентов, которые в систематизированном виде описывают все процедуры бюджетного процесса

Таким образом, за счет усиления обратной связи бюджетирование способствует повышению степени выполнения планов; за счет системности показате-

- иерархическую организацию аналитических измерений — способы группировки позиций измерений в позиции более высокого уровня. Выбор одного

или нескольких способов группировки очень важен для организации, поскольку от этого будет зависеть используемая методология планирования бюджетов;

- методологию формирования, консолидации, утверждения, корректировки, контроля и анализа бюджетов организации;

- бюджетные формы.

При разработке бюджетной модели необходимо учитывать взаимосвязи между бюджетами, а также правила и последовательность формирования, определяемую методологией формирования бюджетов организации.

Регламенты бюджетирования — набор внутренних законодательных документов организации, которые в систематизированном виде описывают все процедуры бюджетного процесса (начиная от формирования и заочная проверка формирования, определяемую методологией формирования бюджетов). Включают следующую информацию:

- сроки проведения каждого этапа;
- ответственные подразделения и лица на каждом этапе бюджетного процесса;

- требуемые входящие и исходящие документы;
- условия, при которых возможна реализация тех или иных бюджетных процедур.

Таким образом, бюджетное планирование в силу его ориентации на финансовую модель управления следует отнести к финансовому планированию. В системе финансового планирования бюджетирование выступает составной частью его методологии —

технологией планирования, отличающейся четкой регламентацией всех процессов планирования, в силу реализации ряда специфических принципов которой обеспечивается: четкая целевая и содержательная интеграция тактического и оперативного планирования; финансовая прозрачность организации, мотивация сотрудников к выполнению плановых заданий; своевременная актуализация планов, сопоставимость по видам деятельности и функциям управления. Поэтому построение технологии финансового планирования на основе принципов и подходов бюджетирования должно способствовать существенному повышению эффективности организации финансового планирования в организациях Республики Беларусь.

С учетом уточнения сущности бюджетирования и четкого определения его места в системе планирования следует сделать также вывод о том, что его применение целесообразно, когда стратегия деятельности организации ориентирована на достижение финансовых целей, организация имеет разветвленную структуру и функционирует в условиях динамичной экономической среды. При этом, являясь технологией планирования, а не методикой (как отмечает ряд авторов), бюджетирование может быть применимо в отношении деятельности любой организации посредством практической реализации его специфических принципов и с учетом особенностей используемой ею методики планирования.

Список использованных источников

1. Бекетов, Н.В. Бюджетное планирование и бюджетирование на предприятиях / Н.В. Бекетов // Экономический анализ: теория и практика. — 2008. — № 5. — С. 14–17.
2. Демченко, А.Г. Бюджетирование: как попасть в цель? / А.Г. Демченко, А.А. Агафонов // Финансовый менеджмент. — 2008. — № 1. — С. 70–75.
3. Бюджетирование: шаг за шагом / Е. Добровольский [и др.]. — СПб.: Питер, 2005.
4. Дмитриев, А.Е. Бюджетное управление: типичные ошибки / А.Е. Дмитриев // Экономика. Финансы. Управление. — 2007. — № 10. — С. 91–99.
5. Дмитриев, А.Е. Бюджетное управление: типичные ошибки / А.Е. Дмитриев // Экономика. Финансы. Управление. — 2007. — № 11. — С. 95–105.
6. Захаров, И.В. Программа внедрения процесса бюджетирования на предприятии / И.В. Захаров // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. — 2008. — № 11. — С. 51–56.
7. Ильин, А.И. Планирование на предприятии: учебник для вузов / А.И. Ильин. — Минск: Новое знание, 2004.
8. Мескон, М. Основы менеджмента / М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури; пер. с англ. — М.: Дело, 1998.
9. Серегин, А. Бюджетирование: решение проблем роста компании / А. Серегин // Финансовый директор. — 2007. — № 5. — С. 52–56.
10. Хруцкий, В.Е. Системы бюджетирования. Семь шагов по эффективной постановке бюджетирования / В.Е. Хруцкий, Р.В. Хруцкий. — М.: Финансы и статистика, 2007.

13.05.2011

УДК 658.14/17

Е. В. Ворошина

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФИНАНСОВОГО МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ ПРЕДПРИЯТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Эффективная деятельность предприятий в долгосрочной перспективе и повышение их конкурентоспособности определяются инновационным развитием. В статье раскрывается понятие финансового механизма управления инновационным развитием предприятия, определены формы государственного участия в этом процессе, выполнена оценка и уточнены факторы, обуславливающие эффективность функционирования данного механизма. Предложенные направления совершенствования финансового механизма управления инновационным развитием предприятия будут содействовать конкурентоспособности, прибыльности предприятий и в целом экономическому росту Республики Беларусь.

An effective activity of the enterprises in long-term prospect and increase of their competitiveness are defined by innovative development. In the article the concept of the financial mechanism of management of innovative development of the enterprise is revealed, forms of the state participation in this process are defined, the estimation is executed and the factors causing efficiency of functioning of the given mechanism are specified. The offered directions of perfection of the financial mechanism of management of innovative development of the enterprise will promote competitiveness, profitableness of the enterprises and as a whole to economic growth of the Republic of Belarus.

В глобальной экономической конкуренции выигрывают страны, которые обеспечивают благоприятные условия для инновационного развития предприятий. Для отечественных предприятий большое значение приобретает формирование эффективного финансового механизма управления этим процессом.

Исследованием проблем формирования финансового механизма управления инновационным развитием предприятия в разное время занимались И. Шумпетер, Н. Д. Кондратьев, П. Г. Никитенко, С. Д. Ильенкова, Р. А. Фатхутдинов и др. Авторы внесли большой вклад в теорию и методологию формирования финансового механизма управления инновационным развитием предприятия. Однако ряд теоретических и методических проблем остаются нерешенными, что обуславливает актуальность данной статьи.

Содержание финансовых методов и финансовых рычагов управления инновационным развитием предприятия позволяет определить финансовый механизм управления инновационным развитием предприятия как сложный динамический комплекс многообразных причинно-следственных связей, совокупность процессов и хозяйственных отношений, обеспечивающих финансово-экономические условия осуществления инновационного развития и оценку экономической эффективности выполняемых инновационных преобразований.

Процесс формирования и функционирования финансового механизма управления инновационным развитием предприятий определяется как инновационной политикой и государственным регулированием инновационной деятельности предприятий, так и возможностями предприятий самостоятельно финансировать инновационное развитие.

Формы государственного участия в финансировании инновационной деятельности из средств республиканского и местных бюджетов осуществляются через президентские, научно-технические программы, программы поддержки предпринимательства, инновационные проекты, участие государства в создании элементов инновационной инфраструктуры, подготовку кадров для инновационной деятельности [1].

Для оценки возможности инновационного развития отечественных предприятий важно проанализировать их финансовое положение.

По данным Национального статистического Комитета Республики Беларусь, коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами промышленных предприятий в 2005 г. составил 13,2, в 2006 г.— 12,4, в 2007 г.— 12,9, в 2008 г.— 13,8, в 2009 г.— 2,7, в 2010 г.— минус 2,6. Коэффициент текущей ликвидности в 2005 г. составил 140,7, в 2006 г.— 147,6, в 2007 г.— 154,3, в 2008 г.— 175,7, в 2009 г.— 163,6, в 2010 г.— 167,2. Коэффициент обеспеченности финансовых обязательств активами в 2005 г. составил 22,9, в 2006 г.— 23,8, в 2007 г.— 25,8, в 2008 г.— 27,6, в 2009 г.— 32,3, в 2010 г.— 32,9 [2].

Коэффициенты текущей ликвидности и обеспеченности финансовых обязательств активами промышленных предприятий за анализируемый период имели тенденцию к увеличению. Однако недостаток обеспеченности предприятий собственными оборотными средствами негативно характеризует текущее финансовое состояние предприятий, следовательно, их возможности финансового обеспечения инновационного развития.

Удельный вес организаций, являющихся инновационно активными в общем числе организаций, составил в 2005 г.— 14,1 %, в 2006 г.— 16,3 %, в 2007 г.— 17,8 %, в 2008 г.— 17,6 %, в 2009 г.— 12,1 %, в 2010 г.— 15,4 % (против оценочного 15,0 %) [2].

Объем затрат на технологические инновации в 2010 г. определялся условиями финансирования инновационной деятельности организаций промышленности. В структуре основных источников финансирования технологических инноваций в 2010 г. удельный вес собственных средств организаций составил 38,9 %, средств кредитов и займов — 36,9 %, средств иностранных инвесторов, включая иностранные кредиты и займы,— 16,0 %, средств республиканского бюджета — 6,5 %.

Удельный вес инновационной продукции в общем объеме отгруженной инновационной продукции промышленности составил в 2004 г.— 11,9 %, в 2005 г.— 15,2 %, в 2006 г.— 14,8 %, в 2007 г.— 14,8 %, в 2008 г.— 14,2 %, в 2009 г.— 10,9 %, в 2010 г.— 14 % (против оценочного 11,0 %) [2].

Представленная информация позволяет сделать вывод о положительной тенденции инновационного развития организаций промышленности Республики Беларусь в 2010 г. Но недостаток собственных денежных средств и высокая стоимость нововведений препятствуют инновационному развитию предприятий на должном уровне, что обуславливает необходимость совершенствования финансового механизма управления инновационным развитием предприятия.

Факторы, определяющие эффективность функционирования финансового механизма управления инновационным развитием предприятия:

- уровень разработанности процедур управления финансовыми ресурсами инновационно активного предприятия;
- квалификация специалистов, непосредственно занимающихся инновационной деятельностью на предприятии и обеспечивающих управление финансовыми ресурсами;
- формы и методы принятия управленческих решений в сфере управления финансами инновационно активного предприятия.

Совершенствование финансового механизма управления инновационным развитием отечественных предприятий, на наш взгляд, возможно за счет фор-

мирования экономически рациональной структуры капитала предприятия. Экономически рациональная структура капитала предприятия является основой устойчивого финансового положения предприятия, позволяющего осуществлять активное инновационное развитие.

Принципы формирования экономически рациональной структуры капитала предприятия [3]:

1. максимизация уровня прогнозируемой финансовой рентабельности. При расчетах используется механизм финансового левеиджа. Левеидж в приложении к финансовой сфере трактуется как определенный фактор, небольшое изменение которого может привести к существенному изменению результирующих показателей. Финансовый левеидж характеризует использование предприятием заемных средств, которое влияет на изменение коэффициента рентабельности собственного капитала;

2. минимизация стоимости капитала (метод средневзвешенной стоимости капитала). Процесс основан на предварительной оценке стоимости собственного и заемного капитала при разных условиях его привлечения и осуществлении многовариантных расчетов средневзвешенной стоимости капитала;

3. минимизация уровня финансовых рисков. Способ поиска рациональной структуры капитала связан с процессом дифференцированного выбора источников финансирования (краткосрочный заемный капитал, долгосрочный заемный капитал, собственный капитал) различных составных частей активов предприятия. В зависимости от своего отношения к финансовым рискам собственники или менеджеры предприятия к финансированию активов предприятия избирают или консервативный, или умеренный (компромиссный), или агрессивный подход.

Основной недостаток рассмотренных принципов — рационализация структуры капитала предприятия с ориентацией на один критерий. Таким образом, финансовый менеджер, прежде чем приступить к решению проблемы рационализации структуры капитала предприятия, должен сделать выбор основополагающего критерия.

С учетом содержания принципов формирования экономически рациональной структуры капитала предприятия, предлагаем направления совершенствования финансового механизма управления его инновационным развитием:

- использование комплексной методики выбора по двум основным критериям: минимизация стоимости капитала и максимизация рентабельности собственного капитала. Это позволит сопоставить расчеты рациональной структуры капитала предприятия и принять наиболее верное решение;

- применение специализированного продукта корпорации «Галактика» — системы «Галактика ERP» для решения задач финансового анализа. В 2010 г. данная система пополнилась новыми возможностями для управления производством, финансами, логистикой, МТО, персоналом, появились новые

решения по управлению проектами и проектным производством.

Решение «Галактика. Управление проектами» имеет развитую функциональность для управления проектной деятельностью и позволяет повысить эффективность реализации проектов в масштабе предприятия и корпорации. Основные функции решения: контроль сроков исполнения проекта; осуществление оперативного стратегического планирования; отслеживание превышения бюджета; перераспределение нагрузки персонала, то есть обеспечение информационной поддержки любых производственных и непроизводственных проектов. Система поддерживает управление практически любыми видами проектов, в том числе имеются специализированные решения для управления: IT-проектами, НИР, ОКР, подготовкой производства, сложной конечной сборкой [4].

Для оценки эффективности направлений совершенствования финансового механизма управления инновационным развитием предприятия рекомендуется использование *методики оценки эффективности через условно-денежный поток*, учитывающей вероятности, присущие конкретным положительным и отрицательным условно-денежным потокам, и собственные им экономические риски.

В основу расчета методики положена концепция управления стоимостью предприятия. В последнее время концепция управления стоимостью компании принята экономическим сообществом отечественных и зарубежных стран в качестве базовой парадигмы развития бизнеса. Концепция стоимости советует отказаться от неэффективных бухгалтерских критериев успешности функционирования компании и принимать во внимание только один критерий, наиболее простой и понятный для акционеров и инвесторов, — вновь добавленная стоимость.

Стоимость является интегральным эффектом, по которому можно оценить деятельность предприятия, так как он аккумулирует влияние всех управленческих решений. Данное свойство этого показателя позволяет говорить о том, что конкурентоспособность предприятия в результате совершенствования финансового механизма управления инновационным развитием предприятия будет изменяться прямопропорционально стоимости. Стоимость предприятия можно представить как величину, чувствительную к изменению конкурентоспособности [5].

Внедрение усовершенствованного финансового механизма управления инновационным развитием предприятия может повлечь три варианта развития:

- повышение конкурентоспособности, увеличение спроса на продукцию, рост стоимости активов и предприятия;
- снижение конкурентоспособности, спроса, стоимости активов и предприятия;
- отсутствие изменений.

Положительное изменение стоимости предприятия (ΔV) будет свидетельствовать, что внедрение

усовершенствованного финансового механизма управления инновационными процессами способствовало повышению конкурентоспособности предприятия:

$$\Delta V = V_{\Phi M} - V, \quad (1)$$

где: $V, V_{\Phi M}$ — соответственно стоимость предприятия до и после внедрения усовершенствованного финансового механизма управления инновационным развитием предприятия.

Стоимость предприятия в результате внедрения усовершенствованного финансового механизма управления инновационным развитием предприятия рассчитывается по формуле:

$$V_{\Phi M} = \sum_{t=1}^T \sum_{q=1}^A \frac{X_{qt}^{\Phi M} \cdot P_X}{(1 + r_{qt})^t} - \sum_{t=1}^T \sum_{q=1}^A \frac{(Y_{qt}^{\Phi M} \cdot P_Y + Y_{qt}^{\Phi M} \cdot P_Y)}{(1 + r_{qt})^t}, \quad (2)$$

где: $V_{\Phi M}$ — стоимость предприятия в условиях конкурентной среды после внедрения усовершенствованного финансового механизма управления инновационным развитием предприятия;

$X_{qt}^{\Phi M}, Y_{qt}^{\Phi M}$ — соответственно величины положительных и отрицательных условно-денежных потоков, возникающих в результате внедрения усовершен-

ствованного финансового механизма управления инновационным развитием предприятия в точке q в момент времени t ;

P_X, P_Y — соответственно вероятности возникновения соответствующих положительных и отрицательных условно-денежных потоков в точке q в момент времени t , отражающие связанный с ними экономический риск;

$Y_{\Phi M}^{\Phi M}$ — величина дополнительного отрицательного условно-денежного потока в точке q в момент времени t , отражающего экономический риск, связанный с отрицательным условно-денежным потоком;

P_Y — вероятность возникновения соответствующего дополнительного отрицательного условно-денежного потока в точке q в момент времени t , отражающего экономический риск, связанный с отрицательным условно-денежным потоком;

r_{qt} — безрисковая годовая ставка дисконта в точке q в момент t ;

T — горизонт планирования;

A — множество точек внутри экономического пространства, в котором возможно осуществление инновационного развития предприятия.

Предложенные направления совершенствования финансового механизма управления инновационным развитием предприятия будут способствовать как росту конкурентоспособности и прибыльности предприятий, так и в целом экономическому росту Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Система дистанционного бизнес-образования «Инновационный менеджмент» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.technopark.by/business/228.html>
2. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/regions/14a.php>
3. Каринцева, А.И. Финансовый менеджмент / А.И. Каринцева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sumdu.telesweet.net/doc/lections/Finansoviy-enedzhment/index.html>
4. Галактика. Управление проектами [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://galaktika.by/company/history/2010.php>
5. Васильев, А.Н. Повышение конкурентоспособности строительного предприятия за счет формирования эффективного организационно-экономического механизма управления инновационно-инвестиционными процессами : автореф. дис. ... канд. экон. наук / А.Н. Васильев; ГОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет». — СПб., 2008.

18.08.2011

УДК 338(4/9)

А. А. Вшивков, В. М. Новоженюк

ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОТЕНЦИАЛА СОВОКУПНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ТРУДА В ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Рыночные отношения с их денежными оценками затрат и результатов деятельности хозяйствующих субъектов скрывают трудовые отношения в обществе и не позволяют анализировать глубокие социально-экономические изменения, происходящие на всех уровнях разделения труда. В статье предлагается новый подход к оценке роли трудовой теории стоимости в рыночных конкурентных отношениях в современном обществе. Процесс совокупного общественного продукта представлен целостной системой, обладающей внутренним энергетическим потенциалом, использование которого позволяет трансформировать денежные потоки в стоимостные показатели оценки валового внутреннего продукта.

Market relations with their monetary estimations of expenses and results of activity of managing subjects hide labor relations in a society and don't allow to analyze the deep social and economic changes occurring at all levels of division of labor. In the article a new approach to an estimation of the role of the labor theory of cost in market competitive relations in a modern society is offered. The process of a cumulative public product is presented by the complete system possessing an internal energy potential which use will allow transforming monetary streams to cost indexes of the estimation of the total internal product.

Повышение эффективности и совершенствование структуры реального сектора экономики, предусмотренное Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг. [1], требуют системного, целостного подхода, учитывающего единство и взаимозависимость всех элементов воспроизводственного процесса. Системный подход к разработке моделей экономического развития общества по-разному понимается исследователями управления деятельностью людей. Российский ученый Н. П. Иванов, ссылаясь на публикации известных ученых Запада П. Дракера, Ф. Перру и Л. Пасинетти, выступающих против индивидуализма и конкуренции, пропагандируемых в Европе, предлагает многофакторные модели кооперации и сотрудничества [2]. Белорусские ученые Н. М. Шинкевич и О. И. Бурдыко, используя метод системного подхода, также разработали многофакторные эконометрические годовые модели для анализа и прогнозирования валового внутреннего продукта (ВВП). Для основных отраслей народного хозяйства ими созданы модели валовой добавленной стоимости (ВДС) [3–4]. Многофакторные модели соответствуют требованиям глобального разделения труда и кооперации хозяйствующих субъектов, однако применение большого количества факторов не позволяет учесть противоречия, рождаемые неравномерным развитием и неопределенностью рыночных отношений.

По нашему мнению, ближе к истине стоят ученые, защищающие роль производственного потенциала в современной экономике путем применения производственной функции Ч. Кобба — П. Дугласа. Российские ученые Н. Абакаев и А. И. Деева пытаются использовать эту модель для оценки эффективности инвестиций в инновационные виды деятельности. А. И. Деева [5] эффективность производства по основным фондам определяет показателем фондоемкости $E_k = \frac{X}{K}$, эффективность по трудовому фактору, — трудоемкостью $E_k = \frac{X}{L}$. Интегрированный показатель эффективности у нее равен среднегеометрической величине двух первых. Она считает, что интегрированный показатель эффективности достигает минимума при ($K = L$).

Действуя в этом направлении, мы предприняли попытку использовать системный метод исследования для анализа и прогнозирования роста ВВП с помощью трудовой теории стоимости. Особое внимание обращено на движение денежных потоков в модели

ВВП, предложенной белорусскими учеными Н. П. Дашинской, М. М. Новиковым и В. Н. Томашевичем [6]:

$$ВВП = AmT + H + Y + m, \quad (1)$$

где *ВВП* — общая валовая добавленная стоимость, включающая: *AmT* — стоимость основных средств, потребленных в процессе производства; *H* — налоги на производство и импорт; *V* — оплата труда работников; *m* — полученная прибыль.

Выделив в относительно самостоятельную группу денежные расходы, включающие стоимость основных средств, потребленных в процессе производства, и оплату труда работников, предлагаем считать их показателями совокупных затрат живого и прошлого труда внутри ВВП

$$\sum PLE_j + \sum DA_j, \quad (2)$$

где $\sum PLE_j$ — суммарные расходы на оплату затрат живого труда всех резидентов-участников создания конечного результата производственной деятельности общества; $\sum DA_j$ — сумма амортизационных отчислений, связанных с использованием основных средств труда.

Плотность денежного потока нами представлена в виде динамической модели степени концентрации совокупного труда:

$$\rho_1 = \sum PLE_j + \frac{\sum DA_j}{\sqrt{\sum PLE_j * \sum DA_j}}, \quad (3)$$

где ρ_1 — плотность (степень концентрации) потока совокупного труда.

Предельная степень концентрации этого потока приводит к полному выравниванию пропорций. Появляется новая форма однородной массы труда, элементы которой не отличаются по качеству и количеству:

$$2 * \sqrt{Vrwp * Vuw}, \quad (4)$$

где *Vrwp* — стоимость воспроизведенной рабочей силы; *Vuw* — стоимость использованных средств труда.

В результате трансформации денежная форма затрат живого труда $\sum PLE_j$ превращается в новую форму стоимости:

$$V + m_1 = \sum PLE_j, \quad (5)$$

где $V = \sqrt{V_{rwp} * V_{uw}}$; m_1 — относительная прибавочная стоимость.

Эта прибавочная стоимость объективно распределяется и полностью потребляется на выравнивание пропорций внутри новой интегрированной формы стоимости. За счет ее формируется стоимость основного капитала (сумма денежных средств, отражающая учет амортизационных отчислений, *прирастает долей относительной прибавочной стоимости*):

$$C = \sum DA + \Delta mc. \quad (6)$$

Стоимостные показатели воспроизведенной рабочей силы (формула 5) и основного капитала (формула 6) в совокупности образуют новую, интегрированную форму стоимости затрат совокупного труда, отражающую величину производительной силы общества.

$$2\sqrt{VC} = V + C, \quad (7)$$

где $2\sqrt{VC}$ — новая, интегрированная форма стоимости затрат совокупного труда, характеризующая его производственный потенциал.

Организация процесса общественного труда, как и любого процесса труда, структурно включает затраты живого труда, развиваемого совокупной рабочей силой, средств труда, используемых ею, и предметов труда. Это целостная система, которая обладает определенным энергетическим потенциалом. Поток повторно реализуемых материальных затрат производства, движущийся навстречу **потенциалу совокупного труда**, сталкивается с ним, в результате че-

го происходит взрыв. Качественный скачок, вызванный взрывом, преобразует денежные формы в стоимостные элементы совокупного общественного труда. Закономерности кумуляции встречных денежных потоков, разработанные академиком М. А. Лаврентьевым [7], полностью применимы к столкновению овециствляемых форм живого и прошлого труда, концентрирующихся внутри конечного результата производственной деятельности. Взрывная волна преобразует структуру денежных потоков в стоимостные показатели, отражающие среднеобщественные величины характеристики затрат и результата производственной деятельности. Одним из них становится новая форма прибавочной стоимости, названная нами **кумулятивной прибавочной стоимостью** (m_2).

Таким образом, элементы организации совокупного общественного труда поочередно участвуют в процессе преобразования производства и обмена товарами и услугами. Вначале, по ходу этого процесса, рабочей силой создается новая стоимость ($V + m_1$). Она распадается на составные элементы и полностью потребляется по ходу процесса воспроизводства основных факторов создания ВВП. В. Черковец [8] справедливо отмечает, что воспроизводство может быть инновационным, если основной капитал возмещается за счет амортизационного фонда и увеличивается за счет прибавочной стоимости. Инновационная составляющая обновляемого капитала может сыграть роль своего рода «мультипликатора»: более эффективный капитал и труд способны (теоретически) превратить простое воспроизводство в интенсивное расширенное с адекватным экономическим ростом.

Список использованных источников

1. Основные положения Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы // Советская Белоруссия [Электронный ресурс]. — 2010. — Режим доступа: <http://law.sb.by/1002>. — Дата доступа: 2.11.2010.
2. Иванов, Н.П. Активизация нематериального ресурса в стратегии возрождения России / Н.П. Иванов // Международная экономика и международные отношения. — М., 1997. — С. 42–53.
3. Шинкевич, Н.М. Моделирование и прогнозирование экономического роста Республики Беларусь с помощью системы эконометрических моделей / Н.М. Шинкевич // Экономический бюллетень НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь. — 2009. — № 4. — С. 33–45.
4. Бурдыко, О.И. Применение эконометрических моделей для анализа и прогнозирования отраслевой структуры белорусской экономики / О.И. Бурдыко // Экономический бюллетень НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь. — 2010. — № 10. — С. 50–62.
5. Деева, А.И. Инвестиции : учеб. пособие / А.И. Деева. — М. : Изд-во «Экзамен», 2004. — С. 39.
6. Статистика: национальные счета, показатели и методы анализа / Н.П. Дащинская [и др.]; под ред. И.Е. Теслюка. — БГЭУ, 1995. — С. 68.
7. Лаврентьев, М.А. Проблемы гидродинамики и их математические модели / М.А. Лаврентьев, Б.В. Шабат. — 2-е изд. — М. : Наука, 1977. — С. 264.
8. Черковец, В. Особенности нового этапа инновационного развития России / В. Черковец // Экономист. — 2008. — № 12. — С. 42–43.

12.07.2011

Г. Н. Гаврилко

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНДИКАТОРЫ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Проблема повышения экономической эффективности ставит новые задачи. В условиях глобализации возрастает прежде всего значение институциональных факторов, связанных с развитием и использованием института регулирования. В статье актуализируется вопрос влияния институциональных факторов на конкурентоспособность страны. Анализируется уровень развития этих факторов в национальной экономике на основе международных рейтингов. Создание и институциональное оформление активной внешней политики окажет позитивное влияние на международный рейтинг Республики Беларусь в среднесрочной перспективе.

The problem of increase of economic efficiency gives new problems. In the conditions of globalization the value of the institutional factors connected with development and use of the institute of regulation increases first of all. In the article the question of influence of institutional factors on competitiveness of the country becomes actual. The level of institutional development of the Republic on the basis of the international ratings is analyzed. Creation and institutional registration of active foreign policy will make positive impact on the international rating of the Republic of Belarus in intermediate term prospect.

Конкурентоспособность национальных экономических систем рассматривается международными организациями и зарубежными учеными. Так, учеными разных стран конкурентоспособность страны объясняется: эффективностью управления на всех уровнях экономики (Л. Туроу); наличием ресурсов — трудовых, природных, технологических и др. (Консультативная группа по конкурентоспособности при Еврокомиссии); сотрудничеством, взаимозависимостью и координацией действий между правительством, бизнесом и трудом (Дж. Харт); величиной добавленной стоимости, которую привносит в товар НИОКР (Я. М. Росс) и др.

Белорусские ученые П. Г. Никитенко, Л. А. Платонова разработали универсальный теоретико-концептуальный системный подход оценки и анализа конкурентоспособности экономической системы любого уровня. Он основан на использовании явления самоорганизации в разрезе синергетики для объяснения природы развития экономической системы на международных рынках, ее конкурентоспособности и важности сбалансирования между потоками ресурсов, товаров, услуг [1].

В условиях глобализации возрастает значение институциональных факторов развития. Институциональная среда определяет сильные и слабые стороны страны, ее конкурентные преимущества и недостатки. В мире наблюдается существенный прогресс в методологии сравнительной количественной оценки уровня развития и функционирования институтов в различных странах. Существует ряд рейтингов и индексов, отражающих различные институциональные аспекты.

Можно выделить системные и специальные способы измерения институциональных характеристик страны. Первые предлагают комплексную оценку институционального развития страны (методика Всемирного экономического форума

и Института развития менеджмента в Лозанне) или ее бизнес-климата (рейтинг «Ведения бизнеса» Всемирного банка). Вторые — по отдельным группам ключевых факторов развития (человеческий капитал и образование, информационно-коммуникационные технологии, качество государственного регулирования, удовлетворенность качеством жизни).

Авторитетным исследованием конкурентоспособности различных стран является ежегодный рейтинг глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума (ВЭФ).

По рейтингу глобальной конкурентоспособности 2010–2011 гг. из 139 стран мира Швейцария заняла 1-е место (5,63 балла), Германия — 5-е (5,39 балла), Литва — 47-е (4,38 балла), Россия — 63-е (4,24 балла) [2].

Беларусь в данный рейтинг до настоящего времени не включена, но по оценке аналитической группы «Стратегия» Научно-исследовательского центра Мизеса, применившей методологию ВЭФ, страна занимала в 2009–2010 гг. 83-е место (3,94 балла) [3].

В глобальный индекс конкурентоспособности интегрирована концепция стадий конкурентного развития стран. На первой стадии развития экономический рост зависит от базовых факторов, а страны конкурируют за счет обеспеченности ресурсами. На второй стадии конкурентоспособность определяется эффективностью использования имеющихся факторов. При переходе стран на третью стадию, зависящую от инноваций, конкуренция осуществляется за счет новых технологий и уникальной продукции.

Критериями перехода по стадиям конкурентоспособности страны являются два показателя. Первый — уровень ВВП на душу населения по паритету покупательной способности. Второй — степень зависимости стран от сырьевых факторов (доля сырья в экспорте). Согласно данной методике Беларусь и Россия находятся на второй стадии развития конкурентоспособности страны.

Готовность страны к переходу на модель развития, основанную на знаниях, определяет международный индекс экономики знаний. Он был разработан в 2004 г. группой Всемирного банка. Методология оценки продвижения стран к «экономике знаний» предлагает подсчет двух сводных индикаторов — индекса экономики знаний и индекса знаний [4].

Индекс экономики знаний — комплексный показатель для оценки эффективности использования страной знаний в целях ее экономического и социального прогресса. Он характеризует уровень развития страны по отношению к экономике знаний и определяется как среднее значение из четырех субиндексов — индекса экономического и институционального режима, образования, инноваций, информационных технологий и коммуникаций.

Индекс знаний оценивает способность страны создавать, принимать и распространять знания. Он характеризует потенциал той или иной страны по отношению к экономике знаний. Индекс знаний — это средняя величина индекса образования, индекса инноваций и индекса информационных технологий и коммуникаций. Отчет Всемирного банка за 2009 г. охватывает 146 государств. По каждой группе показателей странам выставляется оценка в баллах — от 1 до 10. Чем выше балл, тем более высоко оценивается страна по данному критерию (табл. 1).

Таблица 1

Индекс экономики знаний 2009 г. [4]

Показатели	Россия	Беларусь	Литва	Германия
Индекс экономики знаний	5,55	4,93	7,77	8,96
Индекс знаний	6,82	6,19	7,70	8,92
Институциональный режим	1,76	1,15	7,98	9,06
Инновации	6,88	5,79	6,70	8,94
Образование	7,19	8,02	8,40	8,36
Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ)	6,38	4,74	7,99	9,47
Рейтинг	60	73	31	12
Изменение	+ 4	- 2	+ 3	+ 3

По уровню образования Беларусь опережает Россию, однако по уровню развития информационной и коммуникационной инфраструктуры Беларусь уступает своим партнерам.

Самый серьезный разрыв между странами в продвижении к экономике знаний образовался по индексу институционального и экономического режима, который включает комплексную оценку экономической и правовой среды, качества регулирования, развития бизнеса и частной инициативы, способности общества и его институтов к эффективному использованию существующего и созданию нового знания.

Подробная оценка мировой бизнес-среды проводится в рейтингах по ведению бизнеса. В ноябре 2010 г. был представлен очередной отчет Всемирного банка и МФК "Doing Business-2011".

В отчете приводится рейтинг 183 стран по ключевым аспектам нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности для национальных компаний. По результатам исследования Бела-

русь заняла 68-ю позицию, снизив свое прежнее положение [5].

Рейтинги стран в указанном отчете основаны на наборе показателей, измеряющих и сопоставляющих нормы регулирования, применимые к компании на девяти этапах ее жизненного цикла: создание компании, получение разрешения на строительство, регистрация собственности, получение кредита, защита прав и интересов инвесторов, налогообложение, международная торговля, обеспечение исполнения контрактов и ликвидация компании.

Рассматривая изменение позиции Беларуси в отчете «Ведение бизнеса-2011» относительно других стран не следует оценивать ее как констатацию ухудшения условий ведения бизнеса. Беларусь провела реформы в четырех областях, охваченных данным исследованием:

- «Получение кредита» — в Беларуси расширен доступ к кредитованию на основе упрощения использования залога в качестве кредитного обеспечения и предоставления возможности принимать меры по обеспечению исполнения обязательств по залогу во внесудебном порядке в случае их неисполнения;

- «Уплата налогов» — в Беларуси реализованы меры по снижению налога с оборота, взносов на социальное страхование и налоговой базы по налогу на имущество. Вместе с дальнейшими мерами по поддержке системы подачи деклараций в электронном виде упростили и снизили стоимость уплаты налогов предприятиями Беларуси;

- «Международная торговля» — в Беларуси сокращено время для осуществления торговых операций с помощью введения электронного декларирования экспорта и импорта;

- «Ликвидация компании» — в Беларуси изменены нормы, регулирующие деятельность антикризисных управляющих, и укреплена защита прав кредиторов при банкротстве компании.

Среди многообразных институциональных факторов конкурентоспособности одним из важнейших является роль государства. Глобальное исследование государственного регулирования приводится в рейтинге «Качество государственного управления». Согласно методике Всемирного банка используются шесть индексов, отражающих различные параметры государственного управления:

- учет мнения граждан и подотчетность государственных органов — мера гражданских свобод, политических прав, независимость прессы;

- политическая стабильность и отсутствие насилия — индикатор вероятности того, что национальное правительство может быть заменено неконституционным путем;

- эффективность работы правительства — мера качества предоставляемых общественных услуг, компетентности государственных служащих;

- качество законодательства — мера государственного вмешательства в функционирование товарных рынков и банковской системы, степень легкости открытия нового бизнеса, контроль за операциями частного сектора и внешнеторговой деятельностью;

- верховенство закона — мера защищенности собственности и субъектов хозяйствования от наси-

лия и краж, независимости судов, степени выполнения договоров;

- сдерживание коррупции — мера использования государственной власти в частных интересах.

Данные параметры были выделены на основе общего определения, согласно которому государственное управление понимается как совокупность традиций и институциональных образований, с помощью которых государственные органы власти управляют страной.

Для каждого из шести показателей качества государственного управления в таблице 2 приводится рейтинг — от 0 до 100, который указывает место страны среди всех стран мира. Соответственно, чем ниже рейтинг, тем хуже качество государственного управления (табл. 2).

Для оценки конкурентоспособности национальной экономики можно использовать следующие международные рейтинги, оценки:

- индекс экономической свободы, который публикуется фондом The Heritage Foundation при участии деловой газеты “The Wall Street Journal”, рассчитываемый для 183 стран [6];

- индекс восприятия коррупции, который публикуется международной неправительственной организацией Transparency International для 178 стран [7];

- рейтинг Всемирного банка «Инвестиции без границ» для 87 экономик мира [8].

Международные рейтинги представляют собой определенные факторные модели, учитывающие набор специфических факторов, определяющих уровень национальной конкурентоспособности. В рам-

Таблица 2

Качество государственного управления в 2009 г. [4]

Государство	Индекс № 1	Индекс № 2	Индекс № 3	Индекс № 4	Индекс № 5	Индекс № 6
Россия	22	24	45	31	20	15
Беларусь	7	61	12	10	17	24
Литва	72	72	72	85	67	63
Германия	93	86	93	91	93	93

Рейтинг отражает достаточно высокие позиции Беларуси по индексу 2. Беларусь по этому показателю значительно опередила Россию. Данный индекс включает показатели, измеряющие стабильность государственных институтов, вероятность резких перемен, смену политического курса, дестабилизации и свержения правительства неконституционными методами или с применением насилия. Беларусь впереди России и по индексу 6 — сдерживания коррупции. Остальные индикаторы находятся на низких позициях, в особенности право голоса и подотчетность (индекс 1).

Данные сравнительного анализа показателей регулирования в Беларуси и странах-партнерах по СНГ свидетельствуют, что республика отстает по трем индикаторам: право голоса и подотчетность, качество регулирования, эффективность работы правительства.

Задача правительства Беларуси на современном этапе — максимально приблизиться к бездефицитному бюджету, что приведет к реформированию системы государственного регулирования, повышению эффективности механизма государственной поддержки. В среднесрочной перспективе эта мера может привести к повышению качества государственного управления в Беларуси и соответственно ее международного рейтинга.

каж одной модели объединяются различные данные, комплексно характеризующие развитие страны от макроэкономических параметров до оценки качества государственного регулирования и эффективности функционирования государства.

В мировой практике накоплен большой опыт мониторинга национального стратегического курса специализированными общественными организациями (советами по национальной конкурентоспособности). Такие советы созданы и работают в зарубежных странах (США, Великобритания, Россия). С одной стороны, они разрабатывают стратегические программы развития, а с другой — оценивают динамику и факторы текущей конкурентоспособности национальной экономики [9].

Необходимость создания такого совета назрела не только в Беларуси, но и в рамках тех интеграционных объединений, куда входит республика (Таможенный союз, СНГ, Союзное государство). Работа такой организации повысит эффективность государственного регулирования национальной экономики, ее международный рейтинг и будет способствовать интеграции Беларуси в европейское экономическое пространство.

Список использованных источников

1. Никитенко, П.Г. Конкурентоспособность и самоорганизация экономических систем в условиях глобализации / П.Г. Никитенко, Л.А. Платонова // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D. — 2010. — № 4. — С. 2–9.
2. The Global Competitiveness Index 2010–2011// World Economic Forum [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.weforum.org>. — Дата доступа: 02.07.2011.
3. Национальная платформа бизнеса Беларуси — 2010. Новый курс бизнеса и власти. — Минск: Изд-во Печенко А.Г. — 2010. — С. 40.
4. Индекс экономики знаний // GT Market [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/knowledge-economy-index>. — Дата доступа: 02.07.2011.
5. Doing Business 2011 [Electronic resource]. — Washington: The International Bank for Reconstruction and Development, the World Bank, 2010. — Mode of access: <http://www.doingbusiness.org/economyranking/>. — Date of access: 01.08.2011.
6. Index of Economic Freedom [Electronic resource]. — Washington: The Heritage Foundation, 2010. — Mode of access: <http://www.heritage.org/Index>. — Date of access: 02.07.2011.
7. Transparency International the Global Coalition against Corruption [Electronic resource]. — Berlin: Transparency International & Gottingen University, 2010. — Mode of access: http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi. — Date of access: 02.07.2011.

8. Investing Across the Borders 2010 [Electronic resource]. — Washington: the World Bank, 2010. — Mode of access: <http://iab.worldbank.org>. — Date of access: 02.07.2011.
9. Соколинская, Т.В. Международные рейтинги как форма регулирования институционального развития страны (на примере Республики Беларусь) / Т.В. Соколинская // Международная экономика. — 2011. — № 1. — С. 29–37.

11.08.2011

УДК 657.6

В. И. Иванов, А. Л. Денисенко

УПРАВЛЕНИЕ ДЕНЕЖНЫМИ ПОТОКАМИ: СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИХ РЕШЕНИЯ

Проблема управления денежными потоками предприятий обострена инфляцией и кризисом неплатежей. Это вынуждает субъекты хозяйствования привлекать кредитные ресурсы и нести дополнительные затраты по их использованию. В статье рассмотрены различные подходы к определению понятия «денежный поток», предлагаются точки зрения на сущность и концепции управления денежными потоками, платежеспособностью, излагается собственная позиция по этим вопросам. Намечены пути и предложены мероприятия по совершенствованию финансовой деятельности предприятий, которые проходят апробацию на ООО «Белвест».

The problem of managing of monetary streams of the enterprises is aggravated by inflation and crisis of non-payments. It compels to involve subjects of managing credit resources and to bear additional expenses on their use. In the article various approaches to the concept definition "a monetary stream" are considered, the points of view on essence and management concepts are offered by monetary streams, solvency, own position on these questions is stated. Ways are planned and actions for perfection of financial activity of the enterprises which take place approbation on JLLC "Belwest" are offered.

Проблема эффективного управления денежными потоками отражена в научной и учебно-практической литературе по экономическому анализу, финансовому менеджменту и антикризисному управлению. Отечественные экономисты: И. Т. Балабанов, В. В. Бочаров, И. А. Бланк, В. В. Ковалев, А. И. Крылов, Н. А. Никифорова, Л. В. Донцова, Е. С. Стоянова, А. Д. Шерemet этой проблеме уделяют достаточно большое внимание. Результаты анализа источников свидетельствуют, что концепция денежных потоков возникла сравнительно недавно и экономистами не выработан единый подход к их оценке и анализу.

Так, Б. Колас и Э. И. Крылов определяют *денежные потоки* как разницу между полученными и выплаченными предприятием денежными средствами за определенный период времени [5]; В. Б. Сироткин — как деньги, которые остаются на предприятии (разница между поступлениями и выплатами из кассы) [4, с. 216]; И. Т. Балабанов, А. В. Кузьменков, М. В. Новиков, И. Д. Кузнецова — как движение денежных средств за определенный период времени [3, с. 18]. Данные определения денежных потоков, на наш взгляд, недостаточно полно отражают их сущность: денежные потоки в них относятся к остаткам денежных средств, которые не характеризуют движение денежных средств, а лишь показывают их наличие на отчетную дату.

Более содержательно и однозначно определена И. А. Бланка, согласно которому *денежный поток* — это совокупность распределенных по отдельным интервалам рассматриваемого периода времени поступлений и выплат денежных средств, генерируемых хозяйственной деятельностью предприятия и связанных с факторами времени, риска и ликвидности [1, с. 469].

Интерес к данной проблеме и в том, что многие предприятия поставлены в условия самостоятельного выбора стратегии и тактики своего развития и главной задачей остается обеспечение самофинансирования. Финансовое благополучие предприятия во многом зависит от притока денежных средств, обеспечивающих покрытие его обязательств. Отсутствие минимально необходимого запаса денежных средств, как правило, вызывает финансовые затруднения.

Актуальность управления денежными потоками определяется их большой ролью в производственно-хозяйственной деятельности предприятия, поскольку они:

- обслуживают все аспекты финансово-экономической деятельности предприятия;
- обеспечивают финансовое равновесие организации на всех этапах жизненного цикла;
- снижают риск неплатежеспособности;
- способствуют ускорению оборачиваемости капитала;
- позволяют снизить потребность в заемном капитале;
- генерируют дополнительную прибыль, которая может быть направлена на финансирование инвестиционной деятельности;
- повышают ритмичность производственного процесса за счет соблюдения принципов логистики.

Практическую значимость и остроту проблемы подтверждают статистические данные деятельности предприятий Республики Беларусь. За январь 2011 г. убыточными были 1 215 организаций, или 14 % от общего числа организаций (за январь 2010 г. — 1 496 организаций, или 17,2 %). Сумма чистого убытка убыточных организаций за январь 2011 г. составила 414,6 млрд бел. руб., или на 31,3 % меньше, чем за

январь 2010 г. [7]. Причина этих убытков связана не только с неэффективным использованием ресурсов, но и упущениями в мониторинге платежеспособности, что не позволило на основе объективного анализа установить реальное финансовое состояние предприятий и выявить причины неэффективного их использования. В условиях конкуренции и нестабильной внешней среды необходимо своевременно реагировать на отклонения от нормальной деятельности предприятия, что невозможно без оперативного анализа денежных потоков.

Анализ движения денежных потоков — это *определение моментов и величин притоков и оттоков денежной наличности*. Основная цель — анализ финансовой устойчивости и доходности предприятия. Исходный момент — расчет денежных потоков от операционной (текущей) деятельности. Поскольку операционная деятельность выступает главным генератором прибыли, то она должна формировать основной поток денежных средств. Анализ денежных потоков является одним из ключевых моментов в анализе финансового состояния предприятия, поскольку удается выяснить возможности предприятия организовать управление денежными потоками так, чтобы в любой момент в распоряжении фирмы было достаточное количество наличных денежных средств.

Понятие «денежный поток» двойственно. С *одной стороны*, это денежный поток (в данном случае денежный отток) средств, необходимых для обеспечения производственного цикла компании. Сюда относятся затраты на приобретение материальных ресурсов, заработная плата, налоговые платежи, платежи, направленные на обеспечение и погашение кредитов и займов, и другие обязательные платежи. С *другой* — поток (в данном случае денежный приток) выступает средством, поступающим в организацию в результате ее деятельности. Основным источником формирования денежного притока — выручка от реализации продукции (товаров, работ, услуг). Соотношение денежного притока и денежного оттока на начало и конец отчетного периода составляет чистый денежный поток.

Основная задача управления денежными потоками — соблюдение баланса между притоком и оттоком денежных средств по величине и по срокам. Важно, чтобы этот баланс показателей отвечал оптимальным параметрам экономической эффективности деятельности предприятия в целом.

Составляющими денежных потоков являются дебиторская и кредиторская задолженности, то есть платежи, которые организация ожидает от своих контрагентов или покупателей, и платежи, которые она обязана осуществить в пользу своих контрагентов. Несовпадение момента возникновения обязательств с моментом платежей по этим обязательствам может привести к проблемам функционирования компании. На наш взгляд, управление денежными потоками это управление дебиторской и кредиторской задолженностями. Дебиторская задолженность выступает источником формирования выручки от реализации, следовательно, источником покрытия кредиторской задолженности. Поэтому процесс управления дебиторской и кредиторской задолженностями должен осуществляться одновременно и параллельно.

Одним из признаков устойчивой платежеспособности предприятия является отсутствие просроченной кредиторской задолженности. *Просроченная кредиторская задолженность* на 1 февраля 2011 г. составила 6,7 трлн бел. руб., или 12 % всего объема кредиторской задолженности предприятий против 14,9 % на 1 февраля 2010 г. На долю промышленных предприятий приходилось 40,8 % всей просроченной кредиторской задолженности [7].

Просроченная дебиторская задолженность белорусских предприятий на 1 февраля 2011 г. составила 7,8 трлн бел. руб., или 15,6 % всего объема дебиторской задолженности против 19,2 % на 1 февраля 2010 г. В общем объеме просроченной дебиторской задолженности на долю организаций промышленности приходилось 44,8 % [7].

На основании данных Национального статистического комитета можно сделать вывод о том, что настоящая проблема весьма актуальна для предприятий Республики Беларусь. Предприятия, имеющие отрицательный денежный поток по текущей деятельности, вынуждены либо увеличивать кредиторскую задолженность для поддержания объема производства на прежнем уровне, либо продавать имущество и сворачивать инвестиционные программы, а в более неблагоприятных условиях — сокращать объем производства.

Так как формирование чистого денежного потока от операционной деятельности напрямую зависит от оборачиваемости кредиторской и дебиторской задолженности, то в организации должны быть сбалансированы притоки и оттоки денежных средств по размерам и срокам. Только в этом случае можно говорить об устойчивом финансовом состоянии компании и о рационально выстроенной системе денежных потоков в ней.

В управлении денежным потоком руководители предприятия сталкиваются с типичными трудностями, которые получили название **Правило четырех Н**. Рассмотрим их.

Несинхронность платежей — необходимость совершения платежей может наступать раньше, чем происходит поступление денежных средств. Достаточность денежных средств — одна из основных проблем на любом предприятии. Несинхронизированные денежные потоки способствуют повышению риска неплатежеспособности предприятия. Стратегическое развитие, финансовая устойчивость предприятия в значительной мере определяются тем, насколько различные виды потоков денежных средств синхронизированы между собой по объемам и во времени. Низкий уровень синхронизации обеспечивает существенное замедление реализации стратегических целей развития предприятия.

При этом любое нарушение платежной дисциплины отрицательно отражается на формировании производственных запасов сырья и материалов, уровне производительности труда, реализации готовой продукции, положении предприятия на рынке и т. п. Даже у предприятий, успешно работающих на рынке и генерирующих достаточную сумму прибыли, неплатежеспособность может возникать как следствие несбалансированности различных видов

денежных потоков во времени. Для того чтобы обеспечить синхронность денежных потоков, на наш взгляд, необходимо проводить постоянный мониторинг платежей по каждому из резидентов, выявлять закономерные нарушения платежной дисциплины. Если контрагент систематически нарушает условия договора, то необходимо применять штрафные санкции в повышенных размерах либо досрочно расторгать заключенные договора в соответствии с законодательством.

Высокий уровень синхронизации поступлений и расходов денежных средств по объему и во времени позволяет снизить реальную потребность предприятия в текущем и страховом остатках денежных активов, обслуживающих основную деятельность, а также резерв инвестиционных ресурсов для осуществления реального инвестирования.

Несопоставимость платежей — сумма платежей может быть больше, чем денежных средств, которыми располагает компания. Такое явление получило название «кассовый разрыв». Если предприятие не планирует денежные потоки, то оно не может предсказывать кассовые разрывы. Тогда в конце месяца у предприятия недостаточно денежных средств, чтобы оплатить счет от поставщика. В этом случае предприятие может испортить отношения с частью важных поставщиков, нарушить устоявшуюся цепочку поставок. Неплатежеспособность возникает в тот момент, когда денежный поток становится отрицательным. Такая ситуация может возникнуть, если формально предприятие остается прибыльным. Чаще всего эти проблемы являются результатом неправильно организованных платежей или нарушения условий оплаты.

В оперативном управлении деньгами финансовый менеджер должен выработать *сбалансированную политику расчетов*: задержка платежей поставщикам может усложнить взаимоотношения с ними, а слишком активные выплаты лишают средств на другие нужды; весьма агрессивные меры по сбору дебиторской задолженности ведут к утрате доверия и лояльности клиентов, а пассивность в этом вопросе ведет к росту просроченной дебиторской задолженности. Золотая середина означает, что должен быть принят общий сбалансированный подход, учитывающий интересы всех сторон. Чтобы избежать кассовых разрывов, целесообразно ранжировать все платежи по степени их приоритетности или значимости. Данная проблема может быть решена только комплексно на этапах бюджетирования и на этапе оперативного управления платежами.

Нерегулярность поступлений — сезонность и неплатежеспособность предприятий может оказывать существенное влияние на работу компании. Предприятия, чья деятельность носит сезонный характер, испытывают нехватку свободных средств в пик сезона, а в несезон имеют их избыток (или чрезмерные товарные запасы на складе). Любой производитель не может иметь гарантии, что к моменту платежа покупатель его продукции окажется платежеспособным. Неплатеж по одним обязательствам может вызвать цепную реакцию, которая приведет к расстройству системы обращения, и к нару-

шению процесса производства. На наш взгляд, при планировании денежных потоков финансовый менеджер должен предусматривать «подушку безопасности», которая должна быть сформирована с учетом просроченной дебиторской задолженности в предыдущем периоде, а также важно выявить причины ее возникновения. При использовании «финансовой подушки безопасности» предприятие сможет своевременно исполнять свои обязанности перед кредиторами, что позволит избежать применения штрафов и неустоек к данному предприятию.

Непредсказуемость — повышение рисков и снижение точности прогнозов поступления денежных средств приводит к снижению эффективности деятельности предприятий. В любой хозяйственной деятельности существует опасность денежных потерь, вытекающая из специфики тех или иных хозяйственных операций. Опасность таких потерь представляют собой финансовые риски. Финансовый риск возникает в процессе отношений предприятия с финансовыми институтами. Причины финансового риска — инфляционные факторы, рост учетных ставок банка, снижение стоимости ценных бумаг и др. Ограниченность финансовых возможностей предприятий в связи с систематическим обесцениванием собственных оборотных средств в условиях высокой интенсивности инфляционных процессов, а также нерегулярности поступления денежных средств на расчетные счета способствуют нарушению нормального режима функционирования предприятия. В целях нивелирования отрицательных последствий финансовых рисков используют страхование.

Страхование рисков — это способ защиты от неверных решений и действенный способ повышения ответственности лиц, их принимающих. Использование данного инструмента может быть выгодно как поставщику, так и покупателю. Поставщик, заключив страховой договор, защищен от неоплаты поставленных товаров, оказываемых работ, услуг, а покупатель получает компенсацию в случае непоставки оплаченного товара. Риском нужно управлять, чтобы в определенной степени прогнозировать наступление рискованного события и вовремя принимать меры к снижению степени риска.

С данными проблемами предприятия сталкиваются ежедневно. Избежать негативных последствий и минимизировать финансовые потери предприятию поможет четкая система планирования движения денежных средств.

Эффективный инструмент управления денежными потоками в организации — *краткосрочное финансовое планирование*, которое может осуществляться как руководителями отдельных подразделений, так и финансовой службой организации в целом. Планирование денежных потоков помогает финансовому менеджеру определить источники денежных средств и оценить их использование, а также выявить ожидаемые денежные потоки, а значит, перспективы роста организации и ее будущие финансовые потребности.

Мы разделяем мнение экономистов, которые считают, что главная задача составления плана движения денежных средств — проверить реаль-

ность источников поступления средств и обоснованность расходов, синхронность их возникновения, определить возможную потребность в заемных средствах. Кроме годового плана движения денежных средств, необходимо разрабатывать краткосрочный план на короткие промежутки времени в форме платежного календаря. Платежный календарь — это план предприятия, в котором взаимосвязаны все источники денежных поступлений и расходы за определенный отрезок времени. Он разрабатывается по отдельным видам движения денежных средств (налоговый платежный календарь, платежный календарь по расчетам с поставщиками, платежный календарь по обслуживанию долга и т. п.), по предприятию в целом. Он полностью охватывает денежный оборот организации, дает возможность увязать поступления денежных средств и платежи в наличной и безналичной форме, повышает устойчивость платежеспособности и ликвидности. При разработке платежного календаря необходимо учитывать приоритетность платежей, основываясь на нескольких критериях, — очередность платежей, возможный срок задержки платежа, группа контрагентов и значимость контракта для компании.

Так как деятельность предприятия складывается от успеха и взаимодействия всех ее структурных

единиц, то для повышения эффективности их функционирования целесообразно, на наш взгляд, составление *бюджетов структурных подразделений*. Это позволит руководителю оценивать ситуацию с расходованием денежных средств в каждом подразделении и в целом в компании. Как правило, бюджет структурных подразделений состоит из доходной и расходной частей, определяющих развитие конкретных направлений деятельности и затрат на их осуществление. Структурным подразделениям необходимо предоставлять право самостоятельно принимать решения в выборе путей достижения запланированных показателей. Система бюджетирования структурных подразделений должна предусматривать направление части сэкономленных денежных средств на стимулирование работников этих подразделений.

Эффективное управление денежными потоками позволяет вовремя выполнять обязательства перед бюджетом, банками, партнерами, то есть способствует устойчивой платежеспособности и финансовой безопасности и деловой активности. В современных условиях управление денежными потоками на предприятиях различной формы собственности остается актуальным и проблематичным в связи с недостаточностью проработки теории и практики вопроса.

Список использованных источников

1. Бланк, И.А. Финансовый менеджмент : учеб. курс / И.А. Бланк. — 2-е изд., перераб. и доп. — К. : Эльга, Ника-Центр, 2004.
2. Акулич, В.В. Оценка эффективности использования денежных потоков / В.В. Акулич // Планово-экономический отдел. — 2009. — № 3. — С. 12–16.
3. Кузнецова, И.Д. Управление денежными потоками предприятия : учеб. пособие; под ред. А.Н. Ильченко / Иван. гос. хим.-технол. ун-т. — Иваново, 2008.
4. Сироткин, В.Б. Финансовый менеджмент компаний : учеб. пособие СПбГУЧП / В.Б. Сироткин. — СПб., 2001.
5. Крылов, С.И. Стратегический управленческий учет и его роль в управлении финансовыми потоками организации / С.И. Крылов // Управленческий учет [Электронный ресурс]. — 2008. — № 3. — Режим доступа: <http://www.upruchet.ru/articles/2008/3/4322.html>. — Дата доступа: 03.02.2011.
6. Моисеева, Е.Г. Управление денежными потоками: планирование, балансировка, синхронизация / Е.Г. Моисеева // Справочник экономиста [Электронный ресурс]. — 2011. — № 5. — Режим доступа: http://www.profiz.ru/se/5_2010/upravlenie_deneznyimi_poto/. — Дата доступа: 04.02.2011.
7. Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Беларусь в цифрах. — Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/pressrel/ubitki_jan_2011.php. — Дата доступа: 10.02.2011.

06.06.2011

УДК 336

Т. А. Махмудова

ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Актуализируется проблема формирования валютного союза как высшей формы взаимодействия в валютно-финансовой сфере. Таможенный союз России, Казахстана и Беларуси в статье рассмотрен в системе интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Показаны его взаимосвязь и обусловленность с проблемами формирования единого экономического пространства государств, место и роль, этапы и формы в системе валютно-финансовой интеграции. Выявлены теоретико-методологические и прикладные проблемы основных трендов консолидации в валютно-финансовой сфере.

The problem of formation of the currency union as a higher form of interaction in currency-financial sphere becomes actual. The customs union of Russia, Kazakhstan and Belarus in the article is considered in the system of integration processes on the post-Soviet territory. Its interrelation and dependence on the problems of formation of uniform economic space of the states, a place and a role, stages and forms in it of system of currency-financial integration are shown. Theoretically-methodological and applied problems of the basic trends of consolidation in currency-financial sphere are revealed.

Таможенный союз России, Казахстана и Беларуси вступает в качественно новый этап своего развития — с июля 2011 г. в рамках Таможенного союза начинает действовать единое экономическое пространство. Его важнейшей составляющей является финансово-экономическая интеграция России, Казахстана и Беларуси.

Этапы развития этого сложнейшего и проблемного интеграционного процесса включают различные формы. В современных условиях экономического развития принято выделять четыре этапа такой интеграции:

- зона свободной торговли — договоренность между двумя государствами об отмене или ограничении таможенных пошлин;
- таможенный союз — договоренность между участниками зоны свободной торговли (ЗСТ) о единой таможенной политике в отношении третьих стран;
- общий рынок — соглашение стран о свободном передвижении товаров, капиталов, услуг и рабочей силы. В рамках общего рынка осуществляется согласование экономической политики стран-участников;
- экономический и валютный союз — наивысшая форма интеграции, в его рамках осуществляется проведение экономической и валютно-финансовой политики.

В процессе валютно-финансового взаимодействия страны, прошедшие все этапы экономической интеграции, используют такие механизмы, как: режим совместно плавающих валютных курсов; валютная интервенция, в том числе коллективная, для поддержания рыночных курсов валют в пределах согласованного отклонения от центрального курса; совместные фонды взаимного кредитования стран-членов для поддержания курсов валют; унификация налоговых и таможенных систем; международные региональные валютно-кредитные и финансовые организации для валютного и кредитного регулирования; сближение норм валютного регулирования; создание коллективной валюты как международного платежно-резервного средства, а в последующем, пройдя необходимые этапы, переход к единой валюте [1].

В литературе существуют различные подходы к содержанию понятия валютно-финансовой интеграции. Ряд авторов [2] эти понятия объединяют и исследуют процессы валютно-финансового взаимодействия между странами в совокупности. В их интерпретации валютный союз, подкрепленный единой фискальной и социальной политикой стран-участников, является высшей формой валютно-финансовой интеграции. Создание валютного союза сопровождается организацией специальных наднациональных органов, координирующих межгосударственную макроэкономическую политику. Финансовая интеграция — это экономический процесс непосредственного объединения финансовых, кредитных, денежных валютных систем и рынков стран на базе единой

валюты. Главный конфликт финансовой интеграции — это несоответствие национальных интересов и тенденций развития интеграционных объединений [3].

Некоторые исследователи разделяют понятия «валютная интеграция» и «финансовая интеграция». Так, с точки зрения С. Р. Моисеева, валютная интеграция — это взаимная стабилизация курсов национальных валют, которая может произойти благодаря фиксации валютных курсов, официальной долларизации или введению общей валюты; интеграция финансовых рынков, снятие ограничений на межстрановое движение капитала и эффективное объединение национальных финансовых рынков [4].

По нашему мнению, валютная и финансовая интеграции тесно взаимосвязаны и являются неотъемлемой частью экономической интеграции. Валютно-финансовая интеграция представляет собой поэтапный процесс координации и сближения валютной и финансовой политики, проявляющийся в гармонизации институциональной среды в области финансов и валютного регулирования, создания единых модельных законов, сближения деятельности государственных финансовых и валютно-кредитных организаций, создания единых надгосударственных институтов, реализующих единую валютную политику. Формирование валютного союза является высшей формой взаимодействия в валютно-финансовой сфере и позволяет создать единое экономическое пространство, в пределах которого обращается общая денежная единица.

Интеграция в валютно-финансовой сфере может приобретать различные формы. В их числе: валютные зоны; стабилизация валютных курсов; системы трансграничных расчетов; консолидация валютных и финансовых рынков, валютный союз.

Валютная зона. Представляет собой «объединение государств, которые производят свои международные расчеты в валюте основной страны зоны, концентрируют валютные резервы в этой стране, поддерживают устойчивый курс своих валют по отношению к валюте основной страны. Между государствами, входящими в состав зоны, как правило, нет валютных ограничений» [5]. В данном определении приоритет получает географический принцип выделения валютной зоны. Американский исследователь Дж. Франкель определяет валютную зону как «совокупность стран, которые высоко интегрированы в сфере торговли, капиталов, рынков рабочей силы и др., может представлять собой оптимальную валютную зону. Оптимальная валютная зона может быть определена как область, которая не является ни столь малой, ни столь открытой, чтобы она выиграла материально от привязки ее валюты к третьей валюте, ни настолько большой, что она выиграла бы материально, распавшись на подобласти с различными валютами...» [6].

К предпосылкам и стимулам формирования валютных зон обычно относят множество различных

факторов, которые объединены в три взаимодополняющие группы:

- **экономические факторы:** снижение издержек конвертации валюты при осуществлении внутризональной торговли; формирование более широкого и жизнеспособного фондового рынка; активизация инвестиционных процессов, унификация денежной, финансовой, фискальной, таможенной и других сфер внутри экономик стран, вступивших в валютный союз;

- **географические факторы:** территориальные границы зон могут не совпадать с границами одного или нескольких государств; государства, образующие валютную зону, на практике часто являются географическими соседями;

- **политические факторы:** гармонизация политических целей всех стран — участников союза; усиление их внешнеполитической позиции; консолидированная внутренняя и внешняя политика, приводящая к системному эффекту.

Страны, создающие единую валютную зону, обычно договариваются о строгом взаимном соблюдении следующих правил: ведущая валюта, которая используется как платежное средство в расчетах по двусторонним сделкам внутри зоны, а также как резервное средство; страны, входящие в зону, передают стране-эмитенту ведущей валюты всю или часть валюты, вырученной вне единой зоны, с тем, чтобы та брала на себя все расчеты по операциям с внешним миром; перемещения товаров и капиталов внутри единого валютного пространства не подлежат серьезным ограничениям; правила контроля за торговлей с внешним миром одинаковы для всех стран-участников валютной зоны.

В настоящее время мировой опыт позволяет выделить пять основных типов валютных зон:

- **Взаимное соглашение между независимыми государствами об использовании их национальных денежных единиц в качестве параллельного платежного средства на территории каждого из них.** Такая ситуация была характерна для эпохи полноценных денег (золотых монет).

- **Взаимное соглашение между независимыми государствами о переходе на денежную единицу одного из них.** В этом случае осуществляется согласованный переход на сильнейшую национальную валюту в рамках валютной зоны. Примером (с некоторыми оговорками) может служить зона южноафриканского рэнда, созданная в 1974–1980 гг. такими государствами, как ЮАР, Лесото и Свазиленд.

- **Взаимное соглашение, предполагающее создание коллективной расчетной единицы, которая существует наравне с национальными деньгами государств-членов единой валютной зоны.** Примерами таких валют могут стать СДР, переводной советский рубль, а также более десятка расчетных единиц, созданных странами Азии, Африки и Латинской Америки. Наиболее значимыми из них стали арабский расчетный динар Арабского валютного фонда и андское песо Андского пакта.

- **Экономический и валютный союз с единой валютой, которая заменяет собой национальные денежные единицы государств, входящих в валютную**

зону. В настоящее время Евросоюз — единственное интеграционное объединение, дошедшее до этого этапа интеграции.

- **Одностороннее решение государства о замене национальной денежной единицы валютой другого государства, как правило, уже имеющей статус международной.** Обычно такие соглашения заключаются между государствами с небольшой территорией (островные государства и т. д.).

Стабилизация валютных курсов. Политика стабилизации валютных курсов может осуществляться различными способами: увеличением совместного пула золотовалютных резервов, расширением пределов допустимых колебаний валют, введением двусторонних интервенций и сигнальных курсов и др.

Сотрудничество в целях стабилизации валютных курсов может развиваться не только в рамках сложившихся интеграционных группировок. До появления евро в конце 90-х гг. XX в. в США была выдвинута идея увязки курсов основных мировых валют. Одновременно в научной среде появились многочисленные исследования о таргетировании курсов (target zones). И поскольку инициатива не была реализована, проблема стабилизации актуальна до сих пор.

Системы трансграничных расчетов. Существуют в двух основных видах: неттинговые (многосторонний клиринг) и брутто (валовых) расчетов. По итогам взаимных платежей за определенный период взаимные требования и обязательства в максимальной возможной степени взаимозасчитываются по принципу многостороннего клиринга. Многосторонний клиринг предусматривает, что двусторонние требования и обязательства каждой из стран по отношению ко всем остальным странам суммируются и вычисляется общее сальдо. Таким образом, каждая из стран имеет единое сальдо в рамках многосторонней платежной системы.

Урегулирование сальдо платежей каждой из стран в рамках многосторонней платежной системы может ориентироваться на известный лимит или квоту, установленную на индивидуальной основе. Как правило, квоты определяются в процентном отношении к торговому обороту каждой из стран с другими странами-членами многосторонней платежной системы и фиксируются в расчетной валюте.

Общий принцип урегулирования торгового сальдо состоит в том, что страна с пассивным сальдо погашает часть обязательств перед многосторонней платежной системой в расчетных единицах и кредитует на оставшуюся часть. Страна, имеющая активное сальдо, получает его часть в расчетных единицах, в то время как другая часть оформляется в виде кредитов, предоставленных этой страной многосторонней платежной системой.

Для эффективного функционирования многосторонней платежной системы необходимо создание специального резервного фонда. Его цель — регулирование платежных отношений между индивидуальными странами-кредиторами и должниками, с одной стороны, и многосторонней платежной системой в целом — с другой.

Консолидация валютных и финансовых рынков. Включает меры трех типов: снятия валютных ограничений и барьеров на пути движения капиталов;

устранение валютных ограничений и консолидация рынков финансовых услуг; развитие рыночной инфраструктуры. Сюда можно отнести: согласованный выпуск государственных ценных бумаг, содействие выпуску ценных бумаг в национальных валютах, совместное привлечение иностранных инвестиций, мониторинг финансовых рынков, обмен информацией между денежными властями, предоставление технической помощи, обучение специалистов и т. д.

Валютный союз. Выступает высшей формой валютной интеграции, поскольку предполагает активизацию практически всех форм валютного сотрудничества. В первом приближении валютный союз можно рассматривать как зону с относительно устойчивым валютным режимом, одновременно распространяющимся на территории нескольких государств, географически не обязательно соседствующих. В них может иметь место равноправное хождение либо исключительно одной, либо параллельно нескольких валют с фиксированным курсом в отношении друг друга (соответственно моно- и мультивалютные зоны). Так, Манделл и МакКиннон не видели никакой разницы между моно- и мультивалютными зонами.

Рональд МакКиннон полагал, что «фиксированная система курсов с гарантированной конвертируемостью валют — это почти то же самое, что и режим одной валюты» [7]. На роль единой валюты может приглашаться либо одна из действующих национальных валют (доминантная валюта), либо использоваться комбинированная валюта, либо вводиться принципиально новая денежная единица.

В отличие от валютной зоны, валютный союз, по мнению исследователей У. Бутье, Э. Коломбатто и Х. Жерардин [8], предполагает введение в обращение единой валюты (либо установление жестко фиксированных валютных курсов), а также выполнение основных положений теории оптимальной валютной зоны — требования экономической конвергенции. Под конвергенцией понимаются два аспекта интеграционного процесса: в широком смысле конвергенция определяется как качественное сближение экономических структур и систем стран или регионов (такая формулировка часто используется в исследованиях многих авторов); в узком — как сближение экономических показателей регионов или государств и дивергенции как расхождение этих показателей.

Литература

1. Красавина, Л.Н. Международные валютно-кредитные и финансовые отношения / Л.Н. Красавина. — М. : Финансы и статистика, 1994. — С. 84.
2. Белов, А.Г. Опыт интеграции европейских стран в валютно-финансовой сфере / А.Г. Белов / НИИ Банка России // Информационно-аналитические материалы. — 2003. — № 2 (42).
3. Щеголева, Н.Г. Валютные операции / Н.Г. Щеголева. — М. : ООО «Маркет ДС Корпорейшн», 2004. — С. 59–60.
4. Моисеев, С.П. Международные валютно-кредитные отношения : учеб. пособие / С.П. Моисеев. — М. : Дело и Сервис, 2003. — С. 184.
5. Фрей, Л.И. Валютные и финансовые расчеты капиталистических стран / Л.И. Фрей. — М. : Междунар. отношения, 1969.
6. Frankel, J. No Single Currency Regime is Right For All Countries or at All Times / J. Frankel [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.nber.org/papers/w7338>, NBER working paper series, September 1999.
7. McKinnon, Ronald I. Optimum Currency Areas / Ronald I. McKinnon // The American Economic Review. — 1963. — Vol. 53. — P. 717.
8. Gerardin, H. La Zone Franc / H. Gerardin. — Paris : l'Harmattan, 1989; Buiter, W. The EMU and the NAMU: What is the Case for North-American Monetary Union? / W. Buiter. — CEPR Discussion Paper. — 1999. — № 2181; Colombatto, E. The Birth and Failure of the EMU Project / E. Colombatto // Journal des Economistes et des Etudes Humaines. — 1998. — 8, 2/3. — P. 219–238.

05.08.2011

УДК 658.14/17

В. И. Новикова

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОЦЕНКИ БАНКРОТСТВА ОРГАНИЗАЦИЙ

Дается оценка возможности банкротства субъектов хозяйствования с помощью различных моделей по анализу и диагностике экономического состояния предприятий. Финансовое состояние предприятий Республики Беларусь определяется с позиций их жизнеспособности и устойчивости на перспективу. Делается вывод, что прогнозирование вероятности банкротства предприятий должно базироваться на принципах комплексной методики, включающей оценку финансового состояния предприятий с использованием политики антикризисного финансового управления, реальных оценок удовлетворительности структуры баланса, диагностики угрозы банкротства. Универсальность данного подхода позволяет его использовать на отечественном и мировом рынках.

The estimation of possibility of bankruptcy of subjects of managing by means of various models under the analysis and diagnostics of an economic condition of the enterprises is given. The financial condition of the enterprises of the Republic of Belarus is defined from positions of their viability and stability on prospect. The conclusion is that forecasting of probability of bankruptcy of the enterprises should be based on principles of the complex technique including an estimation of a financial condition of the enterprises with the use of policy of an anti-recessionary finance administration, real estimations of sufficiency of the structure of balance, diagnostics of threat of bankruptcy. Universality of the given approach allows using it in the domestic and world markets.

Среди методик анализа и диагностики финансового состояния организации чаще используется двухфакторная модель Э. И. Альтмана; пятифакторная модель Э. И. Альтмана на основе Z-счета; модель Р. Таффлера; модель В. Х. Бивера; рейтинговое число Р. С. Сайфуллина и Г. Г. Кадыкова.

Исследование Э. И. Альтмана явилось основой последующих исследований в области диагностики банкротства. Максимально доступной является методика по типу двухфакторной математической модели Э. И. Альтмана, при построении которой учитываются два показателя: коэффициент текущей ликвидности и удельный вес заемных средств в пассивах. Весовые значения этих коэффициентов определены эмпирически и составляют для показателя текущей ликвидности (покрытия) $K_n = -1,0736$ и для показателя удельного веса заемных средств в пассивах организации $K_3 = +0,0579$. Тогда оценку вероятности банкротства организации в соответствии с двухфакторной моделью Э. И. Альтмана можно определить по формуле

$$Z = -0,3877 - 1,0736K_n + 0,0579K_3, \quad (1)$$

где: $-0,3877$ — постоянный коэффициент; K_n — показатель текущей ликвидности (покрытия); K_3 — показатель удельного веса заемных средств в пассивах организации [1].

Если Z принимает величину, равную нулю, то вероятность банкротства организации составляет 50 %, если $Z < 0$, то вероятность банкротства менее 50 % и если $Z > 0$, то вероятность банкротства более 50 %, которая возрастает с увеличением Z .

Однако при расчете возможного банкротства организации по методу двухфакторной модели не находят отражения отдельные стороны финансовой деятельности организаций, выражаемые оборачиваемостью активов, рентабельностью, темпами изменения выручки от реализации и др.

Пятифакторная модель Э. И. Альтмана по системе Z-счета учитывает пять показателей, которые рассчитываются в процессе проведения мультипликативного дискриминантного анализа (Multiple-discriminant analysis — MDA) финансового состояния организации.

Модель дискриминантного анализа (Discriminant analysis model) представлена в виде формулы

$$D = b_0 + b_1 + b_2 + b_3K_i + \dots + b_kK_k, \quad (2)$$

где D — дискриминантный показатель (дискриминант); b — дискриминантный коэффициент, или вес; K — предиктор, или независимая переменная [6].

Коэффициенты $b_0, b_1, b_2, b_3, \dots, b_k$ определяются как отношение межгрупповой суммы квадратов к внутригрупповой сумме квадратов для дискриминантных показателей максимально.

Показатель Z-счета, характеризующий кредитоспособность организации, можно рассчитать по формуле

$$Z\text{-счет} = 1,2K_1 + 1,4K_2 + 3,3K_3 + 0,6K_4 + K_5, \quad (3)$$

где Z — итоговый коэффициент вероятности банкротства; K_1 — доля чистого оборотного капитала в активах; K_2 — отношение накопленной прибыли к активам; K_3 — рентабельность активов; K_4 — отношение рыночной стоимости всех обычных и привилегированных акций организации к заемным средствам; K_5 — оборачиваемость активов [2].

Достоинство данной модели состоит в том, что предоставляется возможность определения банкротства организаций с высокой степенью ее вероятности.

В условиях экономики Республики Беларусь, когда рентабельность организаций в значительной мере подвергается опасности внешних колебаний, вышепредставленная модель позволяет оценить финансовую ситуацию предприятий не только с позиции их жизнеспособности, но и устойчивости финансово-хозяйственной деятельности на перспективу. В то же время основой формирования этих моделей являются эмпирические факторы, представляющие собой набор коэффициентов, которые определяются конкретно для каждой отрасли промышленности, но могут существенно различаться по величине показателей. Поэтому модифицированный вариант модели Э. И. Альтмана, учитывающий обстоятельства, связанные с оценкой акций, которые еще не котировались на бирже, может быть выражен формулой

$$R = 8,38K_1 + K_2 + 0,054K_3 + 0,63K_4, \quad (4)$$

где R — итоговый коэффициент вероятности банкротства; K_1 — доля чистого оборотного капитала в активах; K_2 — отношение накопленной прибыли к активам; K_3 — рентабельность активов; K_4 — балансовая стоимость акций [2].

Данная модель предполагает наличие активно действующего, вторичного рынка ценных бумаг, на котором может определяться их цена и в условиях его неразвитости использование показателя Z-счета нецелесообразно.

Исследовав модели Э. И. Альтмана с позиции ее состоятельности для разных условий хозяйствования, Р. Таффлер и Г. Тишоу сформировали четырехфакторную модель финансовой несостоятельности предприятий, содержание которой аргументировали необходимостью введения переменных показателей:

$$Z = 0,53K_1 + 0,13K_2 + 0,18K_3 + 0,16K_4, \quad (5)$$

где Z — итоговый коэффициент вероятности банкротства; K_1 — отношение прибыли от реализации к краткосрочным обязательствам; K_2 — отношение оборотных активов к сумме обязательств; K_3 — отношение краткосрочных обязательств к сумме активов; K_4 — соотношение выручки от реализации и общей суммы активов.

Переменный показатель K_1 играет доминирующую роль по сравнению с другими, и в условиях, когда различительная прогностическая способность модели оказывается ниже по сравнению с Z-счетом Альтмана, даже незначительные колебания эконо-

мической ситуации в стране и наличие возможных ошибок в исходных данных при вычислении финансовых коэффициентов могут привести к ошибочным выводам. Р. Таффлер и Г. Тишоу установили, что при $Z > 0,3$ вероятность банкротства низкая, а при $Z < 0,2$ высокая [4].

Вместе с тем прогнозная модель Р. Таффлера и Г. Тишоу не включает рыночную оценку бизнеса в виде котировки акций и ее использование в практике хозяйствования не получило распространения.

Анализ множества коэффициентов, характеризующих деятельность обанкротившихся компаний, позволил У. Биверу объединить их в шесть групп. Он установил, что наибольшую значимость в каждой из групп имеет показатель, отражающий соотношение притока денежных средств и заемного капитала. У. Бивер предложил пятифакторную систему оценки финансового состояния организации для диагностики банкротства, включающую следующие индикаторы:

- рентабельность активов;
- удельный вес заемных средств в пассивах;
- коэффициент текущей ликвидности;
- доля чистого оборотного капитала в активах;
- коэффициент Бивера, представляющий собой отношение суммы чистой прибыли и амортизации к заемным средствам [5].

Для определения вероятности наступления банкротства по модели У. Бивера полученные значения показателей можно сравнить с нормативными показателями для благополучных фирм, обанкротившихся в течение года и ставших банкротами в течение 5 лет (табл. 1) [3].

где K_1 — оборотный капитал; K_2 — прибыль до налогообложения + проценты к уплате; K_3 — прибыль до налогообложения + краткосрочные обязательства; K_4 — выручка (нетто) от реализации [4].

Вероятность банкротства организации определяется по рассчитанным параметрам Z , исходя из положения, что если Z меньше 0,862, то вероятность банкротства большая, если Z больше 0,862, то банкротство маловероятно.

В практике хозяйствования вышеописанные модели прогнозирования банкротства не получили широкого применения вследствие больших расхождений между рассчитанными и фактическими показателями. Их можно использовать в качестве вспомогательных весовых коэффициентов. Кроме того, период прогнозирования в этих моделях составляет 3–5 лет, а в некоторых моделях вообще не определяется, что является неприемлемым в условиях динамично развивающейся экономики Республики Беларусь. Вместе с тем рассмотренные методики позволяют определить вероятность приближения банкротства организаций, но без установления фазы роста жизненного цикла организации.

К более прагматичным с точки зрения прогнозирования банкротства организаций следует отнести пятифакторную модель Р. С. Сайфуллина и Г. Г. Кадыкова. Авторы в процессе адаптации модели « Z -счет» Э. И. Альтмана к реальным условиям предложили использовать для оценки финансового состояния организаций рейтинговое число R , которое аккумуля-

Таблица 1

Определение вероятности наступления банкротства по модели У. Бивера

Показатели	Расчет показателей	Нормативные значения показателей для разных групп		
		Благополучные компании	За 5 лет до банкротства	За 1 год до банкротства
Экономическая рентабельность	$\frac{\text{Чистая прибыль}}{\text{Валюта баланса}}$	≥ 8	≥ 2	$\leq 1,0$
Финансовый левередж	$\frac{\text{Долгосрочные} + \text{Краткосрочные обязательства}}{\text{Активы}}$	≤ 35	≥ 50	≥ 80
Коэффициент текущей ликвидности	$\frac{\text{Оборотные активы}}{\text{Текущие обязательства}}$	≥ 3	2–2,25	$\leq 1,0$
Коэффициент покрытия активов чистым оборотным капиталом	$\frac{\text{Собственный} - \text{Внеоборотный капитал}}{\text{Активы}}$	0,4	$\geq 0,3$	0,06
Коэффициент Бивера	$\frac{\text{Чистая прибыль} + \text{Амортизация}}{\text{Долгосрочные} + \text{Краткосрочные обязательства}}$	0,4–0,45	0,17	–0,15

Методика оценки вероятности банкротства организаций с использованием пошагового дискриминантного метода, предложенная Г. Спрингейтом, позволяет определить риск неплатежеспособности организаций с точностью более чем 90 %. Ее особенность состоит в том, что в такой модели используются только 4 финансовых коэффициента:

$$Z = 1,03K_1 + 3,07K_2 + 0,66K_3 + 0,4K_4, \quad (6)$$

рует ряд коэффициентов и показателей, отражающих деятельность организаций:

$$R = 2K_0 + 0,1K_{\text{тл}} + 0,08K_{\text{и}} + 0,45K_{\text{м}} + K_{\text{пр}} \quad (8),$$

где K_0 — коэффициент обеспеченности организации собственными средствами; $K_{\text{тл}}$ — коэффициент текущей ликвидности; $K_{\text{и}}$ — коэффициент оборачиваемости;

мости активов; K_M — коммерческая маржа или рентабельность реализованной продукции; $K_{пр}$ — рентабельность собственного капитала [4].

Преимущества модели Р. С. Сайфуллина и Г. Г. Кадыкова состоят в том, что она диагностирует разные уровни наступления банкротства организаций в зависимости от показателя R , который указывает, что при $R = 1$ и более организация находится в удовлетворительном состоянии, а при R меньше 1 возможно наступление стадии банкротства. Они установили, что изменение коэффициента обеспеченности собственными средствами в пределах от 0,1 до 0,2 приводит к изменению итогового показателя R на 0,2 пункта, а изменение коэффициента текущей ликвидности от нуля (от полной неликвидности) до двух также приводит к изменению показателя R на 0,2 пункта [4].

В Республике Беларусь пока нет статистических данных предприятий-банкротов по причине «молодости» института банкротства, что затрудняет проведение исследований, основанных на реалиях нашей экономики и направленных на достоверное прогнозирование возможной несостоятельности предприятий. Существуют также проблема достоверности информации о состоянии дел на конкретных предприятиях и трудности ее получения. Ограниченность использования в практике зарубежных моделей финансового анализа обусловливается прежде всего тем, что они были разработаны на основе данных финансовой отчетности иностранных государств. Поэтому в данной ситуации возможны два пути решения.

Первый — адаптация иностранных моделей к экономике Республики Беларусь и проведение дискриминантного анализа данных конкретных предприятий, второй — наиболее приемлемый и актуальный, но более трудоемкий — создание математической модели прогнозирования платежеспособности предприятия, в наибольшей степени соответствующей реалиям экономики Республики Беларусь. Использование такой модели позволит прогнозировать возникновение на предприятии кризисной ситуации до появления ее очевидных признаков. Такой прогноз особенно актуален, так как жизненные циклы предприятий в рыночной экономике коротки (4–5 лет).

Анализ методик оценки экономического состояния организации и прогнозирования вероятности банкротства позволяет сделать вывод, что модели, отвечающей экономическим условиям Республики Беларусь, учитывающей специфику экономики страны или отрасли в целом, пока не существует. В сложившихся экономических условиях более эффективна модель, построенная на принципах метода регрессионного анализа, базовой составляющей которого являются статистические показатели экономических процессов на основе реальных значений показателей деятельности организации. Предлагается вначале определить взаимосвязь показателя эффективности работы предприятий с показателем соотношений дебиторской и кредиторской задолженностей,

а также соотношений заемного и собственного капиталов; соотношений чистой прибыли и собственного капитала организаций; соотношений выручки от реализации и активов.

Для построения модели диагностики банкротства субъектов хозяйствования в Республике Беларусь воспользуемся методом регрессионного анализа.

Основная задача, которая решается с помощью регрессионного анализа, — построение статистических моделей экономических процессов на основе наблюдаемых значений экономических показателей. Основным математическим методом, применяемым для построения таких моделей, — метод наименьших квадратов. Основная идея этого метода состоит в построении уравнения связи между исследуемыми величинами, максимально соответствующего фактическим данным, то есть наблюдаемым значениям этих величин.

Тогда модель диагностики банкротства предприятий может быть представлена формулой

$$Y = a_0 + a_1 K_{1i} + a_2 K_{2i} + a_3 K_{3i} + a_4 K_{4i}, \quad (10)$$

где Y — показатель эффективности работы предприятия (выходная переменная); K_1 — соотношение дебиторской и кредиторской задолженностей; K_2 — соотношение заемного и собственного капитала; K_3 — соотношение чистой прибыли и собственного капитала; K_4 — соотношение выручки от реализации и активов (K_1, K_2, K_3, K_4 — входные переменные); $a_0 \dots a_n$ — коэффициенты модели, которые определяются по методу наименьших квадратов; i — индекс инфляции.

При построении модели используем данные финансовой отчетности 50 субъектов хозяйствования Республики Беларусь с возможностью табличного процессора MS Excel. С использованием инструмента Регрессия из пакета Анализ данных определяем коэффициенты модели, вычисленные по методу наименьших квадратов, которые составляют:

$$a_0 = 0,31, a_1 = -0,12, a_2 = -0,038, a_3 = 0,017, a_4 = 0,22.$$

Таким образом, связь между величинами K и Y может быть описана уравнением:

$$Y = 0,31 - 0,12K_{1i} - 0,038K_{2i} + 0,017K_{3i} + 0,2K_{4i}. \quad (11)$$

Если расчетный уровень значимости показателя меньше заданного уровня значимости α (принято, что $\alpha = 0,05$), то модель адекватна исходным данным.

В рассчитанном нами варианте величина Значимость F равна (округленно) 0,00...407, что меньше, чем 0,05, а это свидетельствует об адекватности взаимоотношений между K и Y .

Для оценки степени платежеспособности и риска банкротства предлагаются интервальные значения показателя Y , которые приведены в таблице 2.

Значение показателя, характеризующего состояние предприятия

Характеристика состояния	Границы показателя	Риск банкротства
Устойчивое финансовое положение	> 1	Минимален
Наличие признаков банкротства	0,3–1	Средний
Банкрот	< 0,3	Высокий

Таким образом, прогнозирование вероятности банкротства предприятий должно базироваться на принципах комплексной методики, включающей оценку финансового состояния организаций с ис-

пользованием политики антикризисного финансово-го управления, реальных оценок удовлетворительности структуры баланса, диагностики угрозы банкротства.

Список использованных источников

1. Altman, E.I. Financial Ratios. Discriminant Analysis, and the Prediction of Corporate Bankruptcy / E.I. Altman // Journal of Finance, September 1968.
2. Altman, E.I. Zeta Analysis: A New Model to Identify Bankruptcy Risk of Corporation / E.I. Altman, R.G. Haldeman, P. Narayanan // Journal of Banking and Finance, June 1977.
3. Beaver, W.H. Financial Ratios and Predictions of Failure / W.H. Beaver // Journal of Accounting Research, 1996.
4. Антикризисное управление : учеб. пособие для техн. вузов / под ред. Е.С. Минаева и В.П. Панагушина. — М. : Приор, 1998.
5. Бобрышев, А.Н. Методы прогнозирования вероятности банкротства организации / А.Н. Бобрышев // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. — 2010. — № 1.
6. Analysis of MTR histograms in multiple sclerosis using principal components and multiple discriminant analysis [Electronic resource]. — Mode of access: <http://eprints.ucl.ac.uk/>. — Date of access: 26.05.2011.

30.06.2011

УДК 327

Ю. А. Шаврук

РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ АЛЬЯНСОВ

В условиях вступления белорусской экономики в мировую многоуровневую экономическую систему международные стратегические альянсы могут оказать как позитивное, так и негативное влияние на развитие отечественной экономики. В статье анализируются правовые нормы, регулирующие деятельность стратегических альянсов в зарубежных странах и в Республике Беларусь. Выявлены особенности в национальном правовом регулировании данного вида правоотношений, приведен зарубежный опыт их регулирования. Делается вывод о необходимости совершенствования законодательства Республики Беларусь по формированию и регулированию деятельности международных стратегических альянсов.

In the conditions of the introduction of the Belarus economy into the world multilevel economic system the international strategic alliances can render as positive, and negative influence on the development of the domestic economy. In the article the rules of law regulating activity of strategic alliances in foreign countries and in the Republic of Belarus are analyzed. Features in national legal regulation of the given kind of legal relationship are revealed, foreign experience of their regulation is resulted. The conclusion about necessity of perfection of the legislation of the Republic of Belarus on formation and regulation of activity of the international strategic alliances comes.

В условиях глобализации возрастает межгосударственная и межфирменная конкурентная борьба за экономические ресурсы и рынки сбыта, происходит поэтапное развитие межгосударственных союзов сопряженных стран, создаваемых с целью достижения глобальных преимуществ перед общими конкурентами на мировом рынке (ЕС, НАФТА, АСЕАН и др.). Интеграционные процессы на региональном, межгосударственном уровне, с одной стороны, постепенно приводят к ослаблению значимости отдельных национальных экономик, а с другой — глобализация вызвала новые стратегические подходы во многих отраслях. Мощный импульс развития получает интеграционная хозяйственная деятельность на уровне компаний: возрастающий уровень международной конкуренции вынуждает

компании искать путь объединения потенциалов и сотрудничества в борьбе за выживание либо рыночное лидерство. Установление деловых партнерских отношений между компаниями государств и создание деловых структур различной степени интегрированности — одна из самых распространенных организационных стратегий в последние десятилетия. Сотрудничая между собой, фирмы все чаще образуют стратегические альянсы.

Международный стратегический альянс представляет собой *относительно продолжительное по времени межорганизационное соглашение по сотрудничеству, которое предусматривает совместное использование ресурсов и/или структур управления двух и более самостоятельных организаций, расположенных в двух и бо-*

лее странах, для совместного выполнения задач, связанных с корпоративной миссией каждой из них [1, с. 15]. К международным стратегическим альянсам относятся функциональные соглашения (например, по развитию производства, консорциумы и т. д.). Международный стратегический альянс отличается: происхождение партнеров из двух стран; стратегическая значимость для каждого партнера.

Исторически международные стратегические альянсы предшествовали национальным. В то же время на пути к созданию общего рынка в странах Европейского союза возникла гибридная форма международных и национальных альянсов. Ведущие европейские фирмы вступили в консорциумы, чтобы совместно реагировать на вызов конкурентов из США и Японии. Примером внутриевропейского межфирменного сотрудничества явился ряд совместных научно-технических программ, в том числе ESPIRT (информационные технологии), BRITE (новые материалы), RASE (телекоммуникации) [2, с. 10].

Так как альянс предполагает заключение договора между компаниями-партнерами, то любой альянс действует на основании заключенного договора.

В 1967 г. во Франции был создан особый юридический институт — Объединение экономических интересов (ОЭИ). Объединение экономических интересов — правовая форма объединения, которое является юридическим лицом, но не акционерной компанией, ограниченной долями капитала. ОЭИ позволяет образовывать юридические единицы без внесения взноса в капитал образующего филиала, имеет право заключать договоры, при этом партнеры должны нести солидарную ответственность за принятые обязательства. Деятельность ОЭИ прозрачна для налоговых органов. Примеру французских ОЭИ последовал Европейский союз, в результате в 1985 г. появились первые объединения экономических интересов (ЕОЭИ) [3, с. 13]. ЕОЭИ — это проекция на европейском уровне французского объединения экономических интересов, которое добилось определенных успехов.

Государственные органы озабочены проблемой регулирования деятельности альянсов и осуществляют ее контроль прежде всего из-за опасений, что подобного рода активность может спровоцировать явления, сдерживающие конкуренцию. Для регламентации альянсовой деятельности компаний в большинстве стран используется несколько юридических инструментов: законодательство, регулирующее конкуренцию; законодательство, регламентирующее деятельность картелей; антимонопольное законодательство.

На практике особый интерес вызывают альянсы, заключенные между фирмами-конкурентами. В ряде стран альянсы между конкурентами привлекают меньше внимания государственных органов (ЕС и Япония), чем компании, заключившие сделки слияния или поглощения, а в других, например США, наоборот. Альянсы, заключаемые с целью создания и совместной разработки конкретного производства, прибегают к законодательству, регулирующему рост

концентрации. В юридической литературе экономическую концентрацию субъектов хозяйствования определяют как поглощение, слияние, присоединение и все иные способы установления одним субъектом предпринимательской деятельности контроля над всей или частью хозяйственной деятельности другого субъекта предпринимательства, так и сделки, иные действия, осуществление которых оказывает влияние на состояние конкуренции [4, с. 47].

Почти во всех странах фиксирование цен, ограничение объема производства продукции или распределение между партнерами определенных частей рынка считается противозаконным.

На уровне ЕС проблема обрела двойной характер: с одной стороны, наметилась тенденция к усилению государственного контроля над альянсами с целью поддержания стабильного уровня конкурентоспособности, а с другой — делается все возможное по созданию благоприятных условий для развития совместных проектов между европейскими предприятиями с целью повышения их конкурентоспособности в других странах. Деятельность альянсов (исключением являются только договоры о проведении совместной научно-исследовательской работы) регулируются либо Римским соглашением, особенно статьями, посвященными правилам конкуренции (ст. 85 и 86), либо законодательством, регулирующим рост концентрации (1989 г. № 4064/89) [3, с. 16]. Последний документ рассматривает только те альянсы, которые существуют длительное время и действуют как автономные единицы (то есть им присущи элементы концентрации). Несмотря на то, что эти документы содействуют защите и развитию конкуренции, они предусматривают возможность образования и дальнейшего существования альянсов, сдерживающих развитие конкуренции. Такая практика допускается при условии, что функционирование альянса позитивно отражается на экономике страны и направлена на развитие технического прогресса и возвращение значительной части прибыли потребителю, полученной от его деятельности.

В США законодательство, применяемое к деятельности альянсов, более жесткое, чем европейское. К тому же Департамент юстиции — орган, следящий за исполнением антitrustовского законодательства, скорее способствует свершению таких сделок, как слияние и поглощение, чем образованию альянсов. Одобрив слияния и поглощения, Департамент юстиции создает все условия для роста концентрации в определенном секторе вместо того, чтобы развивать деятельность альянсов, которые он не может поддержать из-за отсутствия четкости в понимании данного экономического феномена. В США даже в случаях договоров о совместной научно-исследовательской работе партнерским компаниям предоставляется ограниченная свобода действий. Закон (National Cooperative Research Act), позволяющий компаниям-конкурентам заниматься созданием альянсов, был утвержден только в 1984 г. В отличие от европейского аналога, этот закон не позволяет партнерам использовать результаты совместно

проведенных исследований. Он запрещает деятельность, связанную с производством и реализацией продукции, основанной на подобных разработках. К тому же в нем дается уточнение по поводу того, что разрешение, данное на проведение совместных научных исследований, не должно отражаться на развитии конкуренции, особенно на стадии производства товара [5, с. 119].

В Японии ситуация с регламентацией деятельности альянсов очень схожа с европейской. В стране нет отдельного законодательства, регулирующего деятельность альянсов, поэтому используется классическое антitrustовское законодательство и Антимонопольный акт от 1947 г. Государственные органы, регламентирующие коммерческую деятельность (Fair Trade Commission), занимают весьма лояльную позицию по отношению к альянсам. Альянсы компаний-конкурентов пользуются почти такими же привилегиями, что и другие виды концентрации, но при условии, что каждая из компаний-партнеров занимает не более 25 % рынка. Договоры о совместной научно-исследовательской работе, как вид альянсовой деятельности, признают благоприятными для технического и экономического прогресса, даже если партнеры намерены совместно использовать результаты исследований в коммерческих целях. Подобные договоры часто поддерживаются японским Министерством промышленности и внешней торговли, которое рассматривает такие альянсы одним из способов укрепления позиций японских фирм на международных рынках.

Международные стратегические альянсы играют заметную роль в жизнедеятельности ключевых отраслей мировой экономики. Это наглядно прослеживается на примере распределения альянсов по отраслям (в %), базирующимся в США: производство компьютеров — 7,3; фармацевтика — 6,8; добывающая промышленность — 5,9; автомобилестроение — 5,4; продукты питания и напитки — 4,6; аэрокосмическая промышленность — 4,1; металлургия — 4,0; телекоммуникации — 8,0; индустрия развлечений — 6,2; финансы — 5,3; производство программных продуктов — 2,6; электроэнергетика, газо- и водоснабжение — 1,9 [6, с. 25].

Относительно высокая концентрация международных стратегических альянсов в производстве компьютеров, фармацевтике, автомобилестроении, аэрокосмической промышленности и в сфере развлечений объясняется тем, что компании ищут пути сотрудничества с целью снижения высоких издержек по входу в отрасль, высоких тарифных и/или нетарифных барьеров, значительных технологических и операционных рисков.

Современное российское законодательство, помимо общих норм ГК РФ, сосредоточено на антимонопольных аспектах экономической концентрации. Роль государственных органов в процессе формирования международных стратегических альянсов заключается в контроле за соблюдением

действующего законодательства участниками альянсов.

В настоящее время в России отсутствует единая законодательная база, регламентирующая деятельность альянсов. Основным законодательным актом в этой области, применяемым для государственного контроля за общим состоянием рынка, включающим механизм регулирования инвестиций, долгое время являлся Закон РСФСР от 22.03.1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», существовавший в последние годы в редакции Федерального закона от 25.05.1995 г. № 83-ФЗ, а 26.07.2006 г. Президентом был подписан новый Федеральный закон «О защите конкуренции» (№ 135-ФЗ), который часто называют Антимонопольным законом или Законом о конкуренции.

Государственный контроль за условиями конкуренции на рынке в РФ осуществляется преимущественно в форме контроля за деятельностью профессиональных участников рынка путем ее лицензирования соответствующими органами государства — регулятором рынка, а также путем пресечения случаев недобросовестной конкуренции на рынке антимонопольными органами [7, с. 137].

Республика Беларусь стремится использовать мировой опыт по созданию международных стратегических альянсов, адаптировать его к условиям экономики нашей страны. В нашем государстве подготовлена нормативная база, которая позволяет регламентировать некоторые вопросы, связанные с деятельностью международных стратегических альянсов. В частности, Конституция Республики Беларусь, Гражданский кодекс Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь «О естественных монополиях» от 16.12.2002 г. № 162-3, а также международные договоры, участником которых является Республика Беларусь.

Конституционные основы антимонопольного регулирования образуют нормы разделов I и II Конституции Республики Беларусь. Это наиболее стабильная часть антимонопольного законодательства, поскольку в Основной Закон государства не могут вноситься частые изменения и дополнения.

Статья 13 Конституции Республики Беларусь гарантирует всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности.

Таким образом, Конституция Республики Беларусь ориентирует законодателя, что законом может быть запрещена социально опасная деятельность, в том числе экономическая, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию. Но этот общий конституционный принцип здесь не конкретизирован [8, с. 2].

Другое законодательство Республики Беларусь содержит запрет конкретной экономической деятельности, которая направлена на монополизацию

и недобросовестную конкуренцию. Указанный запрет материализован в ч. 2 п. 1 ст. 9 ГК, которая не допускает использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребления своим доминирующим положением на рынке.

Однако диапазон действия запрета, закрепленного в ст. 9 ГК, ограничен и распространяется: 1. на участников гражданского оборота (граждан и юридических лиц) и применяется к отношениям с участием иностранных лиц (иностранцев, граждан, лиц без гражданства, беженцев и иностранных юридических лиц), если иное не предусмотрено ГК и международным договором; 2. товарные рынки, где конкуренция по объективным причинам отсутствует, это рынки естественных, государственных и временных монополий; 3. по субъектному составу на тех лиц, которые обладают доминирующим положением на рынке. Названный в ГК запрет не применяется к отношениям, основанным на властном подчинении одной стороны другой. Но и в этой сфере иное может быть предусмотрено законодательством.

Так, в ст. 3 Закона «О противодействии монополистической деятельности» предусмотрено, что он действует на всей территории Республики Беларусь и распространяется на отношения, в которых участвуют хозяйствующие субъекты, государственные органы, их должностные лица в процессе деятельности на товарных рынках. Он применяется к тем правоотношениям, в которых участвуют хозяйствующие субъекты, государственные органы, их должностные лица, которые имеют или могут иметь последствиями ограничения конкуренции на товарных рынках.

Актами законодательства в соответствии с нормами международного права могут устанавливаться изъятия по отношению иностранных государств, международных организаций, физических и юридических лиц, лиц без гражданства и других субъектов права к числу потребителей.

Деятельность хозяйствующих субъектов Республики Беларусь, занимающих доминирующее положение на товарных рынках других государств (групп государств, международных организаций), а также хозяйствующих субъектов других государств, осуществляющих монополистическую деятельность на товарных рынках или в отношении потребителей, хозяйствующих субъектов Республики Беларусь, регулируется на основании норм национального права, а также норм международного права.

Следующими в иерархии нашего национального антимонопольного законодательства стоят выше-названные Законы «О противодействии монополистической деятельности» и «О естественных монополиях».

Ключевое место среди них занимает Закон «О противодействии монополистической деятельности», который является первым белорусским антимонопольным законодательным актом (первая редакция принята в декабре 1992 г.). В нем содержатся понятийный аппарат антимонопольного

законодательства, положения о функциях и компетенции антимонопольных органов, характеризуются основные виды монополистической деятельности и признаки составов нарушений антимонопольного законодательства, приводится система предупреждения, ограничения и пресечения монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, а также положения о принятии, обжаловании и исполнении решений и предписаний антимонопольных органов.

Закон «О противодействии монополистической деятельности» по целям и методу правового регулирования содержит элементы как европейской модели антимонопольного законодательства (основополагающий принцип — контроль за злоупотреблениями рыночной властью), так и американской системы антитрестового законодательства (принцип запрета монополий). В ст. 9 закона установлено, что в случае, когда положение на товарном рынке хозяйствующего субъекта или нескольких хозяйствующих субъектов признается доминирующим, устанавливается специальный государственный контроль за объемом производства и качеством товаров, уровнем цен и иными показателями деятельности данного хозяйствующего субъекта (субъектов) с целью установления факта злоупотребления таким положением [8, с. 6].

Из международных договоров Республики Беларусь выделяются Соглашение стран СНГ о согласовании антимонопольной политики от 12.03.1993 г. и межправительственный договор стран СНГ «О проведении согласованной антимонопольной политики» от 23.12.1993 г. (эти договоры не публиковались и нуждаются в дополнительном исследовании).

В Национальной программе развития экспорта на 2000–2005 гг. ставилась задача «расширить формы иностранного инвестирования, в частности использовать лицензионные, субподрядные, консорциальные соглашения, международные альянсы», а также «разработать и реализовать комплекс мероприятий по инициированию совместных инвестиционных проектов с соседними странами (Россия, Украина, Польша, Литва, Латвия) путем создания совместных комитетов (советов), стратегических альянсов по инвестиционному сотрудничеству» [9].

В Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг. ключевая роль в развитии экспортного потенциала отводится созданию крупных интегрированных структур (холдингов, альянсов, кластеров), включение белорусских предприятий в ТНК. Предусматривается создание транснациональных компаний на базе валообразующих белорусских предприятий, сборочные производства которых разместятся в странах-потребителях продукции, а также обладающих необходимыми ресурсами для их производства [10, с. 62].

Для выполнения задач предусматривались юридические возможности. Сердцевиной правовой

базы для осуществления деятельности инвесторов стал Инвестиционный кодекс Республики Беларусь, вступивший в силу 09.10.2001 г. В соответствии с ним зарубежные предприниматели имеют право образовывать на территории Республики Беларусь предприятия, либо полностью принадлежащие им, либо созданные с долевым участием белорусских субъектов хозяйствования, которые после регистрации приобретают статус юридического лица Республики Беларусь [11].

Регистрация организаций определена Декретом Президента Республики Беларусь от 16.01.2009 г. № 1 «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования». Ею занимаются Минский горисполком и облисполкомы. Согласно Инвестиционному кодексу зарубежные предприниматели имеют право образовывать на территории Республики Беларусь предприятия либо полностью принадлежащие им, либо созданные с долевым участием белорусских субъектов хозяйствования, которые после регистрации приобретают статус юридического лица Республики Беларусь.

В соответствии с Кодексом Республики Беларусь о земле предприятиям с иностранными инвестициями и иностранным юридическим лицам предоставлена возможность длительной аренды земельных участков сроком до 99 лет, а также продажи земли им в частную собственность в случае реализации крупного инвестиционного проекта.

Таким образом, в Республике Беларусь, как и во всем мире, для регулирования деятельности международных стратегических альянсов создана определенная правовая база, которая регламентирует функционирование альянсов на территории страны. Вместе с тем практическое многообразие форм международных стратегических альянсов требует дальнейшей разработки и детализации юридического регулирования их деятельности.

Деятельность альянсов, помимо положительных сторон, в силу объективных и субъективных обстоятельств содержит некоторые потенциальные возможности для нанесения ущерба экономической безопасности на уровне самого альянса и на уровне экономики страны в целом. Отметим, что любые угрозы экономической безопасности, скрытые в деятельности альянсов, могут стремительно развиваться в условиях недостаточно проработанного законодательного поля белорусской экономики, особенно по линии антимонопольного законодательства.

В связи с тем, что создание и функционирование крупных международных стратегических альянсов затрагивает государственные интересы, соответствующие интеграционные процессы должны происходить под государственным регулированием, независимо от организационных форм образуемых

и функционирующих альянсов. Необходима выработка как разрешительных, так и запретительных процедур создания альянсов в зависимости от сформулированных критериев, связанных с интересами поддержания государственной безопасности. В случае формирования международных стратегических альянсов важно учитывать интересы как бизнес-партнеров, так и соответствующих государств базирования участников альянса. Необходимо соблюдать принцип информационной открытости сторон. Его реализация применительно к международным стратегическим альянсам предполагает следование общим для стран базирования участников стандартам открытости деловой информации, в том числе для властных структур и общественности этих стран [12, с. 102].

Белорусская экономика пытается встроиться в мировую многоуровневую экономическую систему после длительного периода дистанцирования от мирового рынка и пассивного участия в развитии мирового хозяйства и формирования новых мирохозяйственных связей. В этих условиях международные стратегические альянсы могут оказать как позитивное, так и негативное влияние на развитие отечественной экономики. Перед государственными органами стоит задача регулирования процесса формирования стратегических альянсов с целью ограничения негативных последствий от их недобросовестной конкуренции и, наоборот, стимулирование процесса создания эффективных альянсов, имеющих положительное влияние на состояние экономики.

Поддержка и регулирование конкуренции — одна из важнейших экономических задач государства. Международные стратегические альянсы усиливают и придают гибкую форму процессам концентрации и централизации капитала, укрепляют мощности крупнейших компаний за счет согласования и объединения их усилий по сращиванию мировых рынков и устранению мелких и слабых конкурентов [13, с. 85].

В этой связи представляется необходимым проработать основные методы государственного регулирования процессов формирования стратегических альянсов на примере международного опыта и внести предложения по его совершенствованию в Беларуси. В целях обеспечения успешного функционирования альянса требуется анализ преимуществ стратегического альянса по трем направлениям: положительный эффект в целом; положительный эффект для Республики Беларусь; положительный эффект для иностранного партнера. Международный стратегический анализ в этом случае представляет собой систему взаимосвязанных элементов, которые позволяют каждому участнику добиваться поставленных целей и стремиться к повышению экономической эффективности всей структуры.

Список использованных источников

1. Щетин, В.Д. Опыт транснациональных корпораций и пути к мировому рынку / В.Д. Щетин. — М. : Школа междунар. бизнеса Моск. ин-та междунар. отношений, 2010.
2. Partnerships and Networking in Science and Technology for Development. UNCTAD. — New York and Geneva, 2002.
3. Гарретт Б. Стратегические альянсы / Б. Гарретт, П. Дюссож; пер. с фр. — М. : ИНФРА-М, 2002.
4. Саниахметова, Н.А. Правовая защита конкуренции в предпринимательстве Украины / Н.А. Саниахметова. — Одесса : 000 <Бахва>, 1998. — С. 153.
5. Harbison, John R. Smart Alliances / John R. Harbison, Peter Jr. Pekar. — San Francisco, 1998.
6. Nairgan, K.R. Strategic Alliance and Partner Asymmetries. Cooperative Strategies in International Business. — Lexington Books, 2010.
7. Чернышова, О.В. Участие российских компаний в международных стратегических альянсах : дис. ... канд. экон. наук / О.В. Чернышова. — М., 2006.
8. Каменков, В. Специфика и эффективность антимонопольного законодательства Республики Беларусь / В. Каменков // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс]. — 2006. — Режим доступа: ООО «Юрспектр». — Дата доступа: 23.04.2011.
9. Об одобрении Национальной программы развития экспорта на 2000–2005 годы: Указ Президента Респ. Беларусь от 28.02.2000 г. № 93 // Собрание декретов, указов Президента и постановлений Правительства Республики Беларусь. — 2000. — № 6. — Ст. 147.
10. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы / М-во экономики Респ. Беларусь. — Минск, 2011.
11. Кодекс Республики Беларусь от 22.06.2001 г. № 37-3: ред. от 09.11.2009 «Инвестиционный кодекс Республики Беларусь» // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2001. — № 62. — 2/780.
12. Карпухина, Е.А. О принципах формирования и необходимости правообеспечения эффективных стратегических альянсов с участием российских предприятий / Е.А. Карпухина // Российский экономический журнал. — 2005. — № 7–8. — С. 102–103.
13. Ноздрева, Р.Б. Стратегические альянсы в международном бизнесе / Р.Б. Ноздрева // Менеджмент в России и за рубежом. — 2002. — № 6.

11.07.2011

УДК 323(4/9)

Д. Н. Швайба

РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И ЦЕЛИ

В современных условиях актуализируется проблема проведения реструктуризации социального комплекса Республики Беларусь. В статье анализируются два варианта реструктуризации, связанные с созданием хозяйственной системы инновационного характера: путем выделения социальной сферы в самостоятельный хозяйственный субъект с профильными направлениями деятельности и сохранения социальной сферы внутри предприятия с прежними эффективными направлениями работы. Выделены критерии, целевые установки, наиболее типичные виды реструктуризации, разработаны направления структурных преобразований предприятия, приводящих к изменениям социальной сферы. Результаты исследования будут востребованы предприятиями Республики Беларусь, имеющими на балансе объекты социальной сферы.

In modern conditions the problem of carrying out of re-structuring of a social complex of the Republic of Belarus becomes actual. In the article two variants of re-structuring connected with creation of the economic system of innovative character are analyzed: by allocation of social sphere in the independent economic subject with profile directions' activity and preservation of social sphere in the enterprise with former effective directions of work. Criteria, the purposes, the most typical kinds of re-structuring are allocated, directions of structural transformations of the enterprise leading to changes of social sphere are developed. Results of research will be claimed by the enterprises of the Republic of Belarus having objects of social sphere on balance.

Большой экономический словарь определяет реструктуризацию как «изменение структуры чего-либо» [1]. В литературе, главным образом учебно-методической, в периодических изданиях реструктуризация рассматривается в качестве инструмента преобразования предприятия. Преобразования могут подвергаться любые сферы деятельности предприятия — производство, персонал, капитал,

финансы, социальный комплекс. В большинстве понятие реструктуризации сводится к организационной перестройке предприятия, то есть к изменению организационно-правовых форм и организационной структуры.

В литературе определение реструктуризации с позиции вышеперечисленных подходов подвергается критике, как «упрощенно отражающее только

частные изменения некоторых составляющих деятельности организации» [2, с. 25]. Данное утверждение оправдано, поскольку реструктуризация — это более сложное явление, охватывающее все аспекты хозяйственной деятельности предприятия, от производственных до социальных. Трактовать его необходимо гораздо шире, определяя возможность как общей реструктуризации предприятия, так и его составных частей (например, социальной сферы).

В вопросе реструктуризации социальной сферы как составной части предприятия указанные понятия применимы, однако имеют специфику. Законодательство Республики Беларусь закладывает основу для процесса реструктуризации социальной сферы предприятия. Закон «О разгосударствлении и приватизации государственной собственности в Республике Беларусь» предполагает в процессе реструктуризации «выделение из состава действующего предприятия в качестве субъекта приватизации структурных подразделений» [3]. Такая законодательная норма позволяет осуществить самостоятельную приватизацию социальной сферы как структурного подразделения предприятия, что сочетается с отдельными теоретическими подходами к процессу преобразования (реструктуризации) социальной сферы. Имеет право на существование и вариант, при котором приватизируется производственный комплекс предприятия, а социальная сфера остается в руках государства.

Таким образом, данный законодательный акт формирует правовую базу для осуществления реструктуризации социальной сферы путем изменения организационной структуры. Однако, как отмечалось, процесс реструктуризации имеет более широкое применение.

Экономисты рассматривают реструктуризацию как «переход к эффективным методам управления и хозяйствования, базирующийся на создании и внедрении оптимизированной системы управления» [2, с. 25]. Исходя из приведенного в первом разделе определения «социальной сферы предприятия» основной функцией, которой и является содействие эффективному управлению предприятием, понятие ее реструктуризации расширяется. Оно дополняется вариантом, при котором предприятие сохраняет ту часть социальной сферы, которая оказывает влияние на эффективное управление и хозяйствование. Вследствие этого появляется вторая, «неэффективная» часть социальной сферы, от которой предприятие вправе высвободиться.

Вышеизложенное позволяет выделить два варианта реструктуризации социальной сферы: реструктуризация путем выделения социальной сферы в самостоятельный хозяйствующий субъект с сохранением профильных направлений деятельности и реструктуризация социальной сферы во внутренней среде предприятия с сохранением наиболее эффективных направлений ее деятельности.

В первом и втором случаях реструктуризация будет связана с созданием новой, более совершенной, следовательно, эффективной хозяйственной системы. Подобная характеристика результата дает право говорить о наличии у него свойств инновационного характера. Инновационность реструктури-

зации социальной сферы проявляется в изменении институционального статуса данной сферы на основе преобразований. По мнению Т. А. Угариной, понятие реструктуризации можно рассматривать только через призму изменения отношений собственности как «экономическую категорию по изменению социальной принадлежности функций собственности на конкретный имущественный комплекс посредством различных форм отчуждения и доверительного управления» [4]. Данное утверждение уместно при проведении реструктуризации социальной сферы по первому, предложенному нами, варианту. Однако, по мнению А. Н. Раппопорта, реструктуризация возможна и в рамках одной формы собственности. Здесь она выступает как инструмент повышения эффективности [5, с. 23]. Тем самым подкрепляется второй вариант реструктуризации социальной сферы во внутренней среде предприятия, когда основной целью процесса реструктуризации становится создание такой социальной сферы, которая позволит эффективно управлять персоналом.

Ключевым моментом определения понятия «реструктуризация социальной сферы» является формулирование ее цели. Целеуказание определяет направление и масштабы реструктуризации социальной сферы, позволяет установить конкретные мероприятия и необходимые для ее осуществления ресурсы. Начало процесса реструктуризации является попыткой выхода из сложной экономической обстановки, в чем единодушны западные экономисты [6, с. 31]. На наш взгляд, такое определение цели уместно для обобщенного понятия реструктуризации, однако не отражает всей сложности данного процесса в отношении реструктуризации социальной сферы. Сама специфика реструктуризации социальной сферы имеет как общие для двух предложенных вариантов черты, так и различные. Общими являются повышение конкурентоспособности производства за счет сокращения расходов на социальную сферу, повышение инвестиционной привлекательности предприятия. При втором варианте предприятие преследует цель улучшения системы управления, повышения привлекательности предприятия для высококвалифицированных и высокоценных специалистов. Так как и повышение конкурентоспособности, и улучшение системы управления, и повышение инвестиционной привлекательности предприятия есть способы повышения эффективности деятельности организации, то именно как повышение эффективности, на наш взгляд, и может быть сформулирована основная цель реструктуризации социальной сферы.

С учетом изложенного в нашем исследовании под реструктуризацией социальной сферы понимается комплексное стратегическое преобразование инновационного характера, нацеленное на повышение эффективности функционирования предприятия за счет выделения и сохранения наиболее перспективных направлений социальной сферы во внутренней среде предприятия либо за счет формирования на базе социального комплекса предприятия самостоятельного хозяйствующего субъекта с передачей ему всех хозяйственных прав и рисков.

Таким образом, учитывая многоаспектность реструктуризации социальной сферы, можно утверж-

дать, что ее результат зависит от того, какую форму принимает процесс преобразований. В связи с этим возникает необходимость систематизации критериев реструктуризации и определение ее видовых особенностей. Существующие на практике и описанные в литературе виды реструктуризации разнообразны с точки зрения решаемых задач, масштаба, содержания мероприятий и т. д. В данной работе приводятся наиболее часто используемые в научной литературе критерии классификации, представляющие интерес для исследования в качестве вариантов построения модели преобразования социальной сферы предприятия и повышения эффективности ее функционирования.

Сущностная составляющая процесса реструктуризации социальной сферы проявляется в реформировании организационной структуры объектов социальной сферы, изменении целей и задач их деятельности, формировании нового подхода к способу предоставления социальных благ персоналу предприятия.

Большинство ученых, исследующих процесс реструктуризации предприятий, отмечают, что «реструктуризация не является частью их текущей финансовой деятельности, а проводится, как правило, в исключительных случаях» [2, с. 26]. Различается реструктуризация нормально работающего в условиях рынка предприятия и предприятия финансово несостоятельного. Такой подход справедлив и в отношении реструктуризации социальной сферы. Кроме того, существует принципиальная разница между реструктуризацией социальной сферы устойчивых и кризисных организаций, она заключается в решаемых задачах.

Реструктуризация социальной сферы нормально работающего предприятия, иногда называемая упреждающей [7, с. 489] или антикризисной [8, с. 9], определяется ее стратегическим выбором. Благополучные хозяйствующие субъекты, осуществляя реструктуризацию социальной сферы, решают задачу создания уникальных конкурентных преимуществ посредством привлечения высококвалифицированных специалистов, приближения собственных социальных программ к лучшим образцам корпоративной социальной ответственности. Такая реструктуризация является для предприятия планируемой желательной мерой и направлена на сохранение собственности предприятия в виде объектов социального назначения при кардинальном изменении подходов к их использованию.

Для кризисных предприятий проведение реструктуризации социальной сферы обуславливается необходимостью восстановления платежеспособности, поиском источников эффективного развития. Сложность решения данной задачи связана с тем, что реструктуризацию социальной сферы приходится производить в условиях жесточайших временных рамок и существующих финансовых ограничений. В таких условиях единственным вариантом является отказ конкретного предприятия от собственной социальной сферы и ее реструктуризация может заключаться в изменении собственника (государственного или частного), который создаст на базе данной социальной сферы хозяйствующий субъект, оказывающий социальные услуги на коммерческой

основе. Не исключена возможность приобретения социальных услуг вновь созданной организацией предприятием, отказавшимся от собственной социальной сферы, но уже на договорных основах.

По видам реструктуризационных мероприятий, как показал анализ литературных источников, наиболее часто применяемых в зарубежной и отечественной практике, формами реструктуризации социальной сферы являются:

- организационная реструктуризация социальной сферы, предполагающая уточнение прав собственности на имущественный комплекс, выделение в рамках предприятий социальных структур и социальных проектов, изменение организационной структуры управления социальной сферой;
- финансовая реструктуризация социальной сферы, включающая создание на предприятии финансовой структуры управления социальной сферой (система управления денежными потоками, балансом активов и пассивов, бюджетирование расходов и доходов) [9, с. 35].

В рамках данного подхода, базирующегося, по мнению А. И. Ильина и В. П. Волкова, на классификации инноваций [7, с. 490], можно выделить другие виды реструктуризации социальной сферы — техническую, экономическую, правовую, маркетинговую. Однако, на наш взгляд, данные виды реструктуризации являются частными проявлениями вышеприведенных и на практике тесно переплетаются между собой, поэтому рассмотрение их в качестве самостоятельных групп нецелесообразно.

Обобщая вышеизложенное, можно утверждать, что при всем многообразии задач, решаемых с помощью различных видов реструктуризации социальной сферы, все они направлены на достижение главной цели — повышение эффективности работы социальной сферы в долгосрочном периоде. Классификацию видов реструктуризации социальной сферы по вышеприведенным критериям с учетом целевых установок, подтверждающих данное утверждение, представим в виде схемы (рис. 1). Данные рисунка свидетельствуют, что разграничение форм структурных преобразований является условным. Виды преобразований в ходе процесса реструктуризации могут комбинироваться, трансформироваться и варьироваться (во времени) в зависимости от конкретных проблем объекта социальной сферы и условий реализации.

Любой вид структурных преобразований предполагает осуществление большого количества мероприятий, объединенных, как отмечалось, единой целью и направленностью реструктуризационных действий, называемых направлением реструктуризации социальной сферы.

В экономической литературе, посвященной вопросам реструктуризации, исследуется несколько наиболее типичных направлений реструктуризации, получивших практическую реализацию в результате реформирования отечественных и зарубежных предприятий [2; 7; 9–11]. В отношении реструктуризации социальной сферы можно выделить: реструктуризацию управления социальной сферой; технологическую реструктуризацию социальной сферы; организационно-правовую реструктуризацию социальной сферы; имущественную реструктуризацию социальной сферы.

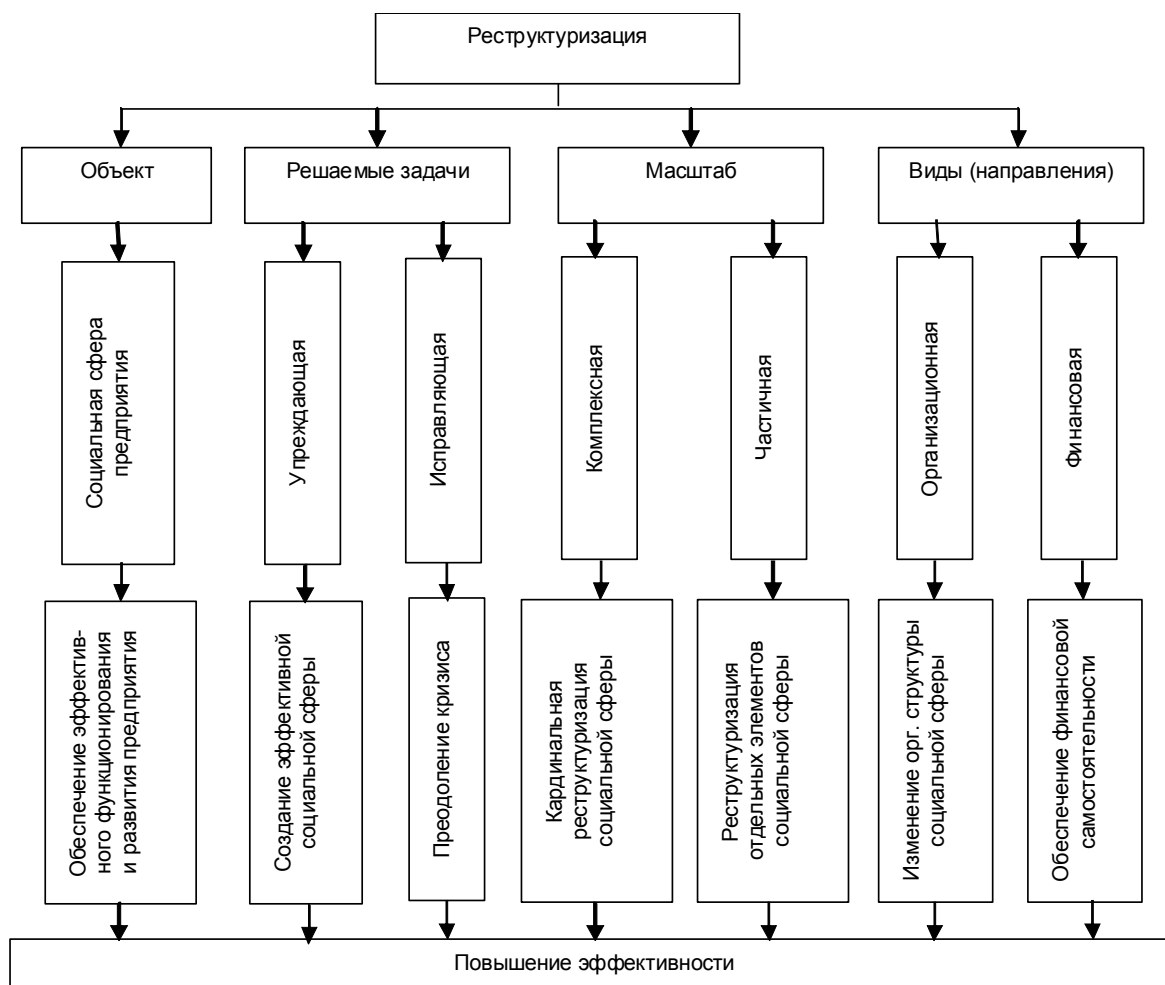

Рис. 1. Виды и цели реструктуризации

Каждое из вышеперечисленных направлений структурных преобразований включает большое число реструктуризационных мероприятий, приводящих к изменениям социальной сферы. Все осуществляемые изменения требуют точной координации, обоснованности действий, тесной увязки между собой. Только в таком виде, объединенные общим процессом, они обеспечат достижение потенциального эффекта — повышение эффективности функционирования социальной сферы в долгосрочном периоде.

*Совокупность действий по приведению социальной сферы в соответствие с выбранной долгосрочной стратегией ее развития, объединенных единой целью, осуществляемых в определенной последовательности, на единой методологической основе, в данном исследовании будем называть **процессом реструктуризации социальной сферы**.*

Процесс реструктуризации социальной сферы конкретного предприятия носит индивидуальный характер, требующий учета его текущей финансово-экономической ситуации, отраслевых особенностей, сложившихся традиций и других факторов. Он осуществляется в соответствии с установленной процедурой, то есть официально принятом порядком действий, в основе которой лежат организационно-структурные и институциональные преобразования.

Анализ экономической литературы, посвященной проблемам реструктуризации, выявил, что в отношении стадий и этапов ее проведения единая точка зрения отсутствует. В настоящее время большинством специалистов в области управленческого консалтинга [9; 12–13] предлагается базовая версия процесса реструктуризации, которая предусматривает достаточно жесткую последовательность выполнения этапов подготовки и проведения реструктуризации. Однако, на наш взгляд, базовая версия представляет собой лишь упорядоченную последовательность действий и не отражает всей многовариантности направлений процесса преобразований с учетом индивидуальных характеристик социальной сферы. Поэтому, обобщая результаты исследований отечественных и зарубежных авторов, и с учетом выбранных нами основных направлений реструктуризации социальной сферы, технологию подготовки и проведения реструктуризации, на наш взгляд, можно представлять в виде условной последовательности (рис. 2).

В качестве отправной точки процесса реструктуризации социальной сферы нами рассматривается финансово-экономическое состояние предприятия. Поэтому всесторонняя оценка и анализ текущей деятельности предприятия являются первым этапом

предлагаемого процесса. В результате анализа выявляются ключевые проблемы социальной сферы, резервы и конкурентные преимущества, оцениваются условия реструктуризации. Исследование проводится по двум направлениям: анализ ситуации с самой социальной сферой предприятия и анализ

возможности приобретения социальных услуг во внешней среде. В основе оценки состояния социальной сферы лежит экономический анализ, основанный на данных бухгалтерского, управленческого и статистического учета, позволяющих установить уровень основных показателей и их изменение во времени.

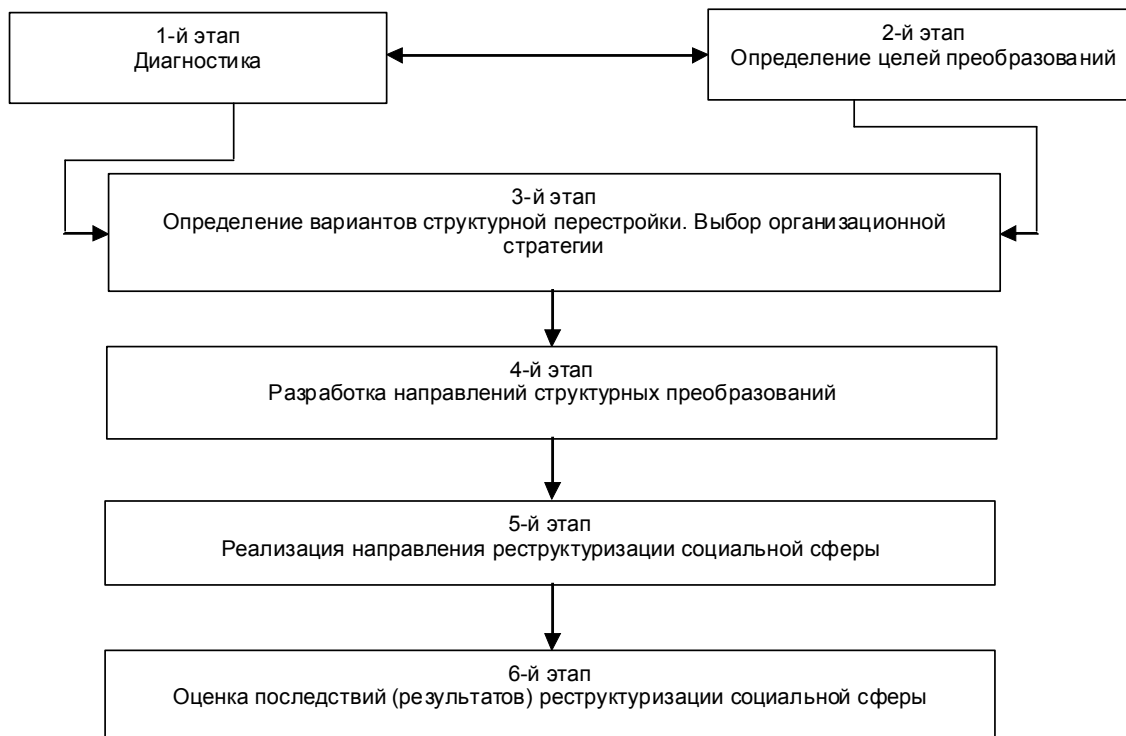

Рис. 2. Этапы процесса реструктуризации социальной сферы

На основе анализа ситуации и оценки выявленных возможностей определяются цели и концепции преобразования. Установление целей преобразования — ключевой момент процесса реструктуризации социальной сферы. Целеполагание переводит стратегическое видение развития такого объекта, как социальная сфера в конкретные задачи, связанные с результатами ее деятельности. Конкретное содержание дальнейших этапов процесса реструктуризации социальной сферы определяется характером сформулированных целей реструктуризации в кратко- и долгосрочном периодах. На решение наиболее острых экономических и финансовых проблем в краткосрочном периоде направлена частичная реструктуризация социальной сферы. В ходе ее осуществления решается задача улучшения результатов деятельности. Более глубокие преобразования социальной сферы — цель комплексной реструктуризации. В качестве стратегических целей реструктуризации социальной сферы могут выступать снижение издержек на содержание при сохранении получаемого эффекта; повышение качества социальных услуг, оказываемых работнику; полное удовлетворение запросов трудового коллектива и т. п.

Следует отметить, что, помимо основной цели — обеспечение условий для существенного повышения экономической эффективности функционирования

социальной сферы, реструктуризация направлена на получение непосредственного экономического эффекта от проводимых мероприятий. Эта цель является вспомогательной по отношению к основной, однако требует обязательного мониторинга полученных в ходе преобразований результатов. Поэтому в качестве заключительного этапа процесса реструктуризации социальной сферы нами выделен этап оценки последствий (результатов) реструктуризации.

Определяющим в выборе конкретного направления реструктуризационных преобразований является реализуемая субъектом хозяйствования стратегия. В терминологии менеджмента стратегия — это генеральное направление действий предприятия, следование которому в перспективе должно привести к запланированным целям [14].

Процесс выбора стратегии происходит после уяснения текущей стратегии предприятия и проведения тщательного анализа. Вопрос выделения и представления стратегии организации в литературе проработан достаточно полно. Вклад в разработку основных стратегий развития бизнеса внесли Ф. Котлер, И. Ансофф, М. Портер, А. Петров и др.

На пятом этапе процесса преобразований осуществляется реализация выбранного направления реструктуризации социальной сферы. Формируется

команда специалистов, задействованных в работе, прорабатываются и последовательно реализуются все этапы программы реструктуризации. В ходе проведения реструктуризации социальной сферы уточняются целевые показатели, и если происходит их отклонение от запланированных значений, то предприятие осуществляет корректировку программы.

На последнем этапе осуществляется контроль за исполнением целевых показателей, анализируются полученные результаты и подготавливается итоговый отчет о проделанной работе.

Таким образом, реструктуризация социальной сферы хотя и является составляющей частью стратегии развития предприятия, она представляет собой лишь один из инструментов достижения его долгосрочных целей. Далее должны быть задействованы

механизмы использования имеющихся у субъекта хозяйствования преимуществ, привлечены финансовые ресурсы на основе повышения инвестиционной привлекательности, сформирована эффективная система управления.

Вышеизложенное позволяет заключить, что из всего многообразия видов и направлений реструктуризации социальной сферы конкретные формы и масштабы проводимых изменений для конкретного объекта реформирования выбираются ситуационно, то есть после анализа существующих проблем, могут трансформироваться и варьироваться по мере решения одних проблем и появления других. Важно при этом исследование опыта реформирования однотипных структур, осуществляющих подобные преобразования.

Список использованных источников

1. Реструктуризация // БЭС. — М. : Ин-т новой экономики, 1998. — С. 574.
2. Шаралдаева, И.А. Теоретические основы реструктуризации : учеб. пособие / И.А. Шаралдаева. — Улан-Уде: Изд-во ВСГТУ, 2005.
3. О разгосударствлении и приватизации государственной собственности в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 19 янв. 1993 г., № 2103-XII // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 1993. — 2/370.
4. Угарина, Т.А. Реструктуризация отношений собственности в практике институциональных преобразований Республики Беларусь / Т.А. Угарина // Белорусский экономический журнал. — 2006. — № 2. — С. 41–49.
5. Раппопорт, А.Н. Реструктуризация российской электроэнергетики: методология, практика, инвестирование / А.Н. Раппопорт. — М. : ЗАО «Изд-во «Экономика», 2005.
6. Мечетин, А.А. Теория и практика реформирования предприятий : монография / А.А. Мечетин, А.П. Латкин. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2010.
7. Экономика предприятия : учеб. пособие / В.П. Волков [и др.]; под общ. ред. А.И. Ильина. — М. : Новое знание, 2006.
8. Бельх, Л.П. Реструктуризация предприятия : учеб. пособие для ВУЗов / Л.П. Бельх, М.А. Федотова. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
9. Шопенко, В.Д. Организационно-экономический механизм реструктуризации предприятий : монография / В.Д. Шопенко. — СПб. : Технолог. ин-т сервиса, 1998.
10. Тутунджян, А.К. Реструктуризация предприятия в условиях перехода к рыночной экономике: проблемы теории и практики / А.К. Тутунджян. — М. : ЗАО «Изд-во «Экономика», 2007.
11. Формирование и реструктуризация предприятий. Методика и опыт / В.А. Ириков [и др.]; под общ. ред. В.А. Ирикова, С.В. Леонтьева. — М. : Изд-во «Приор», 1998.
12. Алтапов, А.А. Управление реструктуризацией : монография / А.А. Алтапов. — М. : Высш. школа приватизации и предпринимательства, 2009.
13. Гританс, Я.М. Организационное проектирование и реструктуризация (реинжиниринг) предприятий и холдингов: экономические, управленческие и правовые аспекты / Я.М. Гританс. — 2-е изд. — М. : Волтерс Клувер, 2006.
14. Кох, Р. Менеджмент и финансы от А до Я / Р. Кох. — СПб. : Питер, — 1999.

11.07.11

ПРИНЦИП СВЕТСКОСТИ ГОСУДАРСТВА: ПОНЯТИЕ И ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ

На основе практики конституционного закрепления принципа светскости государства в зарубежных странах, положений государственно-правовой науки и философии обосновывается тезис об отнесении принципа светскости к основам государственного устройства и соответствии его тем конституционно-правовым принципам в сфере религии, которые отвечают сущностным признакам государства. Закрепление в конституции их совокупности и практическое следование им позволяет классифицировать государства как светские. Иные государства занимают в типологическом ряду государств положение между светскими и клерикальными. Ставится вопрос о необходимости их типологического определения в науке.

On the basis of practice of the constitutional fastening of a principle of good breeding of the state in foreign countries, positions of a state-legal science and philosophy the thesis about reference of a principle of good breeding to bases of a state system and its conformity to those constitutionally-legal principles in the sphere of religion which answer intrinsic signs of the state is proved. Fastening of their set in the constitution and practical following it allows classifying the states as secular. Other states occupy in a typological number of the states position between secular and clerical. The attention to the question on necessity of their typological definition in a science is brought.

Разрушение в XX в. Российского государства сопровождалось забвением его исторических основ и правовых традиций, исходивших «из богоустановленности основных постулатов религии, морали и права и необходимости их взаимодействия» [1, с. 174]. Именно тогда, в новом государстве советской политической модели, возникшем на месте Российской империи, одной из основ государственного строительства был провозглашен принцип светскости, выразившийся конституционным положением об отделении церкви от государства и школы (образования) от церкви. Практическое его воплощение объяснялось гуманными целями духовного освобождения и раскрепощения человека. Но, «сломав христианскую этику и основанные на ней духовность и культурные ценности, свергнув Бога во имя Человека в душе человека, гуманизм породил чудовище» [2, с. 161]. Самоустранение современного Российского государства из сферы идеологии способствовало освобождению этого чудовища, что привело, в сочетании с крайностями индивидуализма, активно пропагандируемыми в настоящее время, к дезорганизации общественной жизни.

Оказавшись в состоянии духовной, нравственной, экономической дезорганизации, общественное сознание все активнее обращается к поиску идеальной отечественной модели регулирования общественных отношений, основанной на единстве морали, права и религии. Тема о месте и роли религии в обществе, ее взаимодействии с институтами общества, в том числе институтами государственной власти, приобретает все большую актуальность, ибо очевидно, как полагает профессор А. М. Осавелюк, «потеря связи с религией лишает мораль и право ориентиров и делает их регулирование бесполезным и лишенным здравого смысла» [1, с. 183]. Не случайно все большее внимание в правовой и политической науке уделяется исследованию понятий и принципов, предопределяющих порядок, формы, глубину отно-

шений властей церковных и государственной, в частности исследованию понятия «светское государство» и его правового содержания.

Понятие «светское государство» давно используется в правовой науке для обозначения одной из типологических моделей государств, классифицируемых по признаку принадлежности светской (мирской, гражданской) власти главе церкви. Типологическими антиподами светского государства, выделяемыми на основании названного сущностного признака, обычно рассматриваются государства клерикальные и теократические [3, с. 124]. Разнообразие предлагаемых классификаций государств, справедливо отмечаемое в работах, посвященных исследованию данной научной проблематики, свидетельствует не только о сложности предмета изучения [4], но обусловлено и выбором спорных классификационных признаков, например, имеющих не сущностный, а производный характер. В результате возникает неопределенность с содержанием понятия «светское государство», а само понятие перестает соответствовать своему функциональному назначению в науке.

Философия полагает, что типология как прием научного познания позволяет полнее изучить объекты, расчленив и группируя их по определяемым целями исследования признакам. Совокупность таких признаков помогает создать идеальную модель объекта, использование которой открывает возможность лучше понять отдельные качества реально существующего объекта. Совокупность выделенных таким образом и обобщенных в идеальных моделях признаков позволяет на следующем этапе исследования составить относительно полное представление о реальном объекте. Признаки реального объекта, сгруппированные в идеальную модель, обозначаются соответствующим им понятием [5]. Чем точнее понятие отражает объективную реальность, тем ценнее оно для науки. Из признаков, составляющих

содержание понятия, в процессе познания выводят другие, более общие признаки. Тем самым происходит развитие знания об объекте, выражающееся главным образом в углублении понятий [6]. На определенном уровне глубины познания понятие перестает соответствовать познанному. Возникает необходимость в поиске нового понятия. В силу бесконечности процесса познания любое понятие всегда соответствует лишь идеальной модели и никогда не совпадает с определяемой им познаваемой реальностью.

Понятие, имплементированное из сферы научных знаний в реальную действительность, не может, таким образом, полностью соответствовать обозначаемому им объекту. Если такое понятие закрепляется законодательно в виде правового принципа, возникает противоречие: объективно несовершенный закон ограничивает регулируемый им объект управления (общественные отношения). Чем менее понятие, закрепленное законодательно в виде принципа, соответствует реальности, тем острее противоречия между идеальным (законом) и реальностью (регулируемыми законом общественными отношениями). В подобных случаях практическое значение приближения понятия, отражающего идеальную модель объективной реальности, к сущности обозначаемого им объекта многократно возрастает, поскольку понятие, принявшее форму закона, начинает оказывать влияние на объект им обозначаемый, то есть на реальные отношения в обществе. В таком новом качестве понятие возвращается в сферу научного познания, превращаясь из предмета исследования в его объект, формирующий в определенной мере научные суждения, выводы и заключения. Приведенные суждения полностью применимы и к понятию «светское государство».

В литературе по государственному праву, политологии высказывается мнение о светскости как об основополагающем, приоритетном принципе современного правового государства, демократичности которого проявляется, в частности, в провозглашении свободы вероисповедания¹ [7–8; 9, с. 44]. В политическом аспекте понятие светскости явилось той формулой, в которой получили обоснование и легализацию результаты борьбы с притязаниями духовенства на сферу государственного управления. Вытеснение духовенства из политики, ставшее реальностью современной внутренней политической жизни многих государств, получило закрепление в ряде стран в виде конституционного принципа, провозгласившего светскую модель государства, что создало предпосылки для интерпретации принципа светскости как одного из приоритетных принципов государственного устройства.

Положение о свободе религиозных убеждений впервые получило юридическое закрепление в ст. 10 французской Декларации прав человека и гражданина, в которой предусматривался запрет притеснения за религиозные взгляды [10, с. 56]. В настоящее

¹ Некоторые авторы не в полной мере разделяют представленную точку зрения. А. В. Останин полагает светское государство и демократию понятиями пересекаемыми, а не взаимосвязанными [7].

время непосредственно светский характер государства закреплен в ст. 1 Конституции 1957 г. Французской Республики; ст. 14 Конституции 1993 г. Российской Федерации; в Преамбуле Конституции 1949 г. Индии; в ст. 2 Конституции Турецкой Республики; в ст. 35 Конституции 1996 г. Украины. Но таких государств относительно немного.

Чаще конституционно провозглашаются отдельные нормы-принципы, определяющие отношения государства и верующих. Так, ст. 16 Конституции Испании гарантирована свобода вероисповедания и установлено, что никакое вероисповедание не может быть государственным [11]. Статьей 4 Конституции ФРГ 1949 г. установлены нерушимость свободы вероисповедания, совести, провозглашения религиозных взглядов, беспрепятственное отправление религиозных обрядов [10, с. 69]. Статьей 15 Конституции Швейцарской Конфедерации 1999 г. гражданам гарантируется свобода совести и вероисповедания, право свободно выбирать себе религию и следовать ей индивидуально или сообща, вступать в какие-либо религиозные объединения, принадлежать к ним и следовать какому-либо религиозному учению [10, с. 229]. Конституция Японии 1947 г. (ст. 17) ограничивается лаконичным запретом нарушения свободы мысли и совести [10, с. 389]. Нерушимость свободы совести и вероисповедания, гарантированность свободы осуществления религиозных культов закреплены в ст. 5 (V) Конституции 1988 г. Федеративной Республики Бразилия [10, с. 69].

Белорусская Конституция 1994 г. предоставляет каждому право самостоятельно определять свое отношение к религии, исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом (ст. 31). Кроме того, в ст. 16 конституционно закрепляется равенство в Беларуси религий и вероисповеданий перед законом [12].

Конституционное установление норм-принципов, определяющих общие начала отношений между верующими и государством, обычно понимается как достаточное свидетельство светскости государств, хотя их конституции не всегда провозглашают принцип светскости непосредственно. В литературе отмеченные существенные конституционные отличия в характеристиках государств не принимаются во внимание в качестве признаков их разделения на светские и иные. Например, в Энциклопедии юриста светскими выступают государства, «в которых не существует официальной, государственной религии и ни одно из вероучений не признается обязательным или предпочтительным» [13]. Близкое по смыслу толкование понятия «светское государство» предлагается и в иных юридических справочных изданиях [14]. Такой подход позволяет признать любое государство светским, если только его конституцией не предусмотрено иное. Обоснованность подобного отождествления в отношении любого и каждого государства вызывает сомнение по нескольким причинам.

Во-первых, в науке конституционного права понятием «светское государство» определяется один

из сущностных, основополагающих принципов конституционного строя. Светскость в ее государственно-правовом проявлении относится к регулируемым конституционным правом основам конституционного строя и является одним из объектов конституционного регулирования. Несмотря на широту подхода в отечественной науке к пониманию объекта конституционного регулирования, светскость признается самостоятельным объектом конституционно-правового регулирования практически всеми авторами. Основы конституционного строя органически связаны с иными объектами конституционного регулирования, в частности, с основами правового статуса человека. Именно поэтому в посвященных правам человека главах и разделах конституций присутствуют конституционные нормы, тематически связанные с характеристикой государства как светского и потому теоретически относимые к сущностным (содержательным) признакам понятия «светское государство». В действительности эти нормы-принципы не могут быть отнесены к основным конституционным характеристикам государства, так как имеют собственный объект регулирования: отношения государства с верующими гражданами и иностранцами, проживающими на территории государства, в области вероисповедания.

К основным конституционным характеристикам государства как светского можно отнести только принцип, запрещающий установление какой-либо религии в качестве государственной или обязательной, и принцип отделения религиозных объединений (церкви) от государства. Иные принципы — свобода исповедовать религию, свобода выбора религии, свобода вступать в религиозные объединения и принадлежность к ним — относятся не к характеристике государства, а к порядку отношений между верующими и государством.

Перечисленные принципы вряд ли можно бесспорно рассматривать как доказательство светскости государства не только относительно иного объекта их регулирования, но и потому, что аналогичные принципы закреплены в конституциях государств, устанавливающих ту или иную религию в качестве государственной, то есть признаваемых клерикальными или несветскими. Например, в ст. 2 Конституции Норвегии 1814 г. записано: «Все жители Королевства имеют право на свободу вероисповедания» [15], а пунктом 6) параграфа 1 Конституции 1974 г. Швеции установлено, что «каждому гражданину в его отношениях с обществом должны быть обеспечены... свобода религии: свобода индивидуально или вместе с другими исповедовать свою религию» [16]. Не случайно принципы отношений верующих с государством сосредоточены, как правило, в главах конституций о правах и свободах человека и гражданина, устанавливающих взаимные **права и обязанности** гражданина и государства, а государствообразующие принципы, то есть **характеризующие сущность государства**, — в главах об основах государственного устройства, либо в преамбулах основных законов, как это сделано в действующей Конституции Французской Республики.

В таком случае лишь непосредственное провозглашение в конституции светского характера государ-

ства или образующих его содержание принципов отделения церкви от государства и недопустимости установления общеобязательной религии позволяет предположить закрепление светского характера данного государства в его конституции.

Во-вторых, в основе решения вопроса закрепления светского характера государства в конституции лежит утверждение о том, что понятие «светское государство», как и любое понятие, обозначает определенное явление (объект), имеющее некоторые обязательные количественные характеристики, совокупность и взаимодействие которых образует качество, в данном случае — качество светскости. Качественная определенность обеспечивает устойчивость явления (объекта) и позволяет разграничивать их среди иных явлений (объектов) действительности. Лишь накопление достаточной совокупности количественных признаков и установление необходимого взаимодействия между ними, обозначаемое в философии понятием «мера», является достаточным условием перехода к новому качеству, то есть возникновению явления (объекта) как такового. Несоблюдение меры признаков, проявляющееся в ее превышении, приводит к превращению явления (объекта) в нечто иное. Несоблюдение же меры, проявляющееся в недостаточности признаков, исключает образование соответствующего ей нового явления (объекта).

Анализ содержания соответствующих норм конституций зарубежных стран позволяет выделить и сформулировать ряд существенных признаков (в конституциях они по-разному сформулированы в виде принципов), рассматриваемых как признаки, совокупность и связь которых соответствует мере, образующей качество светскости государства. Обобщив мнения, высказанные в научной литературе о признаках светского государства, А. В. Останин называет такими три признака:

- отделение от государства религиозных объединений и объединений, деятельность которых направлена на распространение идеологии;
- правовое равенство религиозных объединений;
- недопустимость установления общеобязательной религии или идеологии [7].

В полной мере совокупность перечисленных существенных признаков представлена в конституциях Украины и России. В ст. 35 Конституции 1996 г. Украины закреплено право на свободу вероисповедания, выражающуюся в свободе исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, беспрепятственном отправлении единолично или коллегиально культовых и ритуальных обрядов, проведении религиозной деятельности; декларируется, что «церковь и религиозные организации в Украине отделены от государства, а школа — от церкви» и «никакая религия не может быть признана государством как обязательная» [17]. В ст. 14 Конституции Российской Федерации дается понимание светского государства как государства, в котором «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», а «религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом». Названные положения дополняются провозглашенны-

ми в ст. 28 Конституции России гарантиями свободы совести и вероисповедания, включающими право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними [18].

Однако конституции большинства государств не содержат положений, полностью воспроизводящих совокупность перечисленных существенных признаков светскости, что позволяет оспаривать их светский характер.

Предлагаемые рассуждения не могут претендовать на безусловную правильность и завершенность, но позволяют поставить под сомнение обоснованность признания государств светскими на том лишь основании, что их конституции содержат те или иные нормы-принципы, касающиеся отношений государства и прав верующих граждан на свободу вероисповедания.

Сомневаясь в правильности признания ряда государств светскими, полагаем, что их невозможно отнести и к традиционным типологическим видам: клерикальным, «в рамках которых религия, церковь не слиты с государством, но при этом оказывают определяющее воздействие на все стороны общественной и государственной жизни...», или теократическим, в которых высшая церковная и светская власть принадлежат главе церкви [19]. В типологическом ряду, образуемом светскими, клерикальными и теократическими типами государств, они должны занимать собственное место.

Парадокс заключается в том, что такие государства давно существуют и хорошо известны, но удовлетворительное типологическое определение, соответствующее их сущности, в науке не найдено. В этом, на наш взгляд, заключается одна из причин попыток обобщить их в одном понятии «светское государство». Это приводит к необходимости поиска «внутренней» классификации образующих ее элементов, так как понятие «светское государство» во многом утрачивает свое функциональное значение, поскольку отличия между образующими его содержание элементами оказываются слишком велики.

При решении обозначенной научной задачи важно предусмотреть выделение в рамках светской модели следующие типы государств: *классический*,

характеризующийся широким сотрудничеством государства и религиозных объединений; *индифферентный*, признаком которого является активное дистанцирование государства от всех религиозных объединений; *преференциальный*, проявляющийся в особом отношении государства к одной или нескольким религиям [7]. Классификация проводится, таким образом, по признаку отношений (связи) государства и религиозных организаций.

Однако глубина и формы отношений государства с религиозными организациями зависят не столько от субъективных факторов (желании органов государственной власти в лице государственных служащих), сколько от объективных: исторических традиций, распространенности религии в обществе, ее востребованности, обуславливающих способность церковной власти оказывать влияние на государство. Избранный для классификации светских государств признак является вторичным. Первичным по отношению к нему признаком, отражающим сущность понятия «светское государство», является степень принадлежности светской власти главе церкви, степень влияния церкви на формирование и реализацию государственной политики. Это позволяет выделить: 1. государства абсолютного влияния церкви (теократические); 2. государства существенного влияния церкви (клерикальные); 3. государства несущественного влияния церкви, не имеющие типологического понятия в науке; 4. государства, в которых церковь не имеет влияния на государственную политику (светские в буквальном значении этого понятия)².

Выводы

1. Светскость как конституционно-правовой принцип государственного устройства не должна пониматься расширительно. О светском характере государства может свидетельствовать совокупность конституционных норм-принципов, образующих качество светскости государства, то есть характеризующих ее сущность. Отсутствие в конституции государства всей совокупности этих принципов позволяет поставить под сомнение бесспорность утверждения о светском характере такого государства.

2. Для признания государства светским недостаточно закрепления его светского характера в конституции. Необходимо установить отсутствие фактического влияния церкви на формирование и реализацию государственной политики.

Список использованных источников

1. *Осавелюк, А.М.* Регулирование правового статуса человека современным конституционным правом / А.М. Осавелюк // Актуальные проблемы современного российского государственного управления : сб. науч. тр. Вып. 2 / под общ. ред. С.Н. Бабурина. — М.: Изд-во РГТЭУ, 2009.
2. *Бабурин, С.Н.* Проблемы суверенитета и реинтеграции в механизме восстановления единого Союзного государства — Российского Союза / С.Н. Бабурин // Актуальные проблемы современного российского государственного управления : сб. науч. тр. Вып. 1 / под общ. ред. С.Н. Бабурина. — М.: Изд-во РГТЭУ, 2008.
3. *Дозарцев, П.Н.* Развитие светской государственности в России: история и современность / П.Н. Дозарцев. — СПб.: С.-Петербург. акад. МВД России, 1998.
4. *Понкин, И.В.* Светское государство: к вопросу определения правового содержания понятия / И.В. Понкин [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: <http://www.cddk.ru>goc i religia/analit/cekul/007.htm>. — Дата доступа: 09.10.2011.
5. Большая Советская Энциклопедия [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: <http://www.dic.academic.ru>dic.nsf/bse/122614>. — Дата доступа: 14.07.2011.
6. *Философский словарь* / под ред. И.Т. Фролова. — 5-е изд. — М.: Политиздат, 1987.

² Толкование понятия «светское», излагаемое в словарях В. И. Даля, С. А. Кузнецова, Д. Н. Ушакова и других авторитетных ученых, позволяет прийти к выводу

о том, что в своем действительном (сущностном) смысле слово «светский» означает нецерковное, гражданское, то есть противоположное внутрицерковному, в более широком смысле — внутриконфессиональному [4].

7. *Останин, А.В.* Светское государство и демократия / А.В. Останин [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: <http://www.lib.tsu.ru>mminfo/000063105/325/image>. — Дата доступа: 19.07.2011.
8. *Нисневич, Ю.А.* Светское государство: проблемы политико-правовой концептуализации / Ю.А. Нисневич [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: <http://www.fpp.hse.ru>. — Дата доступа: 19.07.2011.
9. Комментарий к Конституции Российской Федерации. — М.: БЕК, 1994.
10. Конституции зарубежных государств: учеб. пособие / сост. проф. И.В. Маклаков. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Изд-во БЕК, 2002.
11. Конституция Испании [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: <http://www.vivovoco.rst.ru>. — Дата доступа: 17.09.2011.
12. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 1999. — № 1.1/0.
13. Энциклопедия юриста [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: <http://www.eyu.sci-lib.com>article0001974.html>. — Дата доступа: 19.07.2011.
14. Словарь юридических терминов [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: <http://www.dic.academic.ru>. — Дата доступа: 17.07.2011.
15. Конституция Норвегии [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: <http://www.norge.ru>constitutisia>. — Дата доступа: 17.09.2011.
16. Конституция Швеции [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: http://www.sweden4rus.nu>Информация>...konstitucija_shvecii.asp. — Дата доступа: 16.09.2011.
17. Конституция Украины от 27 июня 1996 г. [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: www.ukraina.com>index.php. — Дата доступа: 17.09.2011.
18. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. — 1993. — 25 дек.
19. *Енгибарян, Р.В.* Конституционное право: учебник для вузов / Р.В. Енгибарян, Э.В. Тадевосян. — М.: Юристъ, 2000.

05.10.2011

УДК 341

И. И. Басецкий, В. И. Садыгов

ПРАВОВОЙ СТАТУС ИНОСТРАНЦЕВ И АПАТРИДОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Декларацией о согласовании миграционной политики стран СНГ (2007) предусмотрено совершенствование их договорно-правовой базы и в целом правовой основы миграционной политики. В статье осуществляется сравнительный правовой анализ соответствующих норм Конституций и действующего миграционного законодательства Беларуси и Азербайджана, регулирующего правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства. Систематизированы сходные и отличающиеся нормы. Показаны реальные предпосылки для преодоления расхождений в национальных законодательствах, повышения организационной составляющей сотрудничества.

The declaration on the coordination of a migratory policy of the CIS countries (2007) provides perfection of their contract-legal base and as a whole a legal basis of a migratory policy. In the article the comparative legal analysis of corresponding norms of Constitutions and the operating migratory legislation of Belarus and Azerbaijan regulating a legal status of foreign citizens and persons without citizenship is carried out. Similar and different norms are systematized. Real preconditions for overcoming of divergences in national legislations, increases of an organizational component of cooperation are shown.

Аналитический обзор литературы по теме свидетельствует об активном исследовании затронутой проблемы в постсоветский период. Внимание акцентировалось на конституционном и административном законодательствах, анализе международных нормативных правовых документов в контексте прав человека [1–2; 4, с. 14–19; 6, с. 3–17; 9; 10, с. 18–27; 13], национального законодательства [3, с. 17–28; 4, с. 14–19; 5, с. 169–172; 7; 8, с. 20–28]. Исследователи обсуждали на научно-практических конференциях вопросы компетенции органов внутренних дел по оказанию помощи иностранным гражданам в осуществлении их прав и законных интересов [11, с. 82–94], в рамках кандидатской диссертации рассматривался правовой статус беженцев и вынужденных переселенцев в России и Азербайджанской Республике [12]. Региональные кризисы и конфликты справедливо рассматривались как факторы миграции населения, включая вынужденные перемещения [22, с. 67–72;

23, с. 33–39]. Результаты исследования проблемы совершенствования миграционного законодательства в Республике Беларусь [2; 3, с. 17–28; 4, с. 14–19; 5, с. 169–172; 7] легли в основу при разработке законопроектов, направленных на создание правовой основы миграционной политики Республики Беларусь.

Н. В. Валюшко предложила разработать и систематизировать большое количество нормативных правовых актов, регулирующих основные права, свободы и обязанности иностранцев и лиц без гражданства, и на их основе принять Миграционный кодекс Республики Беларусь. Мы солидарны с автором в том, что реализация отдельных положений при разработке Миграционного кодекса «позволит решить ряд взаимосвязанных задач:

создать единый, целостный механизм правового регулирования на базе уже сложившегося законодательства о правовом статусе иностранцев и лиц без гражданства;

повысить эффективность управления миграционными потоками;

повысить до законодательного уровня регулирование части отношений в сфере обеспечения правового статуса иностранцев и лиц без гражданства;

способствовать осуществлению мер по разумной интеграции иностранцев и лиц без гражданства в Республике Беларусь;

усовершенствовать меры по своевременному выявлению, предупреждению и пресечению незаконной миграции» [5, с. 171–172].

Вопросы систематизации законодательства не являются самыми злободневными, поскольку после принятия Конституции Республики Беларусь в статьях 10–12, указах Президента и постановлениях Правительства, последовательно, детально и всеобъемлюще регулирующих проблемы, рассматриваемые в настоящей статье, стали правовой основой миграционной политики Республики Беларусь [15–16; 19, с. 171–172; 21].

Так, Закон «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» (2010) «направлен на определение правового статуса иностранцев, в том числе на установление порядка их въезда, пребывания и выезда из Республики Беларусь, а также на регулирование иных отношений, связанных с пребыванием этих лиц в стране. В развитие конституционных норм ст. 4 данного закона определяет основы правового положения иностранцев в Республике Беларусь. В ч. 1 статьи воспроизводится норма, закрепленная в ст. 11 Конституции Республики Беларусь, которая гласит, что иностранцы и лица без гражданства на территории Республики Беларусь пользуются правами и свободами и выполняют обязанности наравне с гражданами Республики Беларусь, если иное не определено Конституцией Республики Беларусь, настоящим Законом, иными законодательными актами и международными договорами Республики Беларусь.

Особенности правового положения иностранцев, ходатайствующих о предоставлении статуса беженца, или дополнительной защиты, или убежища в Республике Беларусь, а также иностранцев, которым предоставлены статус беженца, или дополнительная либо временная защита, или убежище в Республике Беларусь, регулируются специальными законодательными актами Республики Беларусь (ч. 2 ст. 4) [18]¹.

Законодательство Республики Беларусь о правовом положении иностранцев в Республике Беларусь основывается на Конституции Республики Беларусь и состоит из настоящего Закона и иных актов законодательства Республики Беларусь, в том числе международных договоров Республики Беларусь.

¹ Согласно ч. 3 ст. 4 «в случае, если другое государство ограничивает или нарушает общепризнанные нормы правового положения иностранных граждан в отношении граждан Республики Беларусь, в Республике Беларусь могут быть установлены ответные ограничения в отношении прав и свобод граждан (подданных) этого государства. Такие ограничения в случае их установления не распространяются на иностранцев, указанных в части второй настоящей статьи».

Если международным договором Республики Беларусь установлены иные правила чем те, которые содержатся в настоящем Законе, то применяются правила международного договора (ч. 1 и 2 ст. 3 настоящего Закона).

По номеру, наименованию и содержанию анализируемая статья совпадает со статьей Конституции Азербайджанской Республики «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства», однако азербайджанские законодатели справедливо дополнили статью весьма важной частью: «Использование иностранными гражданами и лицами без гражданства свобод не должно наносить ущерб интересам Азербайджанской республики». Кроме того, в азербайджанском законе от его названия и до последней статьи рассматриваются две категории лиц — иностранные граждане и лица без гражданства. В белорусском законе в названии, преамбуле и в ст. 1 «Основные термины, используемые в настоящем Законе, и их определения» законодатель использует обобщающий (родовой) термин «иностранцы», включающий обе категории: «иностранец» и «лицо без гражданства». В ключевой главе 2 о правах, свободах, обязанностях и ответственности в Республике Беларусь также называются только иностранцы. В то же время глава содержит: личные права и свободы; участие в политических партиях и иных общественных объединениях; социально-экономические права; осуществление трудовой, предпринимательской и иной деятельности в Республике Беларусь; имущественные и личные неимущественные права; право на охрану здоровья; право на образование. Отдельными статьями предусмотрены: защита прав и свобод; ограничение прав и свобод; ограничение на занятие определенных должностей, исполнение воинской обязанности; обязанность регистрации; обязанность возмещения расходов на содержание детей; обязанность выезда из Республики Беларусь.

Кроме того, Республика Беларусь может (ст. 12 Конституции) «предоставлять право убежища лицам, преследуемым в других государствах за политические, религиозные убеждения или национальную принадлежность». Статьи аналогичного содержания (69 и 70) имеют место и в Конституции Азербайджанской Республики, а в ст. 55 этой Конституции закреплено право на участие в управлении государством [11].

В развитие Конституционных основ был принят Указ Президента Республики Беларусь от 05.04.2006 г. № 204, которым утверждено Положение о предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства убежища в Республике Беларусь, его утрате и лишении и иных вопросах пребывания в республике иностранных граждан и лиц без гражданства².

23 июня 2008 г. под № 354-З был принят Закон Республики Беларусь «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Рес-

² В это Положение внесены изменения и дополнения Указами Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко от 28.01.2008 г. № 53, от 23.01.2009 г. № 52, от 18.06.2009 г. № 323, от 13.08.2010 г. № 422.

публике Беларусь»³. 13 марта 1996 г. принят Закон Азербайджанской Республики «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства»⁴.

Анализ основных норм этих законов двух государств позволил сделать вывод, что это одинаково хорошо продуманные, всесторонне взвешенные, достаточно подробные и полные нормативные правовые положения, в совокупности составляющие современные законодательные акты международного уровня. Некоторые частные расхождения и несоответствия не умаляют достоинств законов, а лишь подчеркивают необходимость более тесного сотрудничества при подготовке законопроектов ученых, специалистов-практиков, органов и должностных лиц, имеющих право законодательной инициативы, а также депутатов парламентов и их помощников.

Разрабатывая нормативные правовые документы, регулирующие сходные общественные отношения, можно договориться о применяемых в будущих законах терминах и их понятиях, чтобы законодательство осуществлялось на единой терминологической основе. В анализируемых законах, например, белорусские законодатели уже в ст. 1 привели основные термины, используемые в законе, и их определения (15 терминов, используемых по всему тексту). Азербайджанские законодатели термины в специальную статью не выделяли, а включили 5 из них в ст. 2 закона с названием «Общие положения». В результате многие термины, использованные в тексте закона, в названной статье не упоминались и их определение не давалось. В частности, уже по тексту основных содержательных статей закона пришлось в какой-то мере восполнить пробел, потому что в ст. 2 были указаны только термины: «иностранцы граждане», «лица без гражданства», «иммиграция», «иммигрант», «эмигранты». Далее по тексту появились термины: «временное проживание», «постоянное проживание», «временное пребывание иностранных граждан», «временное пребывание лиц без гражданства», «соответствующий орган исполнительной власти», «выдворение... за пределы Азербайджанской Республики» и др.

Азербайджанские законодатели более полно отразили в главе II права, свободы и обязанности иностранных граждан и лиц без гражданства, обоснованно включив: право неприкосновенности (ст. 9); право на инвестирование и предпринимательскую деятельность (ст. 12); право на брачные и семейные отношения (ст. 13); право на отдых (ст. 14); право на социальное обеспечение (ст. 16); право на жилище (ст. 17); право на участие в общественных объединениях (ст. 20). Вполне обоснованно они включили в специальную третью главу статьи об ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства, а в заключительных положениях — ст. 29 «Действие Закона в отношении лиц, имеющих дипломатический иммунитет и привилегии».

³ В редакции Законов Республики Беларусь от 29.12.2009 г. № 72-3, от 04.01.2010 г. № 105-3, от 04.01.2010 г. № 109-3, от 30.12.2010 г. № 225-3, от 03.07.2011 г. № 278-3.

⁴ Опубликован в Сборнике законодательных актов Азербайджанской Республики 31 июля 1997 г., № 1, ст. 19. С поправками от 05.10.2001 г. № 183-ИГД; 12.10.2001 г. № 203-ИГД; 12.10.2001 г. № 207-ИГД; 26.04.2002 г. № 313-ИГД; 04.06.2002 г. № 3339-ИГД; 12.01.2004 г. № 569-ИГД; 30.12.2005 г. № 51-ИГД.

После распада СССР в Российской Федерации был принят Закон «О беженцах» от 19.02.1993 г. № 4528. Такой же Закон был принят в Республике Беларусь 22.02.1995 г. № 3605.

Но в Азербайджанской Республике Закон «О присоединении Азербайджанской Республики к Конвенции и протоколу ООН относительно статуса беженца» был принят 08.12.1992 г. № 402. Затем последовали Законы: «О статусе беженцев и вынужденных переселенцев (17.04.1998 г. № 481-ИГД); «О гражданстве Азербайджанской Республики (30.09.1998 г. № 527-ИГ); «Об иммиграции» (15.03.1999 г. № 592-ИГ); «О трудовой миграции» (28.10.1999 г. № 724-ИГ). Значимый вклад в укрепление правовой основы миграционной политики суверенной страны внесли Указы Президента Азербайджанской Республики: «О применении Закона Азербайджанской Республики «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства» (25.06.1996 г. № 467); «О применении Закона Азербайджанской Республики «О статусе беженцев и вынужденных переселенцев (лиц, переселенных в пределах страны)» (08.07.1999 г. № 148); «О социальной защите вынужденных переселенцев и приравненных к ним лиц» (15.07.2000 г. № 373); «Об утверждении порядка рассмотрения ходатайства о предоставлении статуса беженца» (13.11.2000 г. № 419) [9, с. 117–134].

Особенности становления и развития законодательства Российской Федерации и Азербайджанской Республики о правовом статусе беженцев и вынужденных переселенцев исследовал в рамках кандидатской диссертации Т. Р. Мехтиев [12]. Ученые-правоведы А. П. Алехин, Р. К. Аркелов, М. В. Баглай, Ю. А. Дмитриев, В. Казанцев, А. В. Квакин, Е. И. Козлова, К. А. Корсик, О. Е. Кутафин, В. В. Лазарев, Е. А. Лукашов, С. Максудов, С. П. Мельгунов, Л. А. Васильева, В. Дрожжин, Е. Ф. Колонтаевский, И. Ушкалов, И. В. Фисенко обосновали теоретическую базу проблемы [1; 7; 10; 22–23]. Т. Р. Мехтиев результаты исследования отразил в следующих выводах:

- Проблемы массового перемещения населения в постсоветском пространстве, особенно вынужденного, приобрели к началу XXI в. чрезвычайно большое значение, приняли особо острые формы еще за несколько лет до распада СССР в связи с обострением межнациональных отношений в ряде союзных республик.
- В связи с распадом Советского Союза и возникновением очагов этнополитических региональных конфликтов, политической нестабильности и ущемлением прав человека в новых независимых государствах резко возросло количество вынужденных миграций, в связи с чем выявилась фактическая неготовность многих стран к эффективному регулированию процессов миграции населения.
- Правовой статус беженцев и вынужденных переселенцев — тема, ставшая остро актуальной как в Российской Федерации, так и в Азербайджанской Республике [12, с. 1–3].

В Республике Беларусь проблемы совершенствования миграционного законодательства исследовала Н. В. Валюшко [5, с. 169–172]. Аналитический от-

дел Департамента по гражданству и миграции МВД Беларуси подготовил глубокий обзор «Миграционная политика Республики Беларусь», в котором отмечено, что:

- миграция населения является естественным и закономерным процессом, позволяющим сбалансировать экономическую, социальную, политическую и духовную сферы мирового сообщества;
- по данным международной организации по миграции общее количество мигрантов в мире составляет около 175 млн чел., то есть почти 3 % населения планеты проживают в странах, не являющихся их родиной;
- с точки зрения развития человечества миграция является положительным явлением, так как с ее помощью происходит преодоление различий в уровне жизни, удовлетворяются потребности мировой экономики, осуществляется социокультурный обмен, духовное взаимообогащение;
- в миграционной сфере, как в фокусе, сходятся самые актуальные задачи по развитию человеческого капитала: становление экономики знаний и национальных инновационных систем; формирование качественно новой политики социального развития, опирающегося на принципы самореализации граждан;
- миграционные процессы, международная миграция населения — одна из самых сложных проблем мирового развития. Для многих государств все более актуальными становятся вопросы преодоления отрицательных последствий миграционных процессов: высокий уровень нелегальной миграции, незаконной занятости; торговля людьми и др. Данные явления представляют угрозу национальной безопасности, оказывают негативное влияние на экономику и другие сферы общества [3, с. 17–19].

Конкретные данные, относящиеся к миграционным процессам в Республике Беларусь, привел в интервью исследователям начальник Департамента по гражданству и миграции МВД Республики Беларусь А. Ю. Бегун. Он отметил, что Республика Беларусь занимает достойное место в управлении миграционными потоками, проводит эффективную политику в сфере миграции в рамках СНГ, активно участвует в реализации принципов, заложенных в Декларации о согласованной миграционной политике стран-участников СНГ. Далее сообщил, что по данным Национального статистического комитета число лиц, прибывших в 2009 г. в республику на постоянное проживание, составило 19 892 чел. (в 2008 г.— 17 413), выбывших из страны на постоянное проживание в другие страны — 19 892 чел. (в 2008 г.— 17 413 чел.), число выбывших из республики на постоянное жительство — 7 643 (в 2008 г.— 9 268), то есть миграционный прирост составил 12 249 (в 2008 г.— 8 145). Основной миграционный приток иммигрантов наблюдается из стран СНГ (15 582 чел.), в том числе: из России — 9 601 чел., Украины — 2 978, Казахстана — 855, Туркменистана — 662, на долю которых приходится около 90 % от общего числа прибывающих в Беларусь. Численность иммигрантов из других государств составляет 4 310 чел.

А. Ю. Бегун также сообщил, что ежегодно в установленном порядке разрешение на постоянное жительство в Республике Беларусь получают 10–13 тыс. иностранных граждан и лиц без гражданства. По состоянию на 01.01.2010 г. в органах внутренних дел

Беларуси состояло на учете 133 277 иностранных граждан и 7 799 лиц без гражданства, имеющих разрешение на постоянное проживание, из них: 88 485 граждан России (62,7 %), в 2008 г.— 85 537; 18 847 граждан Украины (13,3 %), в 2008 г.— 18 902; 3 709 граждан Литвы (2,6 %), в 2008 г.— 3 443; 3 532 граждан Казахстана (2,5 %), в 2008 г.— 3 873; 2 837 граждан Узбекистана (2 %), в 2008 г.— 2 757; 2 249 граждан Молдовы (1,5 %), в 2008 г.— 2 142; 2 066 граждан Израиля (1,4 %), в 2008 г.— 2 009; 2 061 гражданин Армении (1,4 %), в 2008 г.— 848; 1 716 граждан Грузии (1,2 %), в 2008 г.— 1 467; 1 644 гражданина Азербайджана (1,1 %), в 2008 г.— 1 491; 985 граждан Латвии (0,7 %), в 2008 г.— 873.

В целях стабилизации демографической ситуации в стране, создания предпосылок для демографического роста, подчеркнул А. Ю. Бегун, в Республике Беларусь была реализована Национальная программа демографической безопасности страны на 2007–2010 гг. В преамбуле программы отмечено, что Миграционная политика Республики Беларусь в сфере внешней трудовой миграции направлена на совершенствование регулирования экспорта и импорта рабочей силы, защиту национального рынка труда от неконтролируемого притока иностранной рабочей силы и смягчение ситуации на внутреннем рынке труда за счет трудоустройства белорусских граждан за границей [3, с. 27].

А. Ю. Бегун акцентировал внимание на вопросах беженцев, вынужденной миграции, отметив, что за весь период реализации в Беларуси законодательства в области вынужденной миграции (1997–2009) в компетентные органы с ходатайствами о предоставлении статуса беженца или дополнительной защиты обратилось 3,5 тыс. иностранцев из 48 государств мира. Наметилась тенденция к увеличению количества иностранцев, обращающихся в компетентные органы страны с ходатайством о защите. Чаще всего с ходатайством о защите обращаются граждане Афганистана, Ирана, Пакистана, Украины и России.

Иностранные граждане, которым предоставлен статус беженца в Республике Беларусь, имеют все социально-экономические права, а также права в области образования и здравоохранения, которыми пользуются граждане Республики Беларусь. Кроме того, им предоставлено право на воссоединение семьи, получение денежной помощи, проживание в специально образованных местах, льготы при регистрации по месту жительства, а также право на судебную защиту наравне с гражданами Республики Беларусь [15–16; 18–19; 21].

Иностранцы, которым предоставлена дополнительная защита в Республике Беларусь, пользуются правами наравне с иностранцами, временно проживающими в республике. Им также предоставлено право на воссоединение семьи, проживание в специально оборудованных местах [18–19].

В упомянутом интервью А. Ю. Бегун затронул вопрос незаконной миграции. Им отмечено, что по причине прозрачности белорусско-российской границы, месторасположения Беларуси между СНГ и Евросоюзом ее территория активно используется в качестве транзитного коридора нелегальными мигрантами, которые перемещаются на Запад из Афганиста-

на, Бангладеш, Китая, Вьетнама, Индии, Пакистана, Ганы, Египта, Нигерии, Конго и других стран.

Миграционные потоки, направленные на Запад, упираются в хорошо охраняемую границу Польши, Литвы и Латвии, в результате чего на территории Беларуси оседают все большее количество незаконных мигрантов, которые впоследствии оказывают негативное влияние на состояние правопорядка в стране и ее национальную безопасность. В 2009 г. на территории Республики Беларусь иностранцами совершено 2 239 преступлений, в том числе 16 убийств, 28 тяжких телесных повреждений, 629 краж, 22 разбоя. За этот же период органами внутренних дел депортировано из республики 2 017 иностранцев, нарушивших миграционное законодательство, из них 925 высланы под конвоем.

Проблемы вынужденной миграции в Республике Беларусь исследовались в рамках кандидатской диссертации Л. А. Васильевой, по результатам работы в 2000 г. опубликована монография [7]. В книге приводятся следующие данные:

- ежегодный доход, по оценкам экспертов, от нелегальной миграции составляет 7–8 млрд долл.;
- существует примерный прейскурант на незаконное перемещение человека через границу. Самые «дешевые» расценки на перемещение в Италию — 12 тыс. долл., в Германию — 15, в Швецию — 18, а самые дорогие в этом списке — США и Канада, от 20 до 50 тыс. долл. [7, с. 4].

Законом Республики Беларусь «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь» [19] определены категории иностранцев, не подлежащих высылке в соответствии с международными обязательствами республики, и их правовое положение. Дополнены и уточнены процедуры воссоединения семьи, идентификации личности, внесен ряд положений, направ-

ленных на исключение злоупотреблений иностранцами процедурой предоставления статуса беженца или дополнительной защиты. Законом введен институт дополнительной защиты. Главным элементом международной защиты является право не подвергаться принудительному возвращению или высылке в ситуации, которая может поставить под угрозу жизнь или свободу. Принцип запрещения принудительного возвращения в международном праве закреплен в Конвенции 1951 г. о статусе беженцев и Конвенции 1984 г. против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, участником которых является Республика Беларусь. Принят Закон Республики Беларусь от 20.09.2009 г. № 49-З «О порядке выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь граждан Республики Беларусь», который направлен на совершенствование действующего порядка выезда за границу.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что в Республике Беларусь и в Азербайджанской Республике создана прочная правовая основа миграционной политики, а в рамках двухстороннего договора о сотрудничестве можно рассмотреть и законодательно закрепить многие вопросы, касающиеся белорусских и азербайджанских мигрантов. Республика Беларусь, в отличие от Азербайджанской Республики, активно участвует в работе Совместной комиссии стран-участников Соглашения о сотрудничестве членов СНГ в борьбе с незаконной миграцией — постоянно действующем консультативном межгосударственном органе по вопросам предупреждения и пресечения незаконной миграции. В состав данной комиссии входят уполномоченные представители Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана, Узбекистана и Украины, в рамках которой решаются многие проблемные вопросы миграционной политики.

Список использованных источников

1. *Алехин, А.П.* Административное право Российской Федерации / А.П. Алехин, Ю.М. Кармолицкий, Ю.М. Козлов. — М.: Зерцало, 1997.
2. *Артемова, В.Н.* Особенности и тенденции развития правотворческого процесса в сфере прав человека. Правотворческая деятельность в Республике Беларусь: учеб. пособие / В.Н. Артемова, О.П. Мариков. — Минск: ООО «Скарына», 1997.
3. *Басецкий, И.И.* Правовое положение иностранцев и апатридов / И.И. Басецкий, Л.А. Васильева // Проблемы совершенствования законодательства. — Омск: ОБШМ МВД СССР, 1989.
4. *Бурова, С.Н.* Беженцы в Беларуси / С.Н. Бурова, С.Н. Кирилук // Социология. — 1999. — № 2.
5. *Валюшко, Н.В.* Проблемы совершенствования миграционного законодательства в Республике Беларусь / Н.В. Валюшко // Беларусь на пути прогресса. Инновационная экономика, управление, право: материалы науч.-практ. конф., Минск, 15–16 апр. 2010 г. / Частн. ин-т управл. и предприним.; редкол.: В.Ф. Медведев [и др.]. — Минск, 2010.
6. *Василевич, Г.А.* Деятельность Конституционного Суда Республики Беларусь по защите прав и свобод граждан / Г.А. Василевич // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. — 1998. — № 5.
7. *Васильева, Л.А.* Вынужденная миграция в Республике Беларусь. Теоретико-правовые и организационные аспекты: монография / Л.А. Васильева. — Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2000.
8. *Васильева, Л.А.* К вопросу о статусе беженцев в Республике Беларусь / Л.А. Васильева // Совершенствование правоохранительной деятельности ОВД: сб. науч. тр. / под ред. В.А. Кургова. — Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 1997.
9. *Гудвин, Гилл Г.С.* Статус беженца в международном праве: монография / Гилл Г.С. Гудвин; пер. с англ. — М.: ЮНИТИ, 1997.
10. *Дрожжин, В.* Национальный вопрос: проблемы беженцев / В. Дрожжин // Диалог. — 1996. — № 12.
11. *Колонтаевский, Е.Ф.* Компетенция органов внутренних дел по оказанию помощи иностранным гражданам в осуществлении их прав и законных интересов / Е.Ф. Колонтаевский // Обеспечение безопасности иностранных граждан: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 29 марта 1995 г. / Акад. МВД России; редкол.: Л.М. Колодкин (гл. ред.) [и др.]. — М.: Акад. МВД России, 1995.
12. *Мехтиев, Т.Р.* Правовой статус беженцев и вынужденных переселенцев в России и Азербайджанской Республике: дис. ... канд. юрид. наук / Т.Р. Мехтиев. — М., 2003.

13. Михалева, Н.А. Конституционное право зарубежных стран СНГ : учеб. пособие / Н.А. Михалева. — М. : Юристъ, 1999.
14. Миграционная политика Республики Беларусь // Исполнительный комитет СНГ [Электронный ресурс]. — 2009. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=17232>. — Дата доступа 14.10.2011.
15. О беженцах: Закон Респ. Беларусь от 22.02.1995 г. № 3605-XII [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. О государственной миграционной программе: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 08.04.1998 г. № 560. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства: Закон Азербайдж. Респ. от 13.03.1996 г. № 41-ІГ: в ред. Закона Азербайдж. Респ. от 30.12.2005 г. № 51-ІІІГД [Электронный ресурс]. — 2009. — Режим доступа: http://reflaw.narod.ru/HTMLs/lows/azerb/ino_az.htm. — Дата доступа: 19.10.2011.
18. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 04.01.2010 г. № 105-З. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
19. О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты: Закон Респ. Беларусь от 23.06.2008 г. № 354-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 03.07.2011 г. № 278-З. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
20. Об иммиграции: Закон Респ. Беларусь от 29.12.1998 г. № 224-З [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
21. Об утверждении Положения о предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства убежища в Республике Беларусь, его утрате и лишении и иных вопросах пребывания в республике иностранных граждан и лиц без гражданства: Указ Президента Респ. Беларусь от 05.04.2006 г. № 204: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 13.08.2010 г. № 422. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
22. Ушаков, И. Региональные кризисы и конфликты как фактор миграции населения / И. Ушаков, И. Малаха // Миграционные процессы в трансформируемом обществе : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т междунар. экон. и полит. исслед. — М. : Эпикон, 1997.
23. Фисенко, И.В. Беженцы и переселенцы в Содружестве Независимых Государств: определение понятий / И.В. Фисенко // Моск. журн. междунар. права. — 1997. — № 4.

21.11.2011

УДК 347

С. С. Вабищевич

ОСОБЕННОСТИ ОГРАНИЧЕННЫХ ВЕЩНЫХ ПРАВ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ХОЗЯЙСТВЕННОМУ И ИНОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ИМУЩЕСТВА СОБСТВЕННИКА

В статье рассматриваются специфические особенности ограниченных вещных прав организаций со статусом юридического лица на хозяйствование с чужим имуществом, закрепленные в отечественном правовом порядке. Особое внимание уделяется вопросу о субъектах и объектах названных прав с учетом последних изменений в гражданском законодательстве. Проводится анализ правовой сущности этих прав.

In the article specific features of the limited real rights of the organizations with the status of the legal person on managing with another's property, fixed in the domestic law and order are considered. The special attention is given to a question on subjects and objects of the named rights taking into account last changes in the civil legislation. The analysis of legal essence of these rights is carried out.

Необходимость материального обеспечения выполнения государством и его административно-территориальными единицами социальных функций предопределяет участие названных субъектов в имущественном обороте, в частности в вещных правоотношениях. Особенности публично-правовых образований как субъектов отношений, регулируемых гражданским правом, ставят вопрос о способе реализации правомочий, составляющих содержание права публичной собственности. Одним из таких способов выступает установление названными субъектами ограниченных вещных прав — права хозяйственного ведения и права оперативного управления — посредством создания унитарных государственных предприятий и учреждений. Данный способ, будучи закреп-

ленным и в отечественном правовом порядке, утратил свою исторически сложившуюся специфику, особенно в последние годы, поскольку стал доступным для других субъектов гражданского права, на чем подробнее остановимся ниже.

Оставляя за рамками настоящей статьи подробно исследованные политико-правовые предпосылки современных институтов права хозяйственного ведения и права оперативного управления [1], отметим, что оформившаяся в Средневековой Европе концепция разделенной собственности стала элементом англо-американской правовой системы. Романо-германским и российским правовым порядком данная юридическая конструкция не была воспринята. Само понятие собственности получило закрепление

лишь в 1832 г. в Своде законов Российской империи (т. X, ч. 1 — Свод законов Гражданских), где речь шла об исключительном, независимом и едином праве собственности на один объект.

Формирование единого фонда государственно-го имущества как результат установления советской власти в России повлекло передачу большей его части в управление государственным организациям. По политическим причинам стать собственниками переданного имущества эти организации не могли, поскольку «социалистическое государство является единым и единственным субъектом права собственности как права присвоения в отношении всех государственных имуществ» [2, с. 322]. В то же время было необходимо признать особое вещное право за указанными организациями, в связи с чем академиком А. В. Венедиктовым была предложена конструкция права непосредственного оперативного управления, то есть государственные организации («социалистические госорганы») наделяются определенными полномочиями по владению, пользованию и распоряжению государственным имуществом, которые реализуются «не своей властью и не в своем интересе, но властью, предоставленной государством и в интересах государства» [2, с. 591]. Данная конструкция была законодательно закреплена в ст. 21 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. и в Гражданских кодексах большинства союзных республик. В 1982 г. Основы были дополнены ст. 26¹, расширившей перечень субъектов права оперативного управления, но не содержание самого права.

Реформы 1989–1990 гг. имели одним из результатов расширение прав государственных предприятий, правовые возможности которого выразились во введении права полного хозяйственного ведения на закрепленное за ними имущество. Данное право впервые было закреплено Основами законодательства СССР об аренде от 23 ноября 1989 г. (ст. 4), а затем получило содержательную характеристику в Законе СССР «О собственности в СССР» от 6 марта 1990 г. и Законе СССР «О предприятиях в СССР» от 4 июня 1990 г. и ограничивалось следующими правами собственника имущества предприятия: создание предприятия; определение целей его деятельности; его реорганизация и ликвидация; контроль за использованием имущества предприятия. Прибыль предприятия в соответствии с нормой п. 1 ст. 25 Закона поступала в распоряжение трудового коллектива предприятия. В отношении предприятий как субъектов права полного хозяйственного ведения указывалось на возможность совершения «любых действий, не противоречащих закону». В соответствии с Законом о собственности имущество, находящееся в государственной собственности, передавалось на праве оперативного управления государственным учреждениям, на праве полного хозяйственного ведения — государственным предприятиям.

В Законах Республики Беларусь от 11 декабря 1990 г. «О собственности в Республике Беларусь» и от 14 декабря 1990 г. «О предприятиях» право полного хозяйственного ведения и право оперативного управления имуществом было включено в ГК 1964 г.

в результате его дополнения ст. 87¹ в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета БССР от 20 марта 1984 г., а право полного хозяйственного ведения — в результате изменения положений ст. 87 в соответствии с Законом Республики Беларусь от 3 марта 1994 г. При этом в норме ст. 87 речь шла о предприятиях в целом без конкретизации формы собственности, что в совокупности с правилами ст. 4 Закона о предприятиях позволяло сделать вывод о возможности применения закрепленной в ГК 1964 г. конструкции права полного хозяйственного ведения и к предприятиям, создаваемым не только государством, но и другими собственниками. Этим же Законом была изменена норма ст. 87¹ — категория права оперативного управления стала распространяться только на учреждения, финансируемые за счет собственника.

Гражданский кодекс Республики Беларусь 1998 г. [3] в числе ограниченных вещных прав назвал право оперативного управления, а также право хозяйственного ведения, изменив объем его содержания в пользу собственника, а также субъектный состав названных ограниченных вещных прав. Несмотря на закрепленные на уровне ГК изменения в названии права хозяйственного ведения, законодатель продолжал в отдельных случаях использовать прежнее название. Так, в соответствии с утратившей силу лишь с 25 апреля 2011 г. нормой п. 2 Указа Президента Республики Беларусь от 25 сентября 2006 г. № 586 «Об уставе Белорусского государственного университета» «имущество, переданное Белорусскому государственному университету в оперативное управление, принадлежит ему на праве *полного* хозяйственного ведения, используется самостоятельно, в том числе для ведения хозяйственной деятельности, сдачи в аренду без права выкупа и пользования». Таким образом, не будучи унитарным предприятием университет становился субъектом права хозяйственного ведения, к тому же полного, получая его на праве оперативного управления. Как отмечалось, эта странная правовая конструкция уже исключена.

Изменение субъектного состава рассматриваемых ограниченных вещных прав в соответствии с действующим ГК состоит в его расширении. Так, субъектами права хозяйственного ведения признаются унитарное предприятие или государственное объединение, а в случаях, определяемых Президентом Республики Беларусь, иное юридическое лицо, субъектами права оперативного управления — казенное предприятие, учреждение или государственное объединение. При этом собственником передаваемого на праве хозяйственного ведения имущества может выступать не только государство, но и физическое лицо при учреждении частного унитарного предприятия. Таким образом, применительно к отечественному правопорядку будет неточной характеристика права хозяйственного ведения лишь в качестве способов включения государственного имущества в гражданский оборот. Во-первых, подобным образом распоряжаться своим имуществом может и физическое лицо — субъект частной собственности*, во-вторых,

* Разрешая создание унитарных предприятий частным и публичным собственникам, законодатель действовал в рамках конституционного принципа равной защиты и равных условий для развития всех форм собственности.

стать обладателем права хозяйственного ведения может не только унитарное предприятие, а организация в любой правовой форме, но с условием — наличие решения Президента. Следовательно, право хозяйственного ведения с точки зрения субъектного состава приобрело черты универсальности, но в содержательном плане свобода титульного владельца стала более ограниченной. В настоящее время обладатели права хозяйственного ведения не вправе продавать принадлежащее им на праве хозяйственного ведения недвижимое имущество, сдавать его в аренду, в залог, вносить в качестве вклада в уставный фонд хозяйственных обществ и товариществ или иным способом распоряжаться этим имуществом без согласия собственника (п. 3 ст. 276 ГК).

Объем правомочия распоряжения субъекта правом оперативного управления еще уже. В частности, казенное предприятие вправе отчуждать или иным способом распоряжаться закрепленным за ним имуществом лишь с согласия собственника этого имущества (п. 1 ст. 278 ГК).

Следует отметить, что и при таком существенном ограничении возможностей субъектов рассматриваемых вещных прав некоторые представители российской цивилистики высказывают сомнения в целесообразности сохранения этих прав, рассматривая таковые как временное явление, связанное с переходным характером самой экономики [4, с. 599; 5, с. 252–254].

Другие исследователи, обосновывая недосказанность «вывода о необходимости упразднения хозяйственного ведения и оперативного управления из российской правовой системы», отмечают, что «разрешение законодателем использовать право хозяйственного ведения всем субъектам (субъектам частной собственности.— С. В.) как способ хозяйствования с их имуществом <...> значительно расширило бы реальные возможности граждан и организаций» [1, с. 226–228; 6, с. 150]. В результате анализа сходства в содержании и целях конструирования права хозяйственного ведения и права и оперативного управления цитируемый автор считает целесообразным на законодательном уровне объединить указанные институты в один, предусмотрев возможность наделения различных субъектов различным объемом правомочий в рамках единого вторичного права. Данная точка зрения нашла поддержку на уровне Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г., в соответствии с которой нужно устранить существующий в законодательстве дуализм прав на управление имуществом, находящимся в государственной или муниципальной собственности, оставив только одно право — право оперативного управления (подп. 11.1).

Белорусский законодатель, как отмечалось, стоит на иных позициях. В этой связи вернемся к субъектному составу права хозяйственного ведения. Субъектом указанного права теперь может стать коммерческая организация практически любой правовой формы, а также государственное объединение, которое, по общему правилу, является некоммерчес-

кой организацией (п. 4 ст. 123¹ ГК). Насколько такой подход согласуется с другими положениями ГК? Из определения понятия «юридическое лицо», закрепленного в п. 1 ст. 44 ГК, следует, что организация, претендующая на такой статус, «имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество...», а в соответствии с правилом п. 2 этой статьи к организациям, «на имущество которых их учредители имеют право собственности или иное вещное право, относятся унитарные предприятия, в том числе дочерние, а также государственные объединения и финансируемые собственником учреждения». Из указанных норм вытекает имеющая логическое и практическое обоснование невозможность для организации, например хозяйственного общества, быть одновременно субъектом двух вещных прав — права собственности и права хозяйственного ведения. Следовательно, в рамках ГК имеет место коллизия, которую, на наш взгляд, можно разрешить посредством возврата к действовавшему ранее (до внесения Законом Республики Беларусь от 20 июня 2008 г. изменений в п. 1 ст. 276 ГК) субъектному составу права хозяйственного ведения.

Вопрос об объекте рассматриваемых вещных прав является дискуссионным. Так, в качестве объекта права хозяйственного ведения называются:

- «предприятие как единый имущественный комплекс, относящийся, в целом, к материальным вещам» [7, с. 61];
- предприятие как имущественный комплекс, а также входящие в его состав любые виды имущества, перечисленные в ст. 132 ГК [8, с. 294];
- «любое число предприятий как объектов права (ст. 132 ГК), но исключительно в случаях, когда данные имущественные комплексы не составляют всей совокупности имущества унитарного предприятия» [1, с. 159–169].

К объектам права хозяйственного ведения и права оперативного управления относят:

- имущественные комплексы, закрепленные на балансе соответствующих организаций [4, с. 599];
- комплекс имущества, которое в установленном порядке закреплено за носителями этих прав [9, с. 735, 738];
- «не только недвижимое имущество, но и любые вещи, необходимые для деятельности субъектов этих прав...» [10, с. 781].

На наш взгляд, включение всего имущества, закрепленного за организацией в принадлежащий ей на праве хозяйственного ведения или оперативного управления имущественный комплекс не соответствует нормам ГК и целям гражданского оборота, поскольку, в частности, не каждое унитарное предприятие и/или учреждение может обладать имущественным комплексом, особенно сразу после создания, в смысле ст. 132 ГК. В норме последней речь не идет о том, что предприятие должно составлять сразу все имущество организации, используемое ею для осуществления предпринимательской деятельности; говорится лишь о возможности использования имущественного комплекса для этой цели. Важен также факт, что «государственная регистрация создания предприятия (как имущественного комплекса) явля-

ется обязательной в предусмотренных законодательными актами случаях до совершения сделок с предприятием» (п. 5 Положения о порядке совершения регистрационных действий в отношении предприятия как имущественного комплекса, утвержденного постановлением Совета Министров от 1 июня 2004 г. № 650 [11]). Таким образом, само предприятие как имущественный комплекс и право на него регистрируются, то есть возникают, при необходимости введения данного комплекса в экономический оборот.

По мнению В. А. Белова, «смысл обособления имущественного комплекса унитарных предприятий и учреждений в том и состоит, чтобы противопоставить таковой остальному имуществу собственника, выделить его из этого имущества. В случае с другими юридическими лицами такой необходимости нет, ибо все они — собственники обособленного за ними имущества» [12, с. 129]. В то же время само обособление собственником имущества за организацией на одном из ограниченных вещных прав — праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления — цитируемый автор характеризует в качестве одной из гражданско-правовых форм имущественной обособленности организаций, а именно ограниченной имущественной обособленности [13, с. 150–151]. Таким образом, передача имущества соответствующей организации на одном из указанных прав даже без объединения его в рамках имущественного комплекса предполагает имущественную обособленность такой организации.

Если исходить из современной законодательной характеристики имущественного комплекса (объект гражданских прав, признаваемый недвижимостью), сведение к последнему всего имущества субъекта права хозяйственного ведения или оперативного управления ставит вопрос о соотношении прав этого субъекта и учредителя при распоряжении этим самым имущественным комплексом. Как отмечает Д. В. Петров, речь идет о том, что при продаже, например, унитарным предприятием всего своего имущества, права учредителя будут переданы другому лицу, следовательно, прекращены. При этом вопреки норме п. 1 ст. 424 ГК унитарное предприятие в соответствии с правилом п. 1 ст. 281 ГК сохранит право хозяйственного ведения на это имущество, то есть возникает противоречие между названными нормами [1, с. 160–163]. Иными словами, распоряжаться имуществом комплексом унитарное предприятие, как и учреждение, не вправе. Отмеченные особенности определения предприятия посредством понятия «имущественный комплекс» и проблемы реализации правомочия распоряжения имущественным комплексом, объединяющим все имущество субъекта права хозяйственного ведения или оперативного управления, подтверждают следующий из п. 2 ст. 289 ГК вывод о том, что объектом права хозяйственного ведения и права оперативного управления выступают движимые и недвижимые вещи, а также вещи, приобретенные субъектами этих прав в процессе своей деятельности — плоды, продукция и доходы, имущество, приобретенное по договорам или иным основаниям.

К числу недвижимых вещей в данном случае, на наш взгляд, следует относить и земельные участки,

поскольку, во-первых, норма п. 1 ст. 262 ГК допускает возможность установления права хозяйственного ведения и права оперативного управления в отношении земельных участков, во-вторых, нормы Кодекса Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. не содержат какого-либо упоминания об этих правах и прямо не запрещают такую возможность. Более того, в соответствии с правилом ч. 3 ст. 56 данного кодекса если при реорганизации частной организации, у которой земельный участок находится в частной собственности, создается государственная организация, после принятия решения о реорганизации реорганизуемая организация обязана обратиться в государственный орган, принявший решение о предоставлении земельного участка, с заявлением об изменении *вида вещного права на земельный участок*. Возможность установления права хозяйственного ведения на земельный участок подтверждается также нормами ГК о залоге: в силу нормы п. 2 ст. 315 ГК предметом залога может быть земельный участок, в норме п. 2 ст. 316 ГК в качестве залогодателя назван обладатель права хозяйственного ведения на предмет залога.

Субъект-объектная характеристика рассматриваемых прав предопределяет постановку вопроса об их правовой сущности. Мнение о вещно-правовом характере этих прав не стало общепризнанным ни в литературе советского периода, ни в современных исследованиях. Против отнесения права оперативного управления к числу вещных возражал О. С. Иоффе. Вещным правам, в частности праву постоянного пользования, праву пожизненного наследуемого владения, полагал автор, присуще свойство ограничения права собственности. Основное же предназначение права оперативного управления — не ограничивать право собственности, а способствовать его реализации [14].

Ныне действующие нормы права, определяющие правомочия субъектов права хозяйственного ведения и права оперативного управления, свидетельствуют о значительном ограничении правомочий собственника после передачи имущества на одном из указанных прав. Так, в соответствии с правилом п. 3 ст. 276 ГК унитарное предприятие вправе распоряжаться переданным ему имуществом с учетом определенных данной нормой ограничений, то есть собственник не вправе распоряжаться этим имуществом до прекращения права хозяйственного ведения. Применительно к учреждению собственник вправе изъять лишь излишнее, неиспользуемое либо используемое не по назначению имущество и распорядиться им по своему усмотрению (п. 2 ст. 277 ГК). В то же время отмеченные обстоятельства не умаляют основную функцию права хозяйственного ведения и права оперативного управления — обеспечить включение имущества собственника в гражданский оборот. Иными словами, данная функция не влияет на вещно-правовую природу этих прав.

Необходимость отказа от квалификации права хозяйственного ведения и права оперативного управления в качестве вещных и отнесения их к разновидностям права управления (наряду с правом доверительного управления) обосновывает В. А. Белов [12, с. 172–196]. Такой вывод автора связан, во-первых,

с отнесением имущества, закрепленного в хозяйственном ведении и оперативном управлении, к ряду имущественных комплексов, во-вторых, с утверждением о том, что «имущественный комплекс не объект гражданских правоотношений, но гражданско-правовая категория, указывающая на специфический (единый) правовой режим физически и юридически разнородных элементов известной хозяйственной системы» [13, с. 276–277]. Поскольку правовой режим — это правовая (идеальная) оболочка, она может охватывать не разнородные (и реальные, и идеальные) элементы, а лишь идеальные субстанции, в данном случае — субъективные права и юридические обязанности. Следовательно, состояние принадлежности (присвоенности) предприятия (имущественного комплекса) как специфического вида благ должно оформляться абсолютным правом особого рода — правом управления предприятием. В этой связи норму абз. 2 п. 2 ст. 132 ГК В. А. Белов предлагает читать следующим образом: «В состав предприятия как имущественного комплекса входят права на все виды имущества, предназначенные для его деятельности <...>» [13, с. 276–277].

В нашем случае речь идет о правомочиях владения, пользования, распоряжения вещами, передаваемыми собственником в определенных пределах субъекту права хозяйственного ведения или оперативного управления, в связи с чем последние большинством авторов относятся к ограниченным или производным вещным правам. Вещная природа названных прав вытекает из многих законодательных предписаний, в частности правил об их следовании

за своим объектом в случае изменения субъекта права собственности на него (п. 1 ст. 281 ГК), о возможности их абсолютной защиты (п. 3 ст. 217, ст. 286), об их приобретении и прекращении (ст. 280).

Рассматриваемые права отдельные авторы характеризуют как вещно-правовой механизм «обособления *собственного* (курсив.— С. С.) имущества субъектов права» [1, с. 116–127]. Действительно, законодатель предусмотрел состояние *принадлежности* (п. 2, 6, 8 ст. 113, п. 1 ст. 276 ГК) или *присвоенности* (п. 3 ст. 114 ГК) имущества как своего и для субъектов права хозяйственного ведения и для субъектов права оперативного управления [1, с. 102], хотя в большинстве случаев речь идет о *закреплении* имущества на указанных правах (п. 1 ст. 113, ст. 277 ГК). Однако принадлежать означает не только находиться в собственности, но и обладании кого-либо, а одно из значений прилагательного *собственный* (свой) — «находящийся в непосредственном ведении, распоряжении, подчинении кого-чего-нибудь» [15, с. 102]. Право хозяйственного ведения и право оперативного управления, как отмечалось, служат гражданско-правовой формой имущественной обособленности соответствующих организаций (п. 1 ст. 44 ГК), однако учредитель организации сохраняет право собственности на переданное ей имущество. Исходя из изложенного, приведенная точка зрения по сути не противоречит распространенному мнению на указанные права как на «права юридических лиц на хозяйствование с имуществом собственника» [4, с. 598], то есть с *чужим* имуществом.

Список использованных источников

1. Петров, Д.В. Право хозяйственного ведения и право оперативного управления / Д.В. Петров. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002.
2. Венедиктов, А.В. Государственная социалистическая собственность / А.В. Венедиктов. — М.; Л. : АН СССР, 1948.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2011.
4. Гражданское право : учебник : в 2 т. / В.В. Витрянский [и др.]; отв. ред. Е.А. Суханов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : БЕК, 2002. — Т. 2, полутом 1.
5. Дозорцев, В.А. Принципиальные черты права собственности в Гражданском кодексе / В.А. Дозорцев // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика. Сборник памяти С.А. Хохлова / отв. ред. А.Л. Маковский. — М. : Исслед. центр частного права, 1998.
6. Ершова, И.В. Правовой режим государственного имущества в хозяйственном обороте: теоретические основы и пути совершенствования / И.В. Ершова. — М. : Юриспруденция, 2001.
7. Корытов, С.О. Юридическая природа права хозяйственного ведения : автореф. ... дис. канд. юрид. наук / С.О. Корытов. — Ярославль, 2000.
8. Гражданское право : учебник. Ч. 1 / М.В. Антокольская [и др.]; под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрист, 2001.
9. Гражданское право : учебник : в 2 ч. / В.Н. Годунов [и др.]; под общ. ред. В.Ф. Чигира. — Минск : Амалфея, 2000.
10. Гражданское право : учебник : в 3 т. / Е.Н. Абрамова [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. — М. : ТК Велби, 2008. — Т. 1.
11. Об утверждении положения о порядке совершения регистрационных действий в отношении предприятия как имущественного комплекса: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 1 июня 2004 г., № 650 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2011.
12. Белов, В.А. Имущественные комплексы: очерк теории и опыт догматической конструкции по российскому гражданскому праву / В.А. Белов. — М. : Изд-во Юрайт, 2004.
13. Белов, В.А. Гражданское право. Общая часть : учебник : в 2 т. / В.А. Белов. — М. : Изд-во Юрайт, 2011. — Т. 2. Лица. Блага. Факты.
14. Иоффе, О.С. Цивилистическая доктрина промышленного капитализма / О.С. Иоффе // Избранные труды по гражданскому праву. — М. : Статут, 2000. — С. 94–95.
15. Ожегов, И.С. Толковый словарь русского языка / И.С. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М. : Азбуковник, 1999.

19.09.2011

К. С. Костевич, Е. М. Попок, К. Л. Томашевский

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВАМИ В СФЕРЕ ТРУДА: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

Анализируется актуальная проблема злоупотребления правом в трудовых отношениях. Данная тема привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных ученых-юристов, которые делают акцент на подходах к определению сущности изучаемого явления и выделению его признаков. В статье рассматривается практическая сторона вопроса. Авторами вносятся предложения по совершенствованию национального законодательства по исследуемой проблеме.

The actual problem of abusing by the right in labor relations is analyzed. The given theme draws attention both domestic, and foreign scientists-lawyers who do accent on approaches to definition of essence of the studied phenomenon and allocation of its signs. In the article the practical side of a question is considered. Authors make offers on perfection of the national legislation on an investigated problem.

В юридической науке правовая категория «злоупотребление правом» находится в поле зрения как ученых-цивилистов (О. А. Поротикова [1], С. С. Вабищевич [2]), так и специалистов в области трудового права (М. В. Лушниковая [3], Е. М. Офман [4]). Рассмотрим наиболее актуальные теоретические и практические вопросы злоупотреблений в трудовом праве, малоисследованные белорусскими учеными. Одна из задач данной статьи — предложить и обосновать потребность в законодательном урегулировании в Беларуси защитных механизмов от возможных злоупотреблений трудовыми правами.

Понятие злоупотребления в трудовом праве. Содержание трудовых и связанных с ними правоотношений согласно господствующей в доктрине трудового права точке зрения составляют взаимные права и обязанности их участников. Однако данные права и обязанности не во всех случаях и не всеми субъектами трудового права реализуются добросовестно. Имея определенные правомочия, субъект права желает максимально их реализовать, чтобы получить наибольшую выгоду для себя, что впоследствии может привести к злоупотреблению им своими правами. В отношении противоположной стороны могут наступить негативные последствия.

В законодательстве Республики Беларусь не закреплено легальное определение термина «злоупотребление правом», хотя запрет на злоупотребление правом содержался еще в Институтах Гая. В Трудовом кодексе Республики Беларусь он даже не упоминается [5]. Единственным нормативным источником, в котором фиксируется это понятие, является Гражданский кодекс Республики Беларусь. Статья 9 устанавливает пределы осуществления гражданских прав субъектом через запрещение определенного поведения, а в качестве общего ограничения здесь выступает такое злоупотребление правами, которое нарушает права и интересы других лиц [6]. Таким образом, данное понятие является доктринальным, что обусловило появление различных мнений о его природе.

Проблема злоупотребления правом является дискуссионной и в науке трудового права. Определяя данную правовую конструкцию, ученые исходят из двух основных позиций: злоупотребление — пра-

вонарушение, то есть осуществление деяний, выходящих за пределы субъективного права, либо злоупотребление — правомерное поведение, которое предполагает недобросовестные действия в границах своего права. Однако, на наш взгляд, эти определения не могут быть признаны исчерпывающими по следующим позициям. С одной стороны, от правонарушения злоупотребление правом отличается отсутствием признаков противоправности (злоупотребляющий субъект действует в пределах предоставленного ему субъективного права) и наказуемости (белорусское законодательство о труде не закрепляет мер ответственности в случаях злоупотребления трудовыми правами). С другой — от правомерного поведения злоупотребление правом отличается признаком общественной необходимости данных действий. Противоречивость приведенных суждений породила промежуточный подход. Так, А. А. Малиновский рассматривает злоупотребление в двух формах — противоправной и правомерной [7, с. 41].

Некоторые авторы (Е. М. Офман) относят злоупотребление правом к самостоятельному явлению, обосновывая это тем, что субъекты трудовых отношений формально действуют в рамках данного им права, но их поведение противоречит целям, принципам и задачам, установленным нормативными правовыми актами [4, с. 1]. В этой связи злоупотребление правом представляет собой такую категорию, которая не охватывается правомерными или противоправными действиями субъектов правоотношений, то есть не связана с соблюдением или нарушением конкретной нормы права.

В этой связи мы солидарны с М. В. Лушниковой, которая отметила, что «в частных и частно-публичных отраслях права пределы осуществления субъективных прав во многих случаях не формализованы («разрешено все, что не запрещено законом»), и пределы осуществления прав ограничиваются только общими началами (принципами) отрасли права» [3, с. 8].

Как известно, трудовое право является частно-публичной отраслью, поэтому возможностей для злоупотребления правами у субъектов в рамках вышеуказанного дозволительного принципа может быть много.

Таким образом, в случае, когда субъект нарушает нормы права, закрепленные в различных источниках, то он совершает правонарушения и к нему должны быть применены меры юридической ответственности. В ситуации, когда субъект нарушает принципы или выходит за их пределы, а также реализации субъектом своих прав в соответствии с их назначением, имеет место злоупотребление правом. При таком подходе остается спорным вопрос о нормах-принципах: является ли их несоблюдение правонарушением либо злоупотреблением?

Анализ разных мнений по этому вопросу позволил выделить *признаки злоупотребления правом*:

- причинение вреда (или угроза его применения) противоположному субъекту правоотношений (контрагенту);
- получение каких-либо благ злоупотребляющим субъектом;
- ограничение осуществления права другого субъекта злоупотребляющим субъектом;
- цель осуществления права не соответствует цели, установленной в нормативном правовом акте [8, с. 7].

Таким образом, можно сформулировать следующее доктринальное определение: **злоупотребление в трудовом праве** — это деяние (действие или бездействие), совершаемое управомоченным субъектом трудовых и связанных с ними правоотношений с целью причинения вреда и (или) получения необоснованных преимуществ перед другими управомоченными субъектами тех же отношений при осуществлении права, закрепленного в нормативных правовых актах, с нарушением установленных данными нормативными правовыми актами целей и принципов.

Злоупотребление правами со стороны нанимателя. В трудовых отношениях круг возможных злоупотреблений со стороны нанимателя гораздо шире, чем со стороны работников, что обусловлено наличием у него так называемой «хозяйской» власти. В юридических журналах приводятся примеры злоупотреблений со стороны работников как по законодательству России, так и зарубежных стран [9–10].

Рассмотрим примеры на основе законодательства о труде Республики Беларусь. Как известно, по ст. 41 Конституции Республики Беларусь всем трудящимся гарантируется право на труд. Основной формой реализации этого права является заключение трудового договора, а наиболее распространенным видом трудового договора, применяемого в Беларуси, выступает трудовой контракт, заключаемый на определенный срок от 1 года до 5 лет. Работнику, с которым заключен контракт, в обязательном порядке должны предоставляться дополнительные меры стимулирования труда. Одной из вышеуказанных мер является повышение до 50 % к тарифной ставке (окладу). Важно, что законодателем предусмотрена только максимальная величина процентов к тарифной ставке. На практике порой складывается ситуация, когда наниматель с целью уменьшения своих расходов устанавливает повышение к тарифной ставке 0,01 или 0,001 %. С юридической (формальной) точки зрения никакой нормы права со стороны нанимателя не нарушается. Однако следует учитывать, что целью предоставления дополнительных мер сти-

мулирования труда является компенсация ухудшения правового положения работника по сравнению с общими нормами законодательства о труде. Таким образом, наниматель в данном случае злоупотребляет своими правами, устанавливая размер дополнительных мер стимулирования труда без учета их целей и социального назначения.

В контексте контрактной системы найма в Республике Беларусь также существовала практика «перевода» на контракты с бессрочного трудового договора по процедуре изменения существенных условий труда под угрозой увольнения по п. 5 ст. 35 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее — ТК Беларуси) [11, с. 3]. Однако необходимо отметить существование таких принципов трудового права, как запрет принудительного труда и свободы трудового договора. Наниматель, «переводя» работника на контракт, под угрозой возможного увольнения, фактически лишает последнего выбора как в определении вида трудового договора, так и в определении его содержания.

Таким образом, злоупотребление правом со стороны нанимателя может проявляться в недобросовестном использовании его субъективных прав, то есть реализации не в соответствии с их социальным назначением и принципами трудового права. Вследствие того, что злоупотребление не является правонарушением, последствиями данного действия не выступает применение к лицу, злоупотребившему своими правами, мер юридической ответственности. В итоге работник не может защитить свои права ни в судебном, ни в ином порядке.

Злоупотребление трудовыми правами со стороны работника. Наниматель, хотя и является «сильной» стороной в трудовых правоотношениях, однако не застрахован от злоупотребления правами со стороны работников.

В соответствии со ст. 53 ТК Беларуси работник должен добросовестно исполнять свои трудовые обязанности. Однако А. В. Кручинин считает, что необходимо ввести аналогичное требование применительно к реализации и защите работником своих трудовых прав [12]. А. В. Юдин рассматривает отсутствие подобной нормы как пробел трудового законодательства, обосновывая это анализом ситуаций, в которых суд испытывал затруднения при квалификации действий работника как недобросовестных [13, с. 4]. Полагаем, что это утверждение не бесспорно, так как отсутствие в трудовом законодательстве норм о злоупотреблении правом может быть и квалифицированным молчанием законодателя, который не считает необходимым на данном этапе регулировать эти отношения.

Наиболее обсуждаемыми в литературе примерами злоупотребления правом со стороны работника являются случаи как при приеме на работу, так и при его увольнении по инициативе нанимателя. По мнению В. В. Архипова и Н. А. Бриллиантовой, злоупотреблением правом является случай, когда работник при приеме на работу и после фактического допущения уполномоченным должностным лицом нанимателя его к работе не требует заключения трудового договора в письменной форме в течение трех дней. У работника нет такой обязанности, при этом

вследствие такой ситуации наниматель может быть подвергнут юридической ответственности, тогда как работник просто злоупотребил своим правом [14]. Данное суждение, на наш взгляд, является спорным, в связи с несоответствием его признакам злоупотребления правом.

Следующим характерным случаем является увольнение работника по инициативе нанимателя. В данной ситуации работник злоупотребляет правом, когда скрывает от нанимателя важные юридические факты, вследствие которых его увольнение по законодательству невозможно. Например, работник предъявляет в судебном разбирательстве о восстановлении на работе листок временной нетрудоспособности или справку о постановке на учет в связи с беременностью, если работник был уволен по инициативе нанимателя. Напоминаем, что согласно ст. 43 и 268 ТК Беларуси в эти периоды запрещается увольнять работника по инициативе нанимателя. К данному роду злоупотребления правом также относится утаивание работником сведений о его членстве в профсоюзе или занимаемой им руководящей должности в профсоюзном органе. По ст. 29 Закона Республики Беларусь «О профессиональных союзах» увольнение такого работника должно происходить с предварительного согласия соответствующего профсоюза [15]. Сокрытие такого факта работником при его увольнении по мнению ряда авторов является злоупотреблением правом, вследствие которого наниматель нарушает процедуру увольнения, что влечет для него негативные последствия (оплата вынужденного прогула, компенсация морального вреда и др.). На наш взгляд, злоупотребление в указанном случае можно устанавливать только в случае умышленного сокрытия (утаивания) работником данных сведений, что достаточно сложно доказать. Если работник не сообщил о них нанимателю, например из-за незнания своих прав, то представляется не соответствующим социальной функции трудового права отказ в защите его нарушенных прав.

В сравнительном аспекте обратим внимание на опыт России. В п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении

судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» от 17.03.2004 г. № 2 разъясняется, что при рассмотрении дел о восстановлении на работе работник должен соблюдать общеправовой принцип недопустимости злоупотребления правом. В частности, недопустимо сокрытие работником временной нетрудоспособности на время его увольнения с работы либо того обстоятельства, что он является членом профессионального союза или занимает в этом объединении любую другую должность. При установлении судом факта злоупотребления работником правом суд может отказать в удовлетворении его иска о восстановлении на работе.

Выводы

1. Правовая наука относительно недавно обратилась к исследованию понятия «злоупотребление правом», вследствие чего отсутствует единство мнений ученых о его сущности.

2. Злоупотребление правом в сфере труда состоит в недобросовестном использовании субъектом своих субъективных прав, то есть реализации их в несоответствии с их социальным назначением и принципами трудового права.

3. Динамика развития и совершенствования трудового законодательства Республики Беларусь не в полной мере соответствует современным потребностям регулирования трудовых и связанных с ними правоотношений.

4. Действующее законодательство о труде содержит много коллизий и пробелов, которые создают благоприятные условия для злоупотреблений правами со стороны нанимателей и работников.

5. Шагом к решению проблемы злоупотребления правом может выступать закрепление на законодательном уровне принципа запрета злоупотребления правами участниками трудовых и связанных с ними правоотношений.

6. Предлагаем на законодательном уровне предусмотреть механизм защиты субъектов трудового права от злоупотреблений правами со стороны других участников правоотношений.

Список использованных источников

1. *Поротикова, О.А.* Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом / О.А. Поротикова. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2008.
2. *Вабищевич, С.С.* Проблема злоупотребления правом в современной цивилистической доктрине / С.С. Вабищевич / Юстыцыя Беларусі. — 2011. — № 11. — С. 31–34.
3. *Лушникова, М.В.* О запрете злоупотребления трудовыми правами / М.В. Лушникова // Трудовое право в России и за рубежом. — 2009. — Пилотный выпуск. — С. 5–12.
4. *Офман, Е.М.* Злоупотребление правом субъектами трудовых отношений : дис. канд. юрид. наук / Е.М. Офман. — Екатеринбург, 2006.
5. Трудовой кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.; одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 2 апр. 2009 г. — Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2009.
6. Комментарий к Гражданскому кодексу Респ. Беларусь с приложением актов законодательства и судебной практики (постатейный): в 3 кн. Кн. 1. Разд. 1. Общ. полож. / отв. ред. и рук. В.Ф. Чигирь. — Минск: Амалфея, 2005.
7. *Малиновский, А.А.* Злоупотребление правом / А.А. Малиновский. — М.: МЗ-Пресс, 2002.
8. *Офман, Е.М.* Правовые последствия злоупотребления правом работодателя и работника / Е.М. Офман [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hr-portal.ru/story/pravovye-posledstviya-zloupotrebleniya-pravom-rabotodatelaya-i-rabotnika>. — Дата доступа: 06.12.2011.
9. *Офман, Е.М.* Противодействие злоупотреблению правом: зарубежный опыт и трудовое законодательство Российской Федерации / Е.М. Офман, У.М. Станкова // Трудовое право в России и за рубежом. — 2011. — № 1. — С. 57–62.
10. *Трошина, С.* Злоупотребление работодателем правами / С. Трошина // Трудовое право. — 2011. — № 10. — С. 84–100.

11. *Томашевский, К.Л.* Трудовые контракты: заключение, продление и прекращение. С учетом Указа Президента Респ. Беларусь от 31 марта 2010 г. № 164 и Закона Респ. Беларусь от 20 июля 2007 г. № 272-3 / К.Л. Томашевский, А.А. Войтик. — 5-е изд., перераб. и доп. — Минск: Дикта, 2010.
12. *Кручинин, А.В.* Формы злоупотребления правом субъектами трудового договора (по материалам судебной практики) / А.В. Кручинин // Вестник Удмуртского университета. — 2005. — № 6. — 138.
13. *Юдин, А.В.* Злоупотребление правом в трудовых отношениях / А.В. Юдин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.juristlib.ru/book_3211.html. — Дата доступа: 2.10.2011.
14. *Архипов, В.В.* Злоупотребление правом в трудовых отношениях / В.В. Архипов, Н.А. Бриллиантова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kadrovik.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=10431>. — Дата доступа: 12.10.2011.
15. О профессиональных союзах: Закон Респ. Беларусь от 2 апр. 1992 г. № 1605-XII: в ред. Закона Респ. Беларусь от 14.01.2000 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2000. — № 371. — 2/146.

09.12.2011

УДК 349.2

О. В. Лавриненко

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ПОДХОДЫ К ДЕФИНИРОВАНИЮ ПОНЯТИЯ И ПОСТРОЕНИЮ СИСТЕМЫ ПРИНЦИПОВ ТРУДОВОГО ПРАВА

Современный этап развития трудового права характеризуется возрастанием интереса к принципам трудового права, сформировавшимся в условиях рыночных отношений. В статье на основе фило-софско-правового анализа исследованы современные доктринальные проблемы дефинирования сущности понятия и систематизации отраслевых принципов трудового права Украины. Обоснован вывод, что тенденция современной доктрины к необоснованному расширению элементного состава системы отраслевых принципов трудового права является неконструктивной, иррациональной по сути.

In the article on the basis of the philosophy-legal analysis are investigated modern doctrinal problems of defining the essence of concept and ordering of branch principles of the labor law of Ukraine. The substantiated conclusion that a tendency of the modern doctrine to unreasonable expansion of element structure of the system of branch principles of the labor law is not constructive, is irrational in fact.

Проблема принципов права «напрямую связана с пониманием содержания и сущности самого права. В этом смысле его решение имеет исходное и ключевое значение для трактовки практически всех вторых правовых явлений» [1, с. 80]. На современном этапе развития трудового права «особенное внимание следует обратить на принципы трудового права, которые сформировались в условиях рыночных отношений и существенно отличаются от принципов советского трудового права... Принципы трудового права, которые складывались десятилетиями, в условиях советской системы экономики, должны быть существенно пересмотрены с учетом изменений общественного развития... и экономических реалий в государстве и мире» [2, с. 74].

Система принципов трудового права, точнее ее элементный состав, не является и не была постоянной, ведь такие принципы представляют «собой некую целостность, единство. Подвижки внутри этой системы возможны, но их единство сохраняется... Система отраслевых принципов позволяет определить пределы действия, самостоятельности и независимости отраслей и создать динамичную систему их взаимодействия в меняющемся правовом пространстве как отражение реальных социально-экономических и политических процессов в обществе» [3, с. 418]. По мнению Л. Ю. Бугрова, «переоценить значимость проблемы принципов трудового права невозможно... Одной из огромных проблем, перманентно находящихся в эпицентре науки трудового

права, должна быть проблема его принципов. Каждый новый этап развития нашего общества, государства и права детерминирует и новое рассмотрение обозначенной научной проблемы...» [4, с. 609]. Проблема принципов трудового права должна квалифицироваться не только как доминирующая, но и перманентно существующая проблема науки трудового права, в которой учение об отраслевых принципах занимает центральное место. *Цель статьи* — проанализировать имеющиеся в современной доктрине принципы трудового права и законодательской практике дискуссионные подходы, которые свидетельствуют о реализации иррациональной по своей сути тенденции расширения элементного состава системы принципов трудового права, и выразить по этому поводу критические суждения, а также обосновать соответствующие выводы и концептуальные предложения.

Системность свойственна не только «нормам», но и «принципам» права, как отдельному самостоятельному элементу имеющейся системы права [3, с. 418; 16, с. 26]. Речь идет о системе отраслевых принципов и ее составляющих частях — отдельных отраслевых принципах, количество которых определяется часто произвольно, без должного логико-структурного обоснования. Так, в современной доктрине к перечню отраслевых принципов трудового права Украины относят 1–23-й принципы. В то же время в соответствии с Декларацией Международной организации труда (МОТ) об основных принципах и правах в сфере

труда и занятости от 18.06.1998 г., которая была принята на 86-й сессии Международной Конференции Труда, и с целью уточнения содержания фундаментальных принципов социальной политики, которые содержатся в Уставе МОТ, как специального учреждения Организации Объединенных Наций, провозглашаются лишь четыре «основополагающих» принципа в сфере труда и занятости. Сформулированные указанной Декларацией принципы являются обязательными для всех государств-членов МОТ, в том числе Украины.

Принимая во внимание изложенное, мы солидарны с О. Я. Лаврив, которая отстаивает тезис о том, что «в соответствии с этим перечнем принципов (речь идет о четырех принципах, которые указаны в отмеченной Декларации МОТ.— О. Л.) и должна создаваться система принципов в трудовом праве Украины» [5, с. 17]. Невзирая на отмеченное, трудно обнаружить последовательность в рассуждениях О. Я. Лаврив, где одновременно отмечается, что предложенный разработчиками в ст. 3 «Основных начал правового регулирования трудовых отношений» Проект нового Трудового кодекса Украины от 04.12.2007 г. № 1108 [6], который был взят за основу и прошел второе слушание в Верховной Раде Украины 01.10.2008 г. (далее — ТКУ), «позволит в будущем устранить пробелы в законодательстве при применении правовых норм» и который предлагает дополнить закрепленный в ст. 3 Проекта ТКУ перечень из девятнадцати отраслевых принципов («начал») еще четырьмя «основными принципами правового регулирования трудовых отношений» [5, с. 47] и довести их общее количество до двадцати трех.

Полагаем, что приведенная позиция О. Я. Лаврив является, в известной мере, логическим продолжением ситуации, которая постепенно формировалась во времена советской доктрины трудового права. Во всех принятых советских кодексах законов о труде (1918, 1922, 1971) отсутствовали статьи, в которых были бы законодательно перечислены основные, то есть отраслевые по статусу принципы трудового законодательства. Такая ситуация открывала широкое пространство для исследователей в части доктринальной структуризации (выделения) таких принципов, а также не позволяла четко сориентироваться с их общим количеством (перечнем, системой, уровнями и т. п.). В свое время известный советский ученый И. С. Войтинский выделил 4 принципа, другой авторитетный исследователь того периода Н. Г. Александров — от 6 до 9 принципов, в советской литературе 70–80-х гг. XX в. фигурировало примерно 15, а в современных научных исследованиях их количество увеличилось до 23.

По нашему мнению, такая тенденция является неконструктивной и отрицательной, поскольку, как обосновывает наука, «очевидно, что если мы признаем отраслевые принципы руководящими началами, выражающими сущность отрасли права, то их не может быть так много. Налицо зачастую смешение общеправовых, отраслевых принципов и принципов отдельных отраслевых институтов» [3, с. 418–419]. Поэтому законодательное закрепление в ст. 3 Проекта ТКУ логично противоречивой системы из 19 «основных начал» является нецелесообразным по следующим позициям.

Во-первых, по содержанию указанный перечень в значительной мере воспроизводит содержание соответствующих положений действующего Трудового кодекса России, а количество таких принципов полностью совпадает, то есть в сущности это «нормативная компиляция» российского законодательства; *во-вторых*, такая необоснованно с позиции современной отечественной доктрины права разветвленная по компонентному признаку система отраслевых за статусом принципов приведет, кроме других негативных результатов, к «размыванию» как самой сущности таких принципов, так и четкости их видовой систематизации (статуса) в системе права.

Для убедительности примем во внимание критические выводы А. М. Лушников и М. В. Лушниковой о том, что «в настоящее время в законотворчестве упрочился текстуальный способ закрепления отраслевых принципов в нормах-принципах. Все новые кодексы содержат специальные статьи, посвященные основам соответствующего отраслевого законодательства. Это же осуществлено в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее — ТК РФ). В ТК РФ ст. 2 впервые дан перечень основных принципов российского трудового законодательства. Для них характерны следующие противоречия и недостатки.

Во-первых, законодательно закреплено 19 отраслевых принципов, что является абсолютным рекордом. Понятно желание законодателя закрепить основы отрасли, но в результате некоторые принципы названы неоднократно через различные их проявления. В то же время в рамках одного принципа были объединены различные по природе принципы, например запрещение принудительного труда и дискриминации в сфере труда (п. 3 ст. 2 ТК РФ). *Во-вторых*, в п. 2 ст. 2 ТК РФ воспроизведен межотраслевой принцип свободы труда. Защита от безработицы и содействие в трудоустройстве (п. 4 ст. 2) выступают принципами государственного и административного права, а также права социального обеспечения. К последней отрасли относится и принцип обеспечения права на обязательное социальное страхование (п. 20 ст. 2). *В-третьих*, законодатель не уделил внимания принципу дифференциации, как составляющему принципа единства (равенства) и дифференциации в трудовом праве. Этот принцип не получил текстуального закрепления. *В-четвертых*, многие принципы вновь сформулированы в виде обеспечения прав работников и работодателей, что дублирует содержание ст. 21 и 22 ТК РФ, специально посвященных основным правам и обязанностям работника и работодателя. «Права и принципы — это не одно и то же: принципы как категория идеальная не сводятся к правам и обязанностям лишь одного субъекта — работника. Принципы отрасли должны отражать формы взаимодействия прав и обязанностей работника и работодателя, их представителей, а не только работника... Более того, речь должна идти о фундаментальных принципах трудового права, играющих роль объединяющего начала в системе принципов правового регулирования, а не принципах отдельных институтов трудового права. Отметим, что и в настоящее время некоторые ученые, соглашаясь с разграничением принципов и основных трудовых прав, фактически их отождествляют» [3, с. 418–419].

Отмеченные замечания являются полностью обоснованными и, в силу имеющегося нормативного копирования, в значительной мере касаются подхода разработчиков Проекта ТКУ (ст. 3).

В данном случае разработчикам нового Трудового кодекса Украины важно принять во внимание существующие правила определения понятия «принципы трудового права» на уровне Кодекса: правовые (юридические) дефиниции представляют собой «сжатые логические определения, которые содержат в себе наиболее существенные признаки понятий, которые определяются. Раскрывая содержание понятия (термина), следует перечислять не все его признаки, а лишь наиболее важные. Такой подход предоставляет... возможность сформулировать правовую конструкцию достаточно полно, точно и в то же время экономно, не расплывчато... Норма, которая чрезмерно детализирована, похожа на перегруженный корабль, который глубоко осел и трудно поддается управлению. Перегруженный деталями и уточнениями закон также тяжелый для применения...» [7, с. 65, 68–69].

Мы солидарны с критикой известного теоретика права М. В. Цвика, который на примере анализа дефинирования такого понятия, как «нормативно-правовой акт», подчеркивает, что «замечание вызывает использование даже такого фактически господствующего в тексте действующих нормативных актов и юридической литературе термина, как «нормативно-правовой акт». Его употребление ведет к терминологическим избыткам и нарушению правил законодательной техники. Дело в том, что указание на правовой характер акта поглощает его определение как акта нормативного, потому использование термина «правовой акт» имеет безусловное преимущество как более экономное» [8, с. 58]. Поскольку в нашем случае идет речь о закреплении перечня и определении названия отраслевых принципов трудового права Украины на уровне базового нормативного акта — нового Трудового кодекса, указанные правила «экономности», избегания «терминологических избытков» являются методологически значимыми и не могут игнорироваться, как это делается разработчиками в содержании ст. 3 Проекта ТКУ.

Противоречивыми усматриваются и сентенции украинского исследователя О. Я. Лаврив. Автор сначала отмечает, что закрепленные в Проекте ТКУ «основные принципы» правового регулирования трудовых отношений являются «обобщенным отображением содержания *всей* системы отношений и *обеспечивают* единство процесса становления *всей* отрасли трудового права», а впоследствии предлагает, из-за отсутствия, дополнить отмеченный перечень основных принципов (начал) трудового права, среди прочего, таким принципом, как «обеспечение единства и дифференциации правового регулирования» [5, с. 17, 47]. Заметим, что если буквально следовать предложенной в данном случае О. Я. Лаврив логике рассуждений, то имеющиеся в Проекте ТКУ принципы сами по себе «обеспечивают единство процесса становления *всей* отрасли трудового права», но при этом один из базовых, наиболее «старый» [9, с. 53] отраслевой принцип («основного начала») — принцип единства и дифференциации трудовых отношений в перечне таких принципов (ст. 3 Проекта ТКУ) отсутствует.

На наш взгляд, вышеуказанный логический посыл О. Я. Лаврив в полной мере не отвечает ее категорическому выводу о том, что имеющийся в Проекте перечень принципов трудового права в существующем виде является «обобщенным отображением содержания *всей системы отношений* и *обеспечивает единство процесса становления всей отрасли* трудового права». Очевидно, что при наличии в Трудовом кодексе Украины — Основном Законе трудового права — неполного и потому ущербного перечня отраслевых принципов, последние (принципы) не могут безоговорочно квалифицироваться как то, что является «обобщенным отображением содержания *всей системы отношений*» и такое, что надлежит «обеспечивает единство процесса становления *всей отрасли* трудового права». Если это не так, то, кроме прочего, возникает вопрос о целесообразности и необходимости включения в ст. 3 Проекта ТКУ еще четырех, предложенных О. Я. Лаврив, отраслевых принципов, среди которых и принцип единства и дифференциации трудовых отношений.

Как известно, «закон непротиворечивости» в юридической герменевтике дополняется «законом исключенного третьего», сущность которого заключается в том, что из двух противоречивых суждений одно непременно является истинным, второе — ложным, а третьего быть не может. Это значит, что в предмете суждения (исследования, регулирования, охраны) отмеченный признак должен иметь место или отсутствовать. В правовом регулировании такое правило имеет определенное дополнительное значение: конструкции норм права строятся иногда в соответствии с универсальным логическим средством «или-или», что однозначно требует — нельзя одно и то же действие, состояние, предмет (объект) и тому подобное регулировать или формулировать по-разному. Наука подчеркивает, что *нормативный текст должен отличаться однозначностью*: разные слова не могут употребляться для выражения одного и того же понятия; одно и то же слово не может употребляться для выражения разных понятий [10, с. 10].

Противоречивыми правовые нормы, в том числе нормы-дефиниции, выступают тогда, когда они предлагают разные подходы по одному вопросу: «требование непротиворечивости означает обеспечение логической согласованности конкретного правового текста как в отношении его самого (внутренняя непротиворечивость), так и во внешнем плане — отношении субординации (нормы и решения низшего уровня общности не должны противоречить нормам и решениям высшего уровня общности), так и в отношении координации (нормы и решения разных отраслей права не должны противоречить друг другу)» [11, с. 171–172]. По закону непротиворечивости ни одно высказывание не может быть одновременно истинным и ложным, поскольку истинность и ошибочность это суть несовместимые вещи: одно и то же высказывание одновременно не может отвечать положению вещей в действительности и не отвечать ему, из двух противоречивых высказываний одно является ложным [11, с. 98]. Отсюда сознательное применение ложных (логически дефектных, противоречивых) аргументов при толковании содержания дефиниции правовых понятий (в нашем случае «принципы трудового права») является недопустимым.

В современной науке аргументируется, что «трудно найти двух авторов, которые сошлись бы в мысли относительно числа... принципов, не говоря уже об их содержании» [12, с. 50]. Категоричность последнего вывода является сомнительной, учитывая следующее. В свое время известный ученый А. И. Процевский доказал, что «метод правового регулирования общественных отношений, составляющих предмет трудового права, базируется на таких принципах: равенство сторон трудового договора; участие рабочих и служащих в регулировании отношений, возникающих в процессе трудовой деятельности» [13, с. 19]. Такую же позицию — в части признания первичности отраслевых «принципов» относительно «методов» трудового права — отстаивает и современный исследователь данной проблематики О. Я. Лаврив. Ученый, предикативно и категорически утверждая, что «существенным недостатком научных исследований по проблемам принципов трудового права является отсутствие дефиниции общепринятого понятия принципов трудового права. Ни в общей теории права, ни в теории трудового права не выработано единого подхода к определению понятия принципа и к пониманию его роли в регулировании общественных отношений», делает заключение: «...под принципами трудового права следует понимать руководящие, исходные положения, выраженные в этой отрасли права (с закреплением в нормах права или такие, которые выводятся из них), которые выражают ее единство, отображают основные подходы правового регулирования трудовых отношений и определяют общую направленность развития этой отрасли права» [5, с. 15–16].

Отдавая должное степени доктринальной осведомленности и категоричности последних приведенных суждений О. Я. Лаврив о новизне предложенного ею подхода, заметим, что концептуально таким же пониманием руководствуется и не первый год В. С. Венедиктов [14, с. 27] и другие авторы [16–17]. Отметим, что в 1998 г. российские исследователи В. И. Казанцев и В. Н. Васин, аналогично О. Я. Лаврив [5, с. 15–16], дефинировали понятие «принципы трудо-

вого права как «закрепленные в действующем законодательстве основополагающие руководящие начала и положения, определяющие единство трудового права, сущность правового регулирования и общую направленность развития данной системы правовых норм. Правовые принципы наряду с предметом и методом раскрывают особенности той или иной отрасли права, отличают ее от вторых отраслей и выступают систематизирующими признаками как отрасли права в целом, так и ее отдельных институтов» [17, с. 17]. Приведенный доктринальный подход представляется нам полностью обоснованным, а предложенная О. Я. Лаврив в 2009 г. дефиниция понятия «принципы трудового права» [5, с. 15–16] такой, что в действительности не имеет характера новеллы ни в отраслевой терминосистеме в целом, ни в структуре понятийного аппарата учения о принципах трудового права в частности.

Учитывая наличие ряда противоречий и логико-структурных дефектов в вышепроанализированной доктринальной интерпретации содержания отдельных отраслевых принципов, а также подходов, в том числе разработчиками нового Трудового кодекса Украины, к элементному составу современной системы принципов трудового права, можно прийти к следующему выводу. Попытки новеллизации имеющейся системы принципов трудового права, в том числе на уровне законотворческой деятельности, являются вполне обоснованными и своевременными, однако имеющаяся в современной доктрине тенденция к необоснованному расширению элементного состава системы отраслевых принципов трудового права является неконструктивной, иррациональной по своей сути, а потому является в целом отрицательной. Ключевую роль в установлении отраслевых принципов (компонентный аспект), соответственно построения их системы, следует отнести лишь к одному — главному критериальному признаку: принцип является исходным руководящим и основным положением, а потому должен рефлексировать наиболее существенные характеристики этой отрасли и проявляться в нормах всех отраслевых институтов.

Список использованных источников

1. Трудовое право России / под ред. С.П. Маврина, Е.Б. Хохлова. — М.: Юристъ, 2004.
2. Щербина, В.І. Значення нових принципів трудового права для захисту прав і законних інтересів працівників та роботодавців / В.І. Щербина // Форми соціально-правового захисту працівників у службово-трудовах відносинах: мат-ли наук.-практ. конф., м. Суми, 2–4 черв. 2005 р. — Харків: УАФТП, 2005. — С. 73–75.
3. Лушникова, М.В. Очерки теории трудового права / М.В. Лушникова, А.М. Лушников. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006.
4. Бугров, Л.Ю. К вопросу об основных принципах трудового права / Л.Ю. Бугров // Российский ежегодник трудового права. — 2005. — № 1. — С. 609–614.
5. Лаврив, О.Я. Основні засади правового регулювання трудових відносин за новим Трудовим кодексом України / О.Я. Лаврив // Кодифікація трудового законодавства України: монографія / за ред. Н.М. Хуторян [та ін.]. — Харків: ФІНН, 2009. — С. 14–48.
6. Проект Трудового кодексу України від 04.12.2007 за реєстраційним № 1108. — Режим доступу: gska2.rada.gov.ua/pls/zweb_n/webproc4_1?id=&pf_3511
7. Ковальський, В.С. Правотворчість: теоретичні та логічні засади: монографія / В.С. Ковальський, І.П. Козінцев. — Київ: Юрінком Інтер, 2005.
8. Цвік, М.В. Фундаментальні проблеми теорії права / М.В. Цвік // Антологія української юридичної думки: у 10 т. / редкол.: Ю.С. Шемшученко [та ін.]. — Київ: Юрид. книга, 2005. — Т. 10. — С. 49–63.
9. Трудове право України / П.Д. Пилипенко [та ін.]; за ред. П.Д. Пилипенка. — Київ: Ін Юре, 2003.
10. Титов, В. Юридична герменевтика з погляду сучасної формальної логіки / В. Титов, О. Марченко // Вісник Академії правових наук України. — 1999. — № 1. — С. 97–101.
11. Хоменко, І.В. Логіка для юристів / І.В. Хоменко. — Київ: Юрінком Інтер, 2001.
12. Фріс, П.Л. Кримінально-правова політика Української держави: теоретичні, історичні та правові проблеми: монографія / П.Л. Фріс. — Київ: Атіка, 2005.

13. Советское трудовое право / под общ. ред. А.И. Процевского. — Київ : Выща школа, 1981.
14. Венедиктов, В.С. Трудовое право Украины (Общая часть) / В.С. Венедиктов. — Симферополь, 2004.
15. Лавріненко, О.В. Теоретико-правове дослідження чинників розвитку та понятійного апарату вчення про принципи трудового права / О.В. Лавріненко // Проблеми правознавства та правоохоронної діяльності. — 2006. — № 3. — С. 279–292.
16. Лавріненко, О.В. Дефініція поняття «принципи трудового права»: теоретико-правовий аналіз / О.В. Лавріненко, П.Д. Проскуряков // Розвиток наукових досліджень '2006 : мат-ли II Міжн. наук.-практ. конф., м. Полтава, 27–29 лист. 2006 р. — Полтава : ІнтерГрафіка, 2006. — Т. 3. — С. 37–42.
17. Казанцев, В.И. Трудовое право / В.И. Казанцев, В.Н. Васин. — М. : Норма-М, 2005.

20.10.2011

УДК 347

И. А. Маньковский

ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ И ВИДЫ ПРАВА ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВОПОРЯДКЕ

Анализируются понятия, юридические и экономические предпосылки возникновения права общей собственности, исследуется его предназначение, проводится классификация по видам. Особое внимание уделяется рассмотрению содержания внутренних и внешних правоотношений, участие в которых субъектов права общей собственности обусловлено его спецификой.

Concepts, legal and economic preconditions of occurrence of the right of the general property are analyzed, its mission is investigated, classification by kinds is done. The special attention is given to consideration of the maintenance of internal and external legal relationship, participation in which legal subjects of the general property is caused by its specificity.

Вещи в различном своем проявлении выступают неизменными спутниками человека на протяжении всей жизни и имеют для него большое значение. В связи с этим государство, как система политического управления обществом, в процессе выполнения своей регулятивной функции создало посредством норм вещного права надлежащие правовые условия закрепления имущества, в первую очередь на праве собственности за конкретным индивидом и свободного, в допустимых правовыми нормами пределах, использования каждым членом общества принадлежащего ему имущества по собственному усмотрению.

Право собственности на определенную вещь в большинстве случаев принадлежит одному конкретному субъекту (является односубъектным), имеет своей целью создание надлежащих правовых условий беспрепятственного осуществления непосредственно этим субъектом правомочий собственника в отношении принадлежащей ему вещи, в связи с чем может быть классифицировано как индивидуальное право.

Вместе с тем общественные отношения, возникающие между членами социума в процессе производства, обмена и потребления материальных благ являясь по своей сути отношениями экономическими, не всегда могут динамично развиваться на основе односубъектного права собственности, то есть в условиях, когда право собственности на одну вещь принадлежит одному субъекту гражданского права, которому, как следствие, принадлежит право собственности на всю совокупность вещей, находящихся в его персональном хозяйственном господстве.

В отдельных случаях применение односубъектного права собственности может не соответствовать фактически складывающимся общественным отношениям, противоречить воле участвующих в них лиц, например принявших решение о совместном строительстве и дальнейшей хозяйственной эксплуатации объекта недвижимости.

Постоянно существующий и развивающийся в обществе процесс производства, обмена и потребления материальных благ в отдельных случаях требует закрепления одной вещи или их совокупности, представляющей собой единое целое (сложную вещь), на праве собственности за несколькими субъектами гражданского права. Это может обуславливаться: свойствами непосредственно самой вещи; потребностями хозяйственной эксплуатации имущества, направленной на достижение наиболее эффективного экономического результата; необходимостью справедливого (равномерного) распределения всего приобретенного имущества между несколькими субъектами в упрощенном порядке (по общему правилу) независимо от вклада каждого из них в накопление общего имущества; желанием нескольких субъектов совместно владеть, пользоваться и распоряжаться одной вещью или их совокупностью исходя из экономической целесообразности или по иным причинам морального (психического) свойства.

На удовлетворение потребностей субъектов гражданского права в совместном осуществлении правомочий собственника в отношении одной простой или сложной вещи направлены нормы гражданско-правового института «Право общей собственности», вхо-

дящего в состав подотрасли гражданского права «Право собственности и другие вещные права». Анализируемый институт состоит из совокупности правовых норм, закрепленных в главе 16 раздела 2 ГК, включающей 14 статей — ст. 246–259 ГК, а также норм, закрепленных в Кодексе Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. (ст. 23–26) и иных законодательных актах. Кроме того, на общественные отношения, возникающие в процессе совместного создания, приобретения, эксплуатации и отчуждения одной вещи несколькими субъектами гражданского права, распространяют свое действие общие нормы подотрасли гражданского права «Право собственности и другие права» главы 13 ГК.

Общественные отношения, возникающие в процессе осуществления несколькими субъектами хозяйственной эксплуатации одной вещи или их совокупности, называются отношениями общей собственности, которая согласно нормам п. 2 ст. 246 ГК классифицируется на общую долевую собственность и общую совместную собственность. Согласно видам общей собственности гражданско-правовой институт «Право общей собственности» подразделяется на два субинститута: «Право общей долевой собственности» и «Право общей совместной собственности», нормы которых направлены на урегулирование соответствующих групп общественных отношений, отличающихся особенностями осуществления правомочий собственника участниками общей долевой и общей совместной собственности.

Право общей собственности подлежит рассмотрению в объективном и субъективном смысле, что в целом присуще праву собственности, как основному вещному праву. Представленный подход к рассмотрению права общей собственности, то есть в объективном и субъективном смысле не является новым и достаточно давно используется в процессе проведения цивилистических исследований. Так, Р. П. Мананкова отмечает, что «по сложившейся традиции право собственности и в том числе право общей <...> собственности изучается в аспекте субъективного права собственника и как объективное право — совокупность правовых норм, закрепляющих экономические отношения собственности» [1, с. 8]. Н. И. Коваленко рассматривает право общей собственности в субъективном смысле как «право двух или более лиц сообща и по своему усмотрению владеть, пользоваться, распоряжаться принадлежащим им имуществом, составляющим единое целое» [2, с. 578].

В связи с изложенным нельзя согласиться с утверждением Д. А. Колбасина, согласно которому «право общей собственности существует лишь в объективном смысле <...>. Отсутствие субъективного права общей собственности как единого права всех собственников объясняется тем, что в общей собственности объектом субъективного права может быть только доля вещи, а не сама вещь» [3, с. 200]. Причем утверждение Д. А. Колбасина о том, что «в общей собственности объектом субъективного права может быть только доля вещи, а не сама вещь», также подлежит сомнению и опровергается, например Р. П. Мананковой, согласно утверждению которой «объектом правоотношений общей <...> соб-

ственности является имущество. <...> В конкретном правоотношении общей <...> собственности имеется только один объект, причем все собственники имеют однородные права собственности на весь объект в целом без разделения его на какие-либо части» [1, с. 46–53]. Аналогичную точку зрения высказывает Ю. К. Толстой, который полагает, что право каждого сособственника распространяется на всю вещь [4, с. 473], но не на долю в вещи или ее часть.

В объективном смысле право общей собственности представляет собой совокупность правовых норм, посредством которых государство регулирует общественные отношения, возникающие, с одной стороны, между двумя или группой субъектов гражданского права в процессе совместного использования принадлежащего им имущества, а с другой — между указанной совокупностью лиц, именуемой сособственниками и всеми третьими лицами, в процессе осуществления сособственниками принадлежащих им правомочий в отношении их собственной вещи.

Следовательно, право общей собственности в объективном смысле, то есть как совокупность правовых норм, направлено на урегулирование двух групп общественных отношений, возникающих в процессе осуществления правомочий собственника общим имуществом — внутренних и внешних.

Согласно верному утверждению Ю. К. Толстого, «общая собственность характеризуется переплетением отношений собственников ко всем третьим лицам, с одной стороны, и отношений между самими собственниками, с другой» [5, с. 437]. При этом Р. П. Мананкова обращает внимание на то, что подразделение правоотношений на внутренние и внешние носит условный характер и используется цивилистикой исключительно в аналитических целях [1, с. 12], причем не только при рассмотрении права собственности, но и при анализе отдельных институтов обязательственного права (например, поручение, комиссия).

Внутренние отношения возникают непосредственно между участниками общей собственности и являются согласно гражданско-правовой классификации правоотношений относительными, на что, в частности, указывает М. В. Зимелева, рассматривающая внутренние правоотношения как обязательственные, опосредующие процедуру взаимных расчетов участников общей собственности, осуществление которых обусловлено «особым лежащим на них обязательством» [6, с. 49]. Согласно утверждению Ю. К. Толстого, «необходимость урегулирования внутренних отношений между <...> сособственниками, поскольку эти отношения возникают на одно и то же имущество, и вызвала в первую очередь появление института общей собственности, т. е. правовых норм, рассчитанных на согласование воли сособственников при осуществлении принадлежащих им правомочий по владению, пользованию и распоряжению общим имуществом» [4, с. 471–472]. Согласно утверждению В. П. Камышанского, «характер внутренних отношений между сособственниками различается, в основном, в зависимости от вида общей собственности и содержания существующих соглашений между ними» [7, с. 520], что также указывает на относитель-

ный характер возникающих между сособственниками внутренних отношений.

Внешние правоотношения возникают между участниками общей собственности, с одной стороны, и неопределенным кругом лиц — с другой. Особенностью внешних отношений, согласно утверждению М. Г. Масевича, является множественность собственников, «выступающих совместно на одной стороне правоотношений, что предполагает предварительное согласование между ними целей их действий, т. е. предварительное определение внутренних отношений» [8, с. 464–465].

Внешние отношения согласно гражданско-правовой классификации правоотношений являются абсолютными, классифицируются как вещные и должны отвечать всем признакам, присущим вещным правоотношениям.

В субъективном смысле право общей собственности представляет собой совокупность правомочий собственника, принадлежащих участникам общей собственности и позволяющих им осуществлять в отношении своего имущества любые не противоречащие нормам права действия экономического и юридического характера, а также требовать от других (обязанных) лиц воздерживаться от совершения действий, препятствующих осуществлению управомоченными лицами принадлежащих им правомочий.

Право общей собственности подлежит применению в тех случаях, когда несколько субъектов гражданского права претендуют на то, чтобы приобрести право собственности на вещь, которая является неделимой в физическом смысле (неделимая вещь) либо может быть разделена в физическом смысле (совокупность нескольких вещей, образующих сложную вещь), но не подлежит разделу по причине потери своей ценности (экономической, художественной и т. п.), то есть потери своего целевого назначения, либо в силу запрета, установленного правовыми нормами.

В качестве примера сложной вещи для целей права общей собственности можно привести: любые коллекции, имеющие художественную, историческую и иную ценность (картин, марок, денежных знаков и др.); стадо домашних животных (коров, овец); упряжку ездовых собак и другие группы вещей, совокупность которых непосредственно представляет собой историко-культурную или экономическую ценность либо имеет единое предназначение.

К неделимым в физическом смысле относятся вещи, раздел которых в натуре без причинения ущерба вещи невозможен. К указанным относится огромное количество предметов материального мира, в том числе механические транспортные средства, электробытовые приборы, надувная лодка и многие другие вещи, окружающие человека в его повседневной жизни.

Правоотношения общей собственности, являясь вещными, возникают, как и другие вещные правоотношения, в результате наступления определенных жизненных обстоятельств, именуемых юридическими фактами. Правоотношение общей собственности может возникать как в результате совершения юридических фактов-действий, так и в результате наступ-

ления юридических фактов-событий. К правоотношениям общей собственности применимы все основания возникновения непосредственно правоотношения собственности как первоначальные, так и производные.

Вместе с тем момент возникновения правоотношений общей собственности, независимо от основы оснований возникновения, отличается от момента возникновения правоотношений собственности. Так, в качестве одного из оснований возникновения правоотношений общей собственности, по мнению Р. П. Мананковой, рассматривается совместное создание вещи [1, с. 138]. А. В. Витушко рассматривает право общей собственности как право нескольких лиц владеть, пользоваться и распоряжаться общим имуществом [9, с. 376], из чего следует, что правоотношения общей собственности, в целом, независимо от оснований, возникают с момента поступления одной вещи в фактическое владение нескольких субъектов, на что также указывает М. Г. Масевич, согласно утверждению которого общая собственность «образуется вследствие создания или приобретения имущества несколькими лицами при браке, наследовании имущества, при совместном строительстве объекта, договоре простого товарищества и т. п.» [8, с. 463].

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что правоотношение общей собственности возникает, когда имущество, на что указывает также К. И. Скловский, принадлежит как единое целое двум и более лицам независимо от того, классифицируется вообще имущество как делимая либо как неделимая вещь [10, с. 219], что нашло закрепление в ГК. Так, согласно нормам п. 4 ст. 246 ГК общая собственность возникает при поступлении в собственность двух или нескольких лиц имущества, которое не может быть разделено без изменения его назначения (неделимые вещи) либо не подлежит разделу в силу указания правовых норм. При этом общая собственность на имущество, классифицируемое согласно гражданско-правовой классификации вещей как делимое, может возникнуть в случаях, предусмотренных правовыми нормами или договором.

Изложенное позволяет в качестве оснований возникновения правоотношений общей собственности рассматривать следующие действия, совершенные совместно несколькими лицами: изготовление или приобретение одной вещи, не подлежащей разделу либо неделимой; совместное строительство дома с целью приобретения права собственности на него; участие в наследственном правоотношении по поводу неделимого либо не подлежащего разделу имущества; участие в договоре простого товарищества; совместное участие в приватизации квартиры; приобретение имущества лицами, состоящими в брачных отношениях, и другие аналогичные основания. На основании заключенного между субъектами гражданского права договора в общую собственность может поступить и совокупность вещей, раздел которых возможен как физически, так и в силу отсутствия законодательно установленного запрета.

Кроме того, правоотношения общей собственности могут возникнуть в силу наступления событий, рассматриваемых нормами гражданского права в качестве оснований возникновения правоотношений общей собственности. В частности, общая собственность может возникнуть на вещи, определяемые родовыми признаками, по причине их смешения вследствие воздействия стихийных сил природы. В качестве классического примера такого воздействия в юридической литературе приводится факт смешения леса одной лесосплавной организации с лесом другой в результате наводнения. Аналогичные последствия могут возникнуть в результате наступления смерча, урагана, под воздействием которых имущество одного собственника, например снопы льна, находящиеся в поле, смешалось с аналогичным имуществом другого собственника, находящемся на соседнем поле.

Нормами гражданского права конкретный перечень оснований возникновения права общей долевой собственности не установлен, что обусловлено многогранностью экономических отношений, являющихся предпосылкой возникновения имущества, следовательно, права собственности на него, постоянным их развитием и, как следствие, невозможностью изначально предвидеть все возможные жизненные обстоятельства, возникновение которых в экономической сфере может стать основанием возникновения права общей долевой собственности на вещь.

В отличие от права общей долевой собственности основания возникновения права общей совместной собственности исчерпывающе определены нормами ст. 23 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. К таким основаниям относится факт совместного приобретения (создания) имущества в собственность лицами, состоящими в браке независимо от того, на кого из супругов оно приобретено либо на кого или кем из супругов внесены денежные средства.

Первым конституирующим признаком отношений общей собственности является ее многосубъектный характер, то есть принадлежность одной вещи на одном праве собственности двум и более лицам (участникам отношений общей собственности), именуемым сособственниками. Применительно к понятию «правоотношение» следует вести речь о множественности лиц на управомоченной стороне правоотношения общей собственности.

Количественные ограничения участников применительно к отношениям общей долевой собственности правовыми нормами не установлены. В отличие от отношений общей долевой собственности отношения общей совместной собственности могут возникать только между двумя субъектами гражданского права, являющимися физическими лицами, состоящими в браке, то есть между супругами.

В качестве сособственников в отношениях общей долевой собственности могут участвовать любые субъекты гражданского права в любом их сочетании, в том числе иностранные. Причем физические лица могут участвовать в отношениях общей долевой соб-

ственности вне зависимости от объема их дееспособности, включая полное ее отсутствие.

Ограничения на приобретение права собственности на отдельные виды имущества для иностранных граждан, организаций и государств могут быть установлены правовыми нормами. Так, согласно нормам ст. 12 Кодекса Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. иностранные граждане и лица без гражданства могут приобрести в собственность земельный участок на территории Республики Беларусь только в порядке участия в наследственном правопреемстве при условии, что они являются родственниками наследодателя.

Применительно к правоотношениям общей долевой собственности следует вести речь об общем субъекте, а применительно к правоотношениям общей совместной собственности — о специальном.

В качестве объектов права общей собственности могут выступать любые вещи, не изъятые из гражданского оборота:

- применительно к праву общей долевой собственности — определенные индивидуальными либо родовыми признаками, непотребляемые, неделимые либо не подлежащие разделу в силу правовых норм или договора;
- применительно к праву общей совместной собственности — любые вещи, не изъятые из гражданского оборота и приобретенные супругами в период существования брачных отношений, за исключением вещей общего пользования, не являющихся драгоценностями и другими предметами роскоши (ст. 26 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье).

Таким образом, можно констатировать, что объектом права общей собственности является имущество, включая деньги и ценные бумаги на предъявителя. Такой подход к определению объекта права общей собственности имманентен вещному праву в целом, закреплен в ст. 246 ГК и находит подтверждение в юридической литературе. Так, А. С. Шевченко рассматривает в качестве объекта права общей собственности индивидуально-определенные вещи, вещи, определяемые родовыми признаками, совокупности вещей и имущественные комплексы. На имущество в качестве объекта права общей собственности указывают Р. П. Мананкова, Ю. К. Толстой, В. А. Витушко, В. П. Камышанский и другие авторы. Р. П. Мананкова указывает на существенную особенность права общей собственности, к которой относит «сочетание множественности субъектов с единством и нераздельностью объекта» [1, с. 53], которые (единство и нераздельность) принимаются юридически для целей права общей собственности даже в том случае, когда в общей собственности находится вещь делимая как в юридическом, так и в физическом смысле.

На основании изложенного *вторым конституирующим признаком* отношений общей собственности следует признать единство и нераздельность объекта, принадлежащего на праве собственности нескольким субъектам.

Третьим признаком правоотношений общей собственности, отличающим их от иных отношений

собственности, следует признать принадлежность всем сосособственникам единого права собственности на весь объект (их совокупность), характеризующегося принадлежностью каждому из сосособственников идентичных с другими участниками общей собственности правомочий применительно к объекту правоотношений общей собственности в целом.

Таким образом, «право собственности и другие вещные права» как подотрасль гражданского права включает правовые нормы, способные эффективно регулировать общественные отношения, возникающие в процессе создания (приобретения), использования и отчуждения одной вещи несколькими субъектами одновременно.

Список использованных источников

1. *Мананкова, Р.П.* Правоотношение общей долевой собственности граждан по светскому законодательству : монография / Р.П. Мананкова. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1977.
2. *Гражданское право : учебник : в 2 т. / Е.А. Суханов [и др.]; под ред. Е.А. Суханова.* — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : БЕК, 2002. — Т. 1.
3. *Колбасин, Д.А.* Собственность и право собственности: реальность и суждения : монография / Д.А. Колбасин. — Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2009.
4. *Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / О.Н. Садиков [и др.]; под ред. О.Н. Садикова.* — М. : КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 1998.
5. *Гражданское право : учебник : в 3 т. / А.П. Сергеев [и др.]; под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого.* — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : ПБОЮЛ; Л.В. Рожников, 2001. — Т. 1.
6. *Зимелева, М.В.* Общая собственность в советском гражданском праве / М.В. Зимелева. — М. : Учен. зап. ВИУН, 1941. — Вып. 2.
7. *Гражданское право : учебник : в 2 ч. / А.В. Барков [и др.]; под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова.* — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2011. — Ч. 1.
8. *Гражданское право России. Общая часть. Курс лекций / О.Н. Садиков [и др.]; под ред. О.Н. Садикова.* — М. : Юристъ, 2001.
9. *Витушко, В.А.* Гражданское право : учеб. пособие : в 2 ч. / В.А. Витушко. — Минск : Беларус. наука, 2007. — Ч. 1.
10. *Скловский, К.И.* Применение гражданского законодательства о собственности и владении: практические вопросы / К.И. Скловский. — М. : Статут, 2004.

19.09.2011

Е. Б. Палховская, А. В. Мартинкевич

ИНФОРСМЕНТ КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В условиях трансформации рынка труда и развития гибких и альтернативных традиционным форм занятости важность приобретает контроль за соблюдением трудовых прав работников со стороны государственных структур и профсоюзов. В статье анализируются ситуации принуждения работодателя к исполнению своих трудовых обязательств в отношении работника. Раскрывается деятельность судебной системы, Государственной инспекции труда и профсоюзов как основных посредников при разрешении трудовых споров. На базе данных социологического исследования выявляется наиболее предпочтительная по оценкам работников форма защиты трудовых прав.

In the conditions of transformation of a labor market and development of flexible and alternative traditional forms of employment importance gets control over observance of the labor law of workers from the state structures and trade unions. In the article situations of compulsion of the employer to execution of the labor obligations concerning the worker are analyzed. An activity of judicial system of State Labor Inspection and trade unions as basic intermediaries reveals at the permission of labor disputes. On a database of sociological research the most preferable comes to light by estimations of workers the form of protection of the labor law.

На современном этапе развития любого общества именно законодательство, обеспечивающее функционирование тех или иных социальных сфер, выступает залогом стабильности и гарантом безопасности. Не является исключением законодательство в области труда, которое обеспечивает функционирование всего рынка труда. Законом предоставляются все средства для защиты прав работников и работодателей. Но проблема всех законов (кодексов, постановлений) в том, что не всегда прописанные в них истины соблюдаются на практике, то есть существует вечное противоречие между известными латинскими выражениями «де-факто» и «де-юре». Практика свидетельствует, что работник, несмотря на широкие законодательно закрепленные возможности, оказывается беззащитным, а организации-посредники, призванные охранять его трудовые права, «лишь на бумаге» могут разрешить сложившиеся противоречия. Это приводит к необходимости постоянного зондирования положения работника, работодателя, а также различного рода государственных органов на предмет их эффективности в сфере защиты трудовых прав как работника, так и работодателя.

По мнению российских исследователей, вопросы регулирования социально-трудовых отношений и рынка труда все годы рыночных преобразований находились на периферии государственной экономической и социальной политики. Фактически за таким невниманием скрывалась стратегия их либерализации. Так, на российском рынке труда установился определенный баланс интересов работника и работодателя, когда у сторон отсутствуют либо заинтересованность, либо возможность нарушить существующее равновесие. Оно состоит в том, что значительная часть вопросов регулирования труда при взаимном согласии сторон выводится из-под действия норм, предусмотренных в российском трудовом законодательстве. На вопрос, к чему приведет либерализация рынка труда, какими последствиями может грозить снятие рамок, наложенных на трудовые отношения, ответ очевиден: либерализация рынка труда и следующая за ней реорганизация законодатель-

ства, которая подразумевает пересмотр комплекса норм, может привести к дисбалансу трудовых отношений. Это свидетельствует, что за формальной декларацией отношений партнерства между работником и работодателем скрываются отношения господства-подчинения.

Совокупность правовых норм, составляющих трудовое законодательство, способна либо ослабить расхождение между позициями работника и работодателя, либо усилить их. На практике трудовое законодательство реализуется через трудовые договоры, которые упорядочивают взаимоотношения между работником и работодателем.

В рамках трудового договора можно выделить ключевые имплицитную и эксплицитную стороны [1, с. 12]. Имплицитная отражает внутренний подтекст договора (то, что не писано). Акцент делается на молчаливое понимание и признание сторонами обязанностей, которые не подкреплены юридической и внешней защитой. Основа данной стороны договора — вера субъектов контракта в честность и порядочность друг друга. Эксплицитная представлена в виде пунктов (статей), зафиксированных в трудовом договоре в письменном виде.

Соотношение эксплицитной и имплицитной сторон определяет характер заключаемого договора и во многом определяется правовой культурой, общепринятыми нормами поведения работника и работодателя, корпоративным менеджментом, типом права, культурно-исторической традицией, типом фирмы. Однако объем реальных трудовых прав наемных работников определяется в основном волей работодателей, их правопослушностью, выгодностью для них следования трудовым нормам, а также характером взаимной (часто неформальной) договоренности работодателей с наемными работниками. Именно превалирование имплицитной стороны трудового договора создает благоприятную почву для возникновения инфорсмента в отношениях между работником и работодателем.

Использование английского термина *enforcement* в отечественной литературе обусловлено отсут-

ствием адекватного по своей лаконичности русского термина. Суть глагола «форсе», лежащего в корне данного термина, означает «принуждать», то есть принудительное применение права (закона), принудительное проведение в жизнь, принуждение к выполнению требований [2, с. 48].

В Беларуси феномен инфорсменты изучен не так глубоко, как в России. Российские ученые провели ряд крупных исследований по этому вопросу. Т. И. Заславская и М. А. Шабанова, ссылаясь на данные всероссийского опроса ВЦИОМ, пишут, что половина респондентов трудоспособного возраста указывают, что за последние 2–3 года их права нарушались. Почти три четверти россиян, считающих, что их права нарушаются, связывают это с характером трудовых отношений. Отчетливо осознают факт нарушения своих трудовых прав всего 35 % респондентов. Сильное расхождение между действительным и осознаваемым попаданием в неправовые ситуации авторы объясняют: 1. интерпретацией многими россиянами заведомо неправовых ситуаций не как нарушение своих прав, а как обычные «неприятности», «жизненные проблемы»; 2. отсутствием у работников достаточных знаний своих трудовых прав и желанием их постигать; 3. интерпретацией работником трудовых проблем вне контекста нарушений своих трудовых прав, если трудовая договоренность между работодателем и работником в момент приема на работу заведомо носила неправовой характер [3, с. 4].

Упростив в целях нашего исследования типологию инфорсменты российских ученых [2, с. 50], выделяем:

- *формальный инфорсмент*, основанный на формальных методах защиты (обращение в правозащитные организации);
- *неформальный инфорсмент*, аккумулирующий неформальные методы защиты (обращение за помощью к влиятельным знакомым, родственникам, СМИ, органам власти);
- *самоинфорсмент*, который может быть коллективным и индивидуальным (самозащита). Субъектами коллективного самоинфорсменты являются профсоюзы и трудовой коллектив. Самозащита, основанная на индивидуальных действиях работника, осуществляется с использованием переговоров, угроз, отказа от работы, игнорирования указаний руководства и других методов.

Основными субъектами-гарантами в качестве посредников при разрешении трудовых споров выступают: судебная система; Государственная инспекция труда; профсоюзы. Рассмотрим каждый из субъектов-гарантов.

Судебная система. В 2006–2010 гг. объемы гражданского правосудия возрастали за счет более активного использования гражданами судебной формы защиты нарушенных прав и своих законных интересов. Количество рассмотренных судами дел искового производства возросло на 21 тыс. споров. При этом абсолютное большинство заявленных требований (более 93 %) нашли подтверждение и удовлетворены судами [4]. Количество трудовых споров о взыскании заработной платы возросло в 1,3 раза и достигло 4 тыс. в 2010 г.; число дел о восстановлении на работе увеличилось в 1,6 раза (табл. 1).

Таблица 1

Абсолютные показатели деятельности судебной системы

Рассмотренные судами трудовые споры	2006 г.	2010 г.
Трудовые споры о восстановлении на работе	186	298
Трудовые споры о взыскании заработной платы	3 145	4 041
Нагрузка на одного судью возросла более чем в полтора раза (дел в месяц)	64	97

Источник: [4]

Согласно статистике Национального статистического комитета Республики Беларусь, уволенные работники составляют примерно 1/5 численности всего занятого населения (874,1 тыс. чел.) [5, с. 142]. Логично предположить, что какая-то часть увольнений происходила с нарушением трудового законодательства. Приведенные данные фиксируют рост формального инфорсменты с привлечением суда в качестве субъекта-гаранта. С одной стороны, подобную тенденцию можно связать с улучшением работы рассматриваемого субъекта-гаранта, а с другой — предположить, что возрос также спрос на услуги судебной системы.

Государственная инспекция труда (ГИТ). Департамент ГИТ действует под управлением Министерства труда и социальной защиты, выполняет функцию контроля за исполнением трудового законодательства. Центральное место в деятельности ГИТ занимает мониторинг за охраной труда; акцентирует внимание и на вопросах заработной платы, в частности, своевременности ее выплат.

Следует отметить тенденцию повышения количества проверок организаций, в том числе связанных с выплатами заработной платы. Важно, что возросло количество выявленных нарушений и предписаний на их устранение (табл. 2) [6].

Таблица 2

Абсолютные показатели деятельности ГИТ

Деятельность ГИТ	2006 г.	2010 г.
Количество проверок организаций (тыс.)	5,8	8,6
Количество выявленных нарушений (тыс.)	78,0	89,0
Количество выданных предписаний об устранении нарушений (тыс.)	5,6 5,6	7,0 7,0
Привлечено нанимателей к административной ответственности за нарушения законодательства о труде и об охране труда (тыс.)	2,9	3,2
Количество проверок, связанных с выплатами заработной платы (тыс.)	1,4	1,9

Источник: [6]

Профсоюз. На современном этапе профсоюзы не имеют права наложить вето на увольнение работника, они располагают ограниченными возможностями при участии в судебных рассмотрениях трудовых споров. Тем не менее профсоюзы обладают достаточным набором средств, с помощью которых могут осуществлять мониторинг и контроль за степенью соблюдения законов о труде.

Статистические данные о деятельности профсоюзных организаций в стране свидетельствуют, что общее число выявленных профсоюзами нарушений законов о труде увеличилось в 1,2 раза — с 26,7 тыс. до 32,2 тыс. (табл. 3) [7]. Это подтверждает, с одной стороны, снижение законопослушности белорусских работодателей, а с другой — усиление активности профсоюзов.

Таблица 3

**Общие характеристики
деятельности профсоюзов**

Деятельность профсоюзов	2006 г.	2010 г.
Количество нарушений трудового законодательства, выявленных профсоюзами (тыс.)	26,7	32,2
Количество работников, восстановленных на работе при содействии профсоюзов (тыс.)	1,5	2,0

Источник: [9]

Несмотря на наличие возможностей контроля за действиями работодателей и положительную динамику количества нарушений трудового законодательства, выявленных профсоюзами, экспертами критикуется ситуация, когда представитель профсоюза, призванный защищать права работников на предприятии, назначается из числа служащих предприятия путем коллективного голосования работников предприятия [8, с. 28]. Такое положение, с одной стороны, дает работнику (служащему) статус «надзирателя» за соблюдением прав других работников на предприятии, но, с другой — он как служащий остается зависимым от администрации предприятия, что оказывает существенное влияние на его деятельность как профсоюзного активиста.

Данные социологического исследования, проведенного в ноябре–феврале 2010–2011 гг. отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси¹, свидетельствуют, что 28,6 % работников отметили случаи нарушения их трудовых прав. Чаще других категорий респондентов с нарушением трудовых прав сталкивались рабочие (до 44,4 %) (табл. 4).

Таблица 4

Ситуации нарушения трудовых прав работников, %

Столкнулись ли Вы с ситуацией нарушения Ваших трудовых прав?	Руководитель и служащий	Специалист	Рабочий	Всего
Да	22,2	29,7	44,4	28,6
Нет	77,8	70,3	55,6	77,4

¹ Объектом исследования выступили работники электроэнергетической отрасли промышленности. Объем выборки — 510 чел. Выборка сформирована квотно-пропорциональным методом, позволяющим построить выборочную совокупность как модель, воспроизводящую структуру генеральной совокупности в виде пропорций работников по «полу», «профессиональному статусу» и «образованию». Предельная ошибка выборки по оценочным показателям, гарантированная с 95 %-ной вероятностью, не превышает ± 5 %. Выборка репрезентативна, что позволяет экстраполировать данные выборочного исследования на генеральную совокупность — работников электроэнергетической отрасли.

Так, 26,1 % респондентов в ходе защиты трудовых прав обращались за помощью в свой трудовой коллектив или профсоюз, 6,5 % — к влиятельным знакомым или родственникам; 4,3 % — в Государственную инспекцию труда, 3,3 % — в региональные и местные органы власти или суд.

На вопрос: *Какая организация способна наиболее эффективно защитить ваши трудовые права?* мнения респондентов распределились следующим образом: 35,3 % работников полагаются на суд; 23,1 % — на Государственную инспекцию труда; 15,6 % — на профсоюз; 0,6 % — на СМИ. Однако 25,4 % работников не верят в эффективность выше-названных организаций. Наиболее часто данную позицию выбирали специалисты (31,9 %), служащие (41,2 %) и квалифицированные рабочие (41,2 %).

Большинство респондентов (59,2 %) в ситуации разрешения трудовых прав к наиболее эффективным относят самостоятельное урегулирование проблем с использованием своих знаний о трудовых правах и обязанностях. 32 % работников при нарушении их трудовых прав эффективным называют отказ от работы; 6,3 % — угрозы руководству; 2,4 % — игнорирование указаний руководства. Чаще других категорий респондентов отказ от работы и угрозы администрации в качестве методов разрешения ситуаций, связанных с нарушением трудовых прав, выбирают рабочие.

Таким образом, наиболее часто выбираемым способом защиты трудовых прав является самозащита с использованием индивидуальных методов защиты: переговоры с работодателем; отказ от выполнения работы. Профсоюз и трудовой коллектив являются основными субъектами коллективной защиты работников. Однако лишь 15,6 % респондентов верят в эффективность деятельности профсоюза, что согласуется с данными исследования, проведенного социологическим центром ООО «Зеркало-Инфо»² (11,5 % респондентов отметили профсоюз как общественное объединение, соответствующее их интересам) [9]. Эффективное использование формальных (обращение в правозащитные организации) и неформальных (влиятельные знакомые, родственники, СМИ и т. д.) способов защиты напрямую зависит от профессионального потенциала работника (уровень образования, должностной статус). Чем выше профессиональный потенциал работника, тем успешнее результат разрешения трудового конфликта. Особого внимания требует соблюдение трудовых прав рабочих, поскольку данная социально-профессиональная группа часто не обладает необходимыми знаниями для самостоятельного урегулирования ситуаций, связанных с нарушением трудовых прав, не верит в эффективность профсоюза и других правозащитных организаций, однако способна на агрессивное отстаивание своих трудовых прав, выражающееся в отказе от работы и угрозах администрации.

² Объектом исследования выступили жители Республики Беларусь от 18 лет и старше. Объем выборки — 1 502 чел. Выборка сформирована квотно-пропорциональным методом. Предельная ошибка выборки по оценочным показателям, гарантированная с 98 %-ной вероятностью, не превышает ± 5 %.

В условиях трансформации рынка труда и развития гибких (фриланс [10]) и альтернативных традиционным (заемный труд [11]) форм занятости особую важность приобретает контроль за соблюдением трудовых прав работников со стороны государственных структур и профсоюзов. Однако эффективность использования формальных способов защиты, по оценкам респондентов, невысока. В примере Т. И. Заславской один предприниматель в интервью

точно выразил позицию многих работодателей: «Никакой трудовой кодекс не защитит моих сотрудников от меня...» [3, с. 17]. Основные причины нарушения трудовых прав наемных работников: несовершенство налогового законодательства; бедность; материальная и правовая незащищенность основных групп работников; низкий уровень правовой культуры работников и работодателей; нежелание работодателей в силу экономических и других причин соблюдать трудовые права работников.

Список использованных источников

1. Лапицкая, О.В. Особенности инфорсmenta трудового контракта на российском рынке труда: автореф. дис. ... канд. экон. наук / О.В. Лапицкая; Кемер. гос. ун-т. — Кемерово, 2006.
2. Курбатова, М.В. Выбор работниками способов защиты своих трудовых прав / М.В. Курбатова, Н.Ф. Апарина, Е.С. Каган // Социологические исследования. — 2009. — № 9. — С. 48–60.
3. Заславская, Т.И. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России / Т.И. Заславская, М.А. Шабанова // Социологические исследования. — 2002. — № 6. — С. 3–17.
4. Министерство юстиции Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Система юстиции в Республике Беларусь. — Минск, 2007–2011. — Режим доступа: http://www.minjust.by/ru/site_menu/deyat_min/courts_rb. — Дата доступа: 02.06.2011.
5. Статистический ежегодник Республики Беларусь. 2010 : стат. сб. / Нац. стат. к-т Респ. Беларусь; редкол.: В.И. Зиновский и [др.]. — Минск : УП Минстата «Главный вычислительный центр», 2010.
6. Охрана труда в Беларуси [Электронный ресурс] // Итоги работы Министерства труда. — Минск, 2007–2011. — Режим доступа: <http://www.otb.by/news/2133-itogi-raboty-ministerstva-truda>. — Дата доступа: 02.06.2011.
7. Федерация профсоюзов Беларуси [Электронный ресурс] / Центр охраны труда. — Минск, 2007. — Режим доступа: http://www.fpb.by/ru/menu_left/protection. — Дата доступа: 08.02.2011.
8. Рынок труда в Беларуси: общий обзор : отчет о НИР (заключ.) / ИПМ-CASE; рук. темы М. Валевский. — Минск, 2009. — № ГР 16571180254.
9. Федерация профсоюзов Беларуси [Электронный ресурс] / Центр охраны труда. — Минск, 2007. — Режим доступа: http://www.fpb.by/ru/menu_left/news. — Дата доступа: 08.02.2011.
10. Стребков, Д.О. Фрилансеры на российском рынке труда / Д.О. Стребков, А.В. Шевчук // Социологические исследования. — 2010. — № 2. — С. 45–55.
11. Козина, И.М. Заемный труд: социальные аспекты / И.М. Козина // Социологические исследования. — 2008. — № 11. — С. 3–12.

16.09.2011

Авторы выражают признательность профессору, доктору философских наук Г. Н. Соколовой, а также организаторам проекта HESP ReSET (Re)vision of social policy in post-Soviet space: ideologies, actors and cultures Центра социальной политики и гендерных исследований, особенно профессору, доктору социологических наук Е. Р. Ярской-Смировой и доценту, кандидату социологических наук Л. Л. Шпаковской за помощь в подготовке статьи.

УДК 658

Н. Н. Сечко

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РОЛЬ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА БЕЛОРУССКОМ РЫНКЕ ТРУДА

В Беларуси малому предпринимательству отводится значимая роль по обеспечению занятости населения и увеличению ее эффективности. В статье анализируется специфика функционирования субъектов малого предпринимательства в стране за 1991–2011 гг., определяются основные аспекты занятости в данном секторе. Обосновывается тезис, что в современных условиях социально-экономическая роль малых предприятий на белорусском рынке труда состоит в обеспечении занятости населения посредством создания в малом предпринимательстве новых рабочих мест, особенно в регионах и сельской местности, а также абсорбции излишней занятости на госпредприятиях и содействия социально безболезненной (без роста общей и структурной безработицы) трансформации структуры занятости.

In the article specificity of functioning of subjects of small business in Belarus for 1991–2011 is analyzed, the basic aspects of employment in the given sector are defined. The thesis is proved that in modern conditions the social and economic role of small enterprises on the Belarus labor market consists in maintenance of employment of the population by means of creation in small business of new workplaces, especially in regions and countryside, and also absorption of excessive employment on state enterprises and assistance socially painless (without growth of the general and structural unemployment) transformations of structure of employment.

Малое предпринимательство в Беларуси представляет собой развивающийся сектор экономики, постепенно увеличивающий вклад в основные социально-экономические показатели. В белорусском законодательстве до 2009 г. субъекты малого предпринимательства дифференцировались на основе численности работников и отраслевого разреза. «К субъектам малого предпринимательства отнесены юридические лица и предприниматели, осуществляющие свою деятельность без образования юридического лица, со среднесписочной численностью работников: в промышленности и на транспорте — до 100 человек; в сельском хозяйстве и научно-технической сфере — до 60; в строительстве — до 50; в других отраслях производственной сферы — до 30; в иных отраслях непроизводственной сферы — до 25 чел.» [1]. В соответствии с законодательством, действовавшим по 2008 год, малое предпринимательство в республике было представлено в двух формах: юридические лица (малые предприятия) и предприниматели без образования юридического лица (индивидуальные предприниматели).

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь «О некоторых мерах государственной поддержки малого предпринимательства» от 21.05.2009 г. № 255 были изменены критерии отнесения к субъектам малого предпринимательства. В соответствии с данным указом «к субъектам малого предпринимательства относятся: *индивидуальные предприниматели*, зарегистрированные в Республике Беларусь; *микроорганизации* — зарегистрированные в Республике Беларусь коммерческие организации со средней численностью работников за календарный год до 15 человек включительно; *малые организации* — зарегистрированные в Республике Беларусь коммерческие организации со средней численностью работников за календарный год от 16 до 100 человек включительно».

В связи с тем, что наибольшая численность занятых в секторе малого предпринимательства сосредоточена в микро- и малых организациях, основное внимание уделим именно их роли на белорусском рынке труда. Отличительными чертами микро- и малых организаций, предприятий (далее — МО) выступают:

- *производственные факторы*. Преимущества МО, по сравнению с крупными: меньшие сроки капитального строительства; меньший стартовый капитал, необходимый для их создания; меньшая длительность производственного (научно-производственного) цикла; низкий уровень накладных расходов. Недостаток МО, по сравнению с крупными — ограниченные возможности финансирования производственной и иной деятельности (внутренние — за счет собственных средств предприятия; внешние — за счет привлечения кредитов или государственных средств), так как большинство МО не обладает достаточными объемами основных промышленно-производственных средств, позволяющими использовать их как залоговое обеспечение по кредитам и займам;
- *организационно-управленческие факторы*. Преимущества МО, по сравнению с крупными: экономия на административно-управленческих расходах благодаря простоте и гибкости процедур управления; высо-

кая скорость принятия управленческих решений; способность к быстрой трансформации структуры занятости и производства в соответствии с изменениями рыночных условий.

Вследствие объединения, как правило, в одном лице собственника и управленца, руководители МО имеют более высокий, чем руководители крупных предприятий, уровень трудовой мотивации, заинтересованы в повышении эффективности работы предприятия и максимизации прибыли. В определенной мере МО вынуждены быть эффективными и успешными, чтобы обеспечить функционирование предприятия на рынке и занятость сотрудников. Меньшая численность занятых позволяет в большей мере отслеживать социально-экономические результаты деятельности персонала и применять дифференцированный подход при разработке систем оплаты труда и трудовой мотивации. Недостатки МО, по сравнению с крупными: меньшие финансовые возможности конкурировать на рынке труда за квалифицированные кадры; более узкая специализация персонала; отсутствие объединяющего эффекта от совместной деятельности множества структурных подразделений, позволяющего, в случае неэффективности какого-либо направления деятельности, компенсировать убытки за счет других направлений производственной деятельности.

Опыт транзитивных стран свидетельствует, что в ходе социально-экономических трансформаций роль сектора малого предпринимательства в экономике принципиально меняется. Развитие МО происходит через количественный рост численности хозяйствующих субъектов в сфере торгово-посреднической деятельности за счет аренды и госпредприятий площадей, приобретения изношенного, но еще жизнеспособного оборудования, то есть вовлечения в хозяйственный оборот и использования экстенсивных ресурсов страны. По мере формирования благоприятной институциональной среды возрастает доля МО в производственном секторе, они превращаются в специализированные предприятия, выполняющие инновационные разработки, оказывающие производственные и вспомогательные услуги крупным предприятиям, происходит формирование *малого инновационного предпринимательства*. В такой форме МО помогают процессам реструктуризации государственного сектора и способствуют ускорению инновационных процессов в экономике.

Социально-экономическая значимость малых предприятий определяется их функциональной ролью в экономике. *Социальная роль МО* заключается в содействии наиболее полной и эффективной занятости, оперативном использовании высвобождаемых трудовых ресурсов, что способствует оптимизации отраслевой структуры рынка труда и снижению социальной напряженности, сокращению государственных расходов на социальную защиту. В условиях становления инновационной экономики особую значимость приобретает инновационный аспект социальной роли МО, состоящий в активизации инициативной деятельности и максимальном использовании профессионально-квалификационного потенциала работников, развитии творческих, креативных способ-

ностей. *Экономическая роль МО* состоит в развитии диверсифицированной экономической структуры, вовлечении в производство местных сырьевых ресурсов и приватизированной собственности, освоении экономических ниш, недоступных или не привлекательных для крупных производителей. Инновационный аспект экономической роли состоит в повышении уровня инновационной активности предприятий за счет динамичного и гибкого реагирования на изменения как потребительского спроса, так и достижений научно-технического прогресса, в создании и рыночном освоении инноваций.

Становление и развитие малого предпринимательства в Беларуси начинается поэтапно с 1991 г. в период обретения экономического и политического суверенитета.

Первый этап (1991–1995 гг.). Из-за отсутствия системной правовой базы и инфраструктуры поддержки произошел быстрый, но стихийный рост численности субъектов малого предпринимательства (рис.). На конец 1995 г. в Беларуси было создано 35,8 тыс. малых предприятий, численность работающих в них составила 131,4 тыс. чел., или 2,98 % от численности занятого населения. Экономический вклад данного сектора экономики достиг 9 % ВВП. Однако в отраслевой структуре сектора преобладали предприятия торговли и общественного питания — 45,8 %, в промышленности было сосредоточено 16,5 % предприятий, в сфере связи — 0,2 %; кредитования и страхования — 0,8 % [2]. Ориентированность предприятий на торгово-посредническую деятельность и максимизацию личного потребления (в фонд оплаты труда перечислялось до 80 % полученных доходов) дестимулировала производственное накопление, инвестирование в повышение технического уровня производства, развитие высокотехнологичных секторов экономики.

Второй этап (1996–2000 гг.). Создание правовой сферы и установление государственного регулирования предпринимательской деятельности вызва-

ли в 1996 г. сокращение численности МО до 23,8 тыс. К 2000 г. динамика численности стабилизировалась, составив 28,3 тыс. субъектов малого предпринимательства, или 79,1 % от численности МО в 1995 г. (рис.). Численность занятых за данный период возросла на 1/3, составив 333,7 тыс. чел. Однако удельный вес убыточных малых предприятий возрос до 21,9 %, а вклад в ВВП снизился до 6,7 %. Качественного изменения отраслевой структуры сектора не произошло, доминирующими остались предприятия торговли и общественного питания — 42,7 %, численность малых инновационных предприятий в сфере «Наука и научное обслуживание» сократилась в 2 раза [3–4]. Созданная правовая сфера не стимулировала развитие и качественное преобразование МО, привела к ухудшению финансового положения предприятий.

Третий этап (2001–2006 гг.). Характеризуется консервацией численности и структуры сектора малого предпринимательства и ухудшением социально-экономических показателей деятельности в связи со сложностью процедур государственной регистрации и лицензирования, высоким уровнем налогообложения. На конец 2006 г. в Беларуси насчитывалось 37 660 малых предприятий, что составляет 3,8 предприятия на 1 000 жителей, в то время как в странах ЕС аналогичный показатель составляет не менее 30 предприятий. За данный период численность МО увеличилась на 1/3 (с 27 768 до 37 660 предприятий), а численность работников — на 1/4 (с 334 674 до 423 813 работников в среднем за год). Вклад сектора в валовой внутренний продукт за 2006 г. составил 8,8 %, увеличившись с 2000 г. всего на 2,1 % (в среднем прирост составил 0,35 % за год). За 2000–2006 гг. удельный вес убыточных малых предприятий возрос с 21,9 до 25,6 %, рентабельность реализованной продукции, работ и услуг снизилась с 15,5 до 13,3 % (табл. 1) [4–6].

Четвертый этап (2006–2011 гг.). Несмотря на финансово-экономический кризис, численность ма-

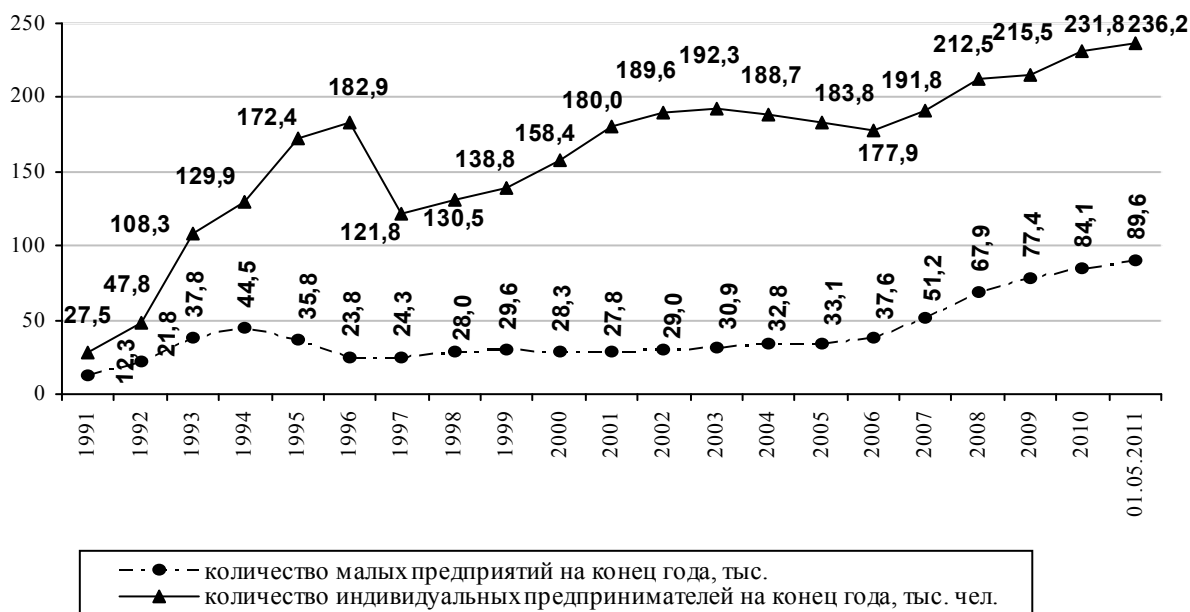

Рис. Динамика развития субъектов малого предпринимательства в Республике Беларусь в 1991–2011 гг.

лых предприятий увеличилась на 01.05.2011 г. до 89,6 тыс. Двукратное увеличение было обеспечено: 1. за счет того, что с 2006 г. как малые предприятия стали учитываться фермерские (крестьянские) хозяйства, ранее не подлежащие данному обследованию; 2. Указом Президента Республики Беларусь «Об утверждении положения о порядке создания индивидуальным предпринимателем частного унитарного предприятия и его деятельности» от 28.06.2007 г. № 302 была инициирована перерегистрация индивидуальных предпринимателей (ИП) в частные унитарные предприятия (ЧУП), так как с 01.01.2008 г. ИП было запрещено использовать труд наемных работников (кроме близких родственников). Таким образом, согласно указу был осуществлен перевод хозяйственной деятельности индивидуальных предпринимателей в иную организационно-правовую форму — унитарное предприятие, что обусловило увеличение численности малых предприятий, а также индивидуальных предпринимателей, так как ИП, которые не могли нести увеличивающееся налоговое бремя новой организационно-правовой формы (ЧУП), оформля-

ли своих наемных работников как ИП. Возрос и удельный вес занятых в малом предпринимательстве в общей численности занятых в экономике Беларуси до 20,4 %.

Однако произошедшие организационно-правовые изменения не обусловили улучшение показателей функционирования сектора: вклад в ВВП, объем промышленного производства, рентабельность реализованной продукции, работ и услуг выросли незначительно (табл. 1). Изменение структуры сектора происходит замедленно: наибольшая численность МО занята торгово-посреднической деятельностью (2001 г.— 42,8 %, 2011 г.— 40,9 %), наименьшая — в высокотехнологичных секторах экономики. Численность малых предприятий в приоритетных высокотехнологичных отраслях экономики практически не изменяется (в промышленности в 2001 г.— 21,1 %, в 2011 г.— 19,9 %; в строительстве в 2001 г.— 11,7 %, в 2011 г.— 10,7 %), в отрасли «Наука и научное обслуживание» сократилась в 4 раза, составляя менее 1 % структуры малых предприятий (2001 г.— 1,6 %, 2011 г.— 0,4 %) [7].

Таблица 1

Динамика удельного веса микро- и малых предприятий Беларуси в основных экономических показателях за 2000–2011 гг.

Показатели	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	01.01.2011
Число малых предприятий, тыс.	28,3	27,7	29,0	30,9	32,8	33,0	37,6	51,2	67,9	77,4	84,1
Валовой внутренний продукт, %	6,7	6,5	6,8	8,7	8,3	7,9	8,8	8,3	9,3	11,4	12,4
Объем промышленного производства, %	6,4	5,5	6,8	7,3	7,3	7,0	7,3	7,6	8,2	9,1	9,5
Рентабельность реализованной продукции, работ, услуг, %	15,5	9,9	9,8	11,1	12,1	10,6	13,3	13,7	17,1	13,5	13,2
Удельный вес убыточных предприятий, %	21,9	25,7	27,4	27,8	28,3	26,9	25,1	25,0	22,4	23,4	16,3

Анализ социально-экономического вклада сектора малого предпринимательства в функционирование белорусского рынка труда выявил, что на первом этапе (1991–1995 гг.) в Беларуси численность работающих на малых предприятиях, организациях составила 131,4 тыс. чел., или 2,98 % от численности занятого населения; на втором этапе (1996–2000 гг.) численность занятых возросла на 1/3, составив 333,7 тыс. чел.; за третий этап (2001–2006 гг.) численность работников МО увеличилась на 1/4 — с 334 674 до 423 813 работников в среднем за год. За четвертый этап (2006–2010 гг.) удельный вес занятых в секторе малого предпринимательства возрос до 20,4 % от общей численности занятых в экономике Беларуси, достигнув 773 362 чел. (табл. 2). По количеству занятых в отраслевом разрезе на начало 2011 г. лидируют предприятия торговли и общественного питания (30,4 % от общей численности занятых на микро- и малых организациях), промышленные (28,1 %) и строительные (17,0 %) организации.

Уровень регионального развития субъектов малого предпринимательства характеризуется значительной неравномерностью и концентрацией на начало 2011 г. большей части предприятий в г. Минске (37,0 %) и Минской области (16,0 %). Это обуслови-

вается наличием в столичном регионе развитой производственной инфраструктуры и квалифицированных кадров. В региональном разрезе малое предпринимательство развито недостаточно, большая часть МО сосредоточена в областных центрах и практически отсутствует в малых городах и сельской местности. В среднем по республике на 1 000 жителей приходится 18,2 малых предприятия, в то время как в странах ЕС аналогичный показатель составляет не менее 30 предприятий. В Республике Беларусь наибольший уровень деловой активности присущ столичному региону: в г. Минске — 32,8 малых предприятий на 1 тыс. постоянного населения в трудоспособном возрасте, в Минской области — 19,3 предприятий. Наименьший уровень деловой активности наблюдается в Гомельской области — 11,8 малых предприятий на 1 тыс. постоянного населения в трудоспособном возрасте. В 2008 г. в Брестской, Витебской, Гродненской и Могилевской областях этот показатель составил около 13 малых предприятий на 1 тыс. населения [7]. В столице и столичном регионе сосредоточено более половины занятых (53,5 %) в секторе малого предпринимательства, а в регионах численность привлеченных трудовых ресурсов гораздо ниже — 65–86 тыс. чел. в каждой области (см. табл. 2).

Средняя численность работников микро- и малых организаций Беларуси, чел.

Регионы	2007 г.	2008 г.	На 01.01.2010 г.					
			всего		микроорганизации		малые организации	
			чел.	%	чел.	%	чел.	%
Республика Беларусь	641 349	775 812	773 362	100	309 932	100	463 430	100
Брестская	64 580	86 711	86 901	11,2	34 148	11,0	52 753	11,4
Витебская	58 548	70 659	70 865	9,2	28 282	9,1	42 583	9,2
Гомельская	59 403	72 004	71 038	9,2	28 144	9,1	42 894	9,2
Гродненская	52 306	65 767	65 290	8,4	26 282	8,5	39 008	8,4
г. Минск	269 967	311 261	301 523	39,0	121 647	39,3	179 876	38,8
Минская	81 765	104 594	111 884	14,5	44 765	14,4	67 119	14,5
Могилевская	54 780	64 816	65 861	8,5	26 664	8,6	39 197	8,5

Именно в регионах Беларуси и сельской местности, где отсутствует крупное производство, много моногородов с 1–2 градообразующими предприятиями, наиболее сложная обстановка на рынке труда и наиболее высок уровень зарегистрированной безработицы. Так, на 01.05.2011 г. уровень зарегистрированной безработицы в целом по республике составлял 0,7 % к численности экономически активного населения, при этом в Минске — 0,3 %, в Брестской области в Ганцевичском районе — 1,5 %, в Кобринском районе — 1,3 %, в Витебской области в Поставском, Полоцком и Лепельском районах — по 1,3 %, в Гомельской области в Рогачевском районе — 1,3 %, в Буда-Кошелевском и Лоевском — по 1,2 % [8]. В Ганцевичском районе на начало 2010 г. было 88, а в Минске — 26 646 малых и микроорганизаций [9]. Позитивное влияние предпринимательского сектора на рынок труда очевидно. Согласно результатам республиканского социологического мониторинга Института социологии НАН Беларуси в 2008 г. 74,3 % белорусского населения считало, что предприниматели создают новые рабочие места, новые предприятия, организации, обеспечивая население товарами, услугами, а в молодежной группе (18–29 лет) с данной точкой зрения были согласны 86,7 %. При наличии благоприятных условий хотели бы заниматься предпринимательской деятельностью около 1/3 населения (27,2 %), а среди молодежной группы — каждый второй (48,9 %).

Первоочередной задачей в Государственной программе содействия занятости населения Республики Беларусь на 2011 год предусмотрено содействие безработным в обучении и организации предпринимательской деятельности, самозанятости, обеспечение занятости населения в городах и районах с устойчиво высоким уровнем безработицы. В 2010 г. оказана финансовая поддержка в организации собственного дела 1 284 безработным, в 2011 г. субсидии из средств Фонда для организации предпринимательской деятельности и самостоятельной занятости смогут получить более 3 тыс. безработных. В целом эти мероприятия являются позитивными, однако для активизации роли малого предпринимательства на рынке труда одного выделения субсидий и реализации программ обучения основам предпринимательской деятельности недостаточно. Как показывает практика европейских стран, гораздо

большой эффект дает создание благоприятных институциональных условий ведения бизнеса, стимулирующих создание новых предприятий и рабочих мест, а также увеличение численности занятых на уже функционирующих организациях.

Малое предпринимательство в Республике Беларусь представляет собой перспективно развивающийся сектор экономики, постепенно увеличивающий свой вклад в основные социально-экономические показатели. Основные цели и задачи по развитию предпринимательства в Беларуси в 2006–2010 гг.: доведение доли малого и среднего предпринимательства в общем объеме выручки, полученной в народном хозяйстве от реализации товаров и услуг, до 30 %; количества юридических лиц — субъектов малого и среднего предпринимательства — до 44–46 тыс.; численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая численность индивидуальных предпринимателей, — до 23–25 % от общей численности экономически активного населения. В определенной мере часть этих показателей была достигнута, однако численность занятых в данном секторе экономики, несмотря на предпринимаемые меры, не превысила 20 %, особенно проблемной ситуация с занятостью остается в регионах. В 2011–2015 гг. предполагается усилить социально-экономическую роль малого и среднего предпринимательства на белорусском рынке труда, в том числе по созданию новых рабочих мест субъектами малого и среднего предпринимательства в поселках городского типа и городах районного подчинения.

Результаты анализа развития и функционирования сектора малого предпринимательства в Беларуси свидетельствуют, что при создании должных институциональных условий функционирования малые предприятия и организации способны реализовать свою социально-экономическую роль на белорусском рынке труда, состоящую, во-первых, в обеспечении занятости населения посредством создания в секторе малого предпринимательства новых рабочих мест, особенно в регионах и сельской местности; во-вторых, в повышении эффективности занятости посредством абсорбции излишней занятости на госпредприятиях и содействия социально безболезненной (без роста общей и структурной безработицы) трансформации структуры занятости.

Список использованных источников

1. О государственной поддержке малого предпринимательства в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 16 окт. 1996 г. № 685-XII. — Минск, 1996. — С. 2–3.
2. Статистический ежегодник. Народное хозяйство Республики Беларусь. 1995 : стат. сб. / Минстат Респ. Беларусь. — Минск : Информстат Минстата Респ. Беларусь, 1996. — С. 57, 76.
3. Статистический ежегодник Республики Беларусь. 1997 : стат. сб. / Минстат Респ. Беларусь. — Минск : Информстат Минстата Респ. Беларусь, 1997. — С. 88.
4. Малое предпринимательство Республики Беларусь. 2006 : стат. сб. / Минстат Респ. Беларусь; редкол.: И.А. Костевич и [др.]. — Минск : УП Минстата «Главный вычислительный центр», 2006. — С. 7–9.
5. Малое предпринимательство Республики Беларусь. 2003 : стат. сб. / Минстат Респ. Беларусь. — Минск : УП Минстата «Главный вычислительный центр», 2003. — С. 8.
6. Основные показатели деятельности малых предприятий Республики Беларусь. 2007 : стат. сб. / Минстат Респ. Беларусь; редкол.: И.А. Костевич и [др.]. — Минск : УП Минстата «Главный вычислительный центр», 2007. — С. 8–9.
7. Число малых предприятий по отраслям экономики [Электронный ресурс] / М-во экономики Респ. Беларусь. — Минск, 2011. — Режим доступа: http://www.economy.gov.by/ru/small_business. — Дата доступа: 17.07.2011.
8. Динамика уровня безработицы в 2010–2011 гг., % [Электронный ресурс] / М-во труда и соц. защиты Респ. Беларусь. — Минск, 2011. — Режим доступа: http://www.mintrud.gov.by/ru/activity/populbusy/new_url_1642165533. — Дата доступа: 17.07.2011.
9. Малое предпринимательство в Республике Беларусь. 2010 : стат. сб. / Нац. стат. к-т Респ. Беларусь; редкол.: И.А. Костевич и [др.]. — Минск : РУП «Информационно-вычислительный центр Национального статистического комитета РБ», 2010. — С. 50, 222.

15.07.2011

С. Е. Королева

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ «НОВОЙ» ЭКОНОМИКИ

Среди многообразия форм собственности значительный удельный вес занимает интеллектуальная собственность, основой которой выступают интеллект, знания, опыт, предвидения. В статье прослеживается развитие понятия «человеческий капитал» в контексте его анализа как главного фактора экономического развития страны. Аргументируется тезис, что таковым он становится в зависимости от долгосрочных вложений в человека в виде таких затрат, как образование, здравоохранение. Подчеркивается роль человека в общественном производстве в связи с усилением роли образования — основного ресурса и источника формирования высокоразвитой рабочей силы.

Among variety of patterns of the ownership considerable relative density is occupied with the intellectual property which basis act intelligence, knowledge, experience, prediction. In the article the concept development "the human capital" in the context of its analysis as a primary factor of economic development of the country is traced. The thesis is given reason that it becomes depending on long-term investments into the person in the form of such expenses, as formation, public health services. The role of the person in a social production in connection with strengthening of a role of formation — the basic resource and a source of formation of advanced labor is underlined.

Через призму теории человеческого капитала образование стало рассматриваться во многих странах как решающий источник экономического роста, инструмент смягчения экономического неравенства и средство борьбы с безработицей. В связи с этим произошел коренной пересмотр в политике современных государств. Джон Стюарт Милль писал: «Самого человека... я не рассматриваю как богатство. Но его приобретенные способности, которые существуют лишь как средство и порождены трудом, с полным основанием, я считаю, попадают в эту категорию. Мастерство, энергия и настойчивость рабочих страны в такой же мере считаются ее богатством, как и их инструменты и машины» [1].

Основатели теории человеческого капитала — американские экономисты Г. Беккер, Т. Шульц и их последователи — трактуют человеческий капитал как имеющийся у каждого запас знаний, способностей и мотиваций, которые влияют на рост производства и доходов. Они ввели в экономический анализ дополнительный фактор. Представители классического экономического направления, как известно, исходили из так называемого функционального распределения доходов по трем факторам: труду, земле и «обычному» капиталу. Согласно новой концепции к распределению подключается человеческий капитал. На первый план выдвигалось личное присвоение соответствующей части дохода обладателем этого «четвертого фактора».

Экономический подход к человеку и его рациональному поведению, осуществляемый в рамках концепции человеческого капитала, широко используется в практике рыночного хозяйствования развитых стран. Многие зарубежные и российские ученые рассматривают инвестиции в сферу образования как важный вид капиталовложений и один из главных источников умножения национального богатства. В статье Р. И. Капелюшникова, И. М. Албеговой,

Т. Г. Леоновой, Р. Г. Емцова и П. Найта «Человеческий капитал России: проблемы реабилитации» человеческий потенциал России, ее высокообразованная рабочая сила выступают более ценными производительными ресурсами, чем устаревший и сильно изношенный основной капитал. Известный российский ученый А. А. Кокошин отмечает, что в России не был использован такой ресурс, как человеческий капитал, а ведь именно он отличает Россию от любой развивающейся и практически каждой восточноевропейской страны.

Такое же положение с использованием человеческого капитала характерно для Республики Беларусь. Задача государства — вывести человеческий потенциал из латентного состояния и активизировать за счет целенаправленного развития высокотехнологичных отраслей экономики.

В развитых странах повышение продолжительности образования на 1 год ведет к увеличению ВВП на 5–15 %. Вместе с тем многие теоретики человеческого капитала усматривали эффект образования не только в абсолютных размерах дохода, но и в быстром приросте человеческого капитала и валового внутреннего продукта в результате инвестиций на образование. Одним из первых размеры человеческого капитала в США рассчитал в начале 60-х гг. XX в. Т. Шульц, умножая стоимость одного года обучения каждого уровня (с учетом упущенных заработков) на число человеко-лет образования, накопленных населением к тому или иному времени. По его расчетам, в 1969 г. образовательный капитал, воплощенный во всем населении, составлял 1 307 млрд долл.; образовательный капитал, воплощенный в рабочей силе, — 873 млрд, а воспроизводимое материальное богатство — 1 617 млрд долл. С 1929 по 1969 г. темп роста фонда образования опережал темп роста физического капитала примерно в 2 раза и соответственно составил 4,1 и 2 % [2].

Подобные расчеты, но по иной методике и с других позиций, осуществил известный российский специалист по экономическим проблемам образования В. Марцинкевич. По его подсчетам, фонд образования рабочей силы США в 1983 г. достиг 2,1 трлн долл., фонд образования населения — 2,7 трлн, а вещественное национальное богатство — около 4 трлн долл. За 1952–1983 гг. в США фонд образования в расчете на одного занятого вырос в 3,8 раза, а физическая капиталовооруженность в частном секторе — в 2,3 раза. Уровень образовательной фондовооруженности одного американского работника (по издержкам на него) в 1983 г. составлял 21,5 тыс. долл., а его вооруженность вещественным капиталом — 15,3 тыс., то есть была почти на треть ниже.

Очевидно, что судьба не только отдельного человека, но и той или иной страны будет зависеть от образовательного уровня населения. В развитых странах 60 % прироста национального дохода определяется приростом знаний и образованности общества. Американские ученые подсчитали величину ВВП, производимого работниками, имеющими образовательный ценз в 10,5, 12,5 и более 14 лет, и определили, что именно третья группа дает свыше половины ВВП. Подобные исследования несколько лет назад проводились в нашей стране. Результаты были сходными: люди с высшим образованием, составляющие четверть работающих, производили 56 % стоимости национального дохода.

Человеческий капитал как экономическая категория может быть раскрыт в полной мере при соблюдении ряда необходимых условий. Среди них на первое место можно поставить научную методологию анализа этого сложного явления. Лишь при таком подходе удастся преодолеть поверхностную характеристику понятия «человеческий капитал» и осознать, что в нем зеркально отразились глубинные изменения в производственных отношениях, которые произошли в XX в. в развитых странах мира.

Руководствуясь принципом органичного сочетания исторического и логического подходов в процессе экономического исследования, надо учитывать процесс зарождения не только человеческого капитала, но и капитала вообще. В категории человеческого капитала необходимо видеть то, что присуще капиталу в целом, а также специфические свойства, характерные именно для человеческого капитала.

Капитал представляет собой фундаментальную категорию рыночной экономики, базирующейся на использовании наемного труда. Термин «капитал» многозначен. Под капиталом подразумевается определенный запас материальных благ, денег, вещественный фактор производства, человеческие знания и способности. Классики политической экономики рассматривали эту категорию как средство производства. Для физиократов капиталом была земля, для А. Смита и Д. Рикардо — все средства производства (накопленный и овеществленный труд) [3]. Такую классическую трактовку разделяли многие известные экономисты XX в. По мнению П. Самуэльсона и У. Нордхауса, «капитал состоит из благ длительного пользо-

вания, созданных экономикой для производства других товаров».

Аналогично трактуется понятие «капитал» рядом нынешних российских экономистов. В Современном экономическом словаре капитал определяется: «в широком смысле — это все, что способно приносить доход, или ресурсы, созданные людьми для производства товаров и услуг. В более узком смысле — это вложенный в дело источник дохода в виде средств производства (физический капитал)» [4].

В этой связи можно вспомнить К. Маркса, который показал, что капитал — это не просто сумма материальных и производственных средств производства. Последние сами по себе столь же мало являются капиталом, как золото и серебро сами по себе — деньгами. «Капитал — это не вещь, а определенное общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества *производительное отношение*, которое представлено в вещи и придает этой вещи специфический общественный характер» [5].

Опираясь на теорию трудовой стоимости, К. Маркс открыл двойственный характер труда, создающего товар как единство двух противоположных свойств, размежевал понятия «труд» и «рабочая сила». Он показал, что товаром является не труд, а рабочая сила, которая имеет особую стоимость, и т. д.

Ту часть капитала, что тратится на приобретение средств производства, Маркс именовал постоянным капиталом, поскольку она в процессе производства не меняет величины стоимости. Своим конкретным трудом работники не только создают определенные товары, но и переносят на них стоимость используемых элементов вещественного капитала. Тем самым предпринимателю обеспечивается возмещение этой части капитала в неизменном размере.

По-иному ведет себя другая часть капитала, направляемая на покупку рабочей силы. Ее владелец абстрактным трудом создает новую стоимость, превышающую стоимость рабочей силы и приносящую прибыль работодателю. Эта часть капитала называется переменным капиталом. Только живой человеческий труд — творец новой стоимости. Он же воскрешает и накопленный в средствах производства прошлый труд. Вот почему переменный капитал с полным правом может называться человеческим. Но с некоторыми оговорками.

Современная реальность показала несовместимость двух начал в учении К. Маркса: глубокого анализа фундаментальных категорий товарно-капиталистического строя и неоправданной идеологической направленности на его уничтожение. Видный американский специалист по современной экономической мысли Б. Селигмен считает: «Марксово определение капитала как отношения между людьми обладало большими достоинствами». Он утверждает, что это безвозвратно утеряно в теориях Фишера и Найта, что оставляет впечатление об их апологетическом характере [6].

Современные западные экономисты рассматривают эффект от вложений в человека как нечто самостоятельное, оторванное от самого процесса

труда. За первоисточник производительного результата ими выдаются инвестиции как таковые, а не человеческий труд. С данными утверждениями трудно согласиться.

Капиталовложения в человека при всей их важности формируют лишь способности человека к труду, но без живого труда они не реализуются, а значит, стоимости не создают и не сохраняют.

Наиболее удачным надо признать определение человеческого капитала, предложенное С. Дятловым. Он рассматривает человеческий капитал с позиции функционального анализа экономических явлений как «сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком определенный запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно используются в той или иной сфере общественного воспроизводства, содействуют росту производительности труда и эффективности производства и тем самым влияют на рост заработков (доходов) данного человека» [7].

В качестве комбинированной социально-экономической категории человеческий капитал выражает многоликость тех существенных перемен, которые произошли и получают дальнейшее развитие в системе общественного производства. Это касается заметных изменений в самом человеке как главной производительной силе и социальном субъекте общества. Если в доиндустриальный и индустриальный периоды преобладающим был простой физический труд, то теперь господствует умственный труд высокообразованных людей. Известный английский экономист конца XIX — начала XX в. А. Маршалл писал, что «численность работников физического труда в четыре или пять раз превосходит численность всех остальных собственников». Сейчас же более 50 % экономически активных граждан развитых стран заняты не физическим, а умственным трудом, а в США их свыше 2/3. Интеллектуальный труд стал господствующим видом труда.

Такой труд есть осознанная деятельность людей по производству, развитию, усвоению, сохранению, распространению и практическому использованию знаний. В зависимости от способа их использования выделяют два вида знаний. Первый — кодифицированное знание, которое записывается и без утраты передается на различных носителях в виде символов, формул, информационных текстов. Второй — знания, воплощенные в человеке, то есть совокупность индивидуальных знаний, навыков, способностей, инновационных черт характера.

В зависимости от содержания и функционального назначения выделяются две группы знаний: общественно новые и субъективно новые. Общественно новые — знания, которые раньше не были известны обществу; создаются главным образом научными работниками в сфере науки и образования, а также в наукоемких отраслях обычного производства. Субъективно новые — знания, которые прежде были неведомы исполнителям умственного труда. Они по своему объему намного превосходят первую группу и непрерывно постигаются в первую очередь в обла-

сти образования, культуры, искусства. Эти знания систематически осваиваются не только педагогами, но и обучающимися в образовательных учреждениях и путем самообразования.

Знания и интеллект, на качественное формирование которого они воздействуют, относятся к не вещным, «живым» средствам труда. Они становятся интеллектуальными средствами производства прежде всего в духовном производстве. Так, для образования как стержневой составной части интеллектуального производства особенно важны интеллект и знания, «живым» средствам труда здесь принадлежит определяющая роль. Однако и в ряде отраслей материального производства эти не вещные элементы производительных сил начинают играть все большую роль.

К числу важнейших современных экономических закономерностей, свойственных различным странам, относится процесс интеллектуализации экономики и других сторон социальной жизни. Проявляется этот процесс двояко: возрастает роль таких отраслей социальной сферы, как образование и наука; усиливается значение интеллектуальной деятельности внутри других отраслей народного хозяйства. Обе эти тенденции способствуют формированию и совершенствованию образовательного, профессионального, научного, духовного потенциала общества и являются важнейшими факторами социально-экономического прогресса.

В организационной связи с упомянутыми переменами просматриваются и другие позитивные сдвиги: изменение пропорций между физическим и не вещественным капиталом в пользу последнего, между материальным и духовным производством; сокращение доли материальных благ и увеличение доли услуг в ВВП. Имеющиеся расчеты показывают, что в составе национального богатства мира доминирует человеческий капитал, на который приходится 2/3. Более того, в странах Северной и Центральной Америки, Западной Европы и Восточной Азии его доля достигает 3/4.

Зарубежные специалисты в конце XX в. предприняли попытку сформулировать новые цели и задачи развития человечества. Они переместили акценты с темпов экономического роста на устойчивое развитие человека. Тем самым был предложен принцип, согласно которому «экономика существует для развития людей, а не люди — для развития экономики».

Специализированная международная организация Программа развития ООН (ПРООН) с 1990 г. выпускает ежегодные доклады о развитии человека. Измерение развития человеческого потенциала стало одной из важных проблем, находящихся в центре внимания экономистов многих стран. Используется такой обобщающий показатель, как индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Индекс развития человеческого потенциала служит для определения среднего уровня прогресса той или иной страны по трем основополагающим критериям развития человека — продолжительности жизни, знаниям и уровню жизни (табл.).

Индекс развития человеческого потенциала для Беларуси

Годы	Ожидаемая продолжительность жизни, лет/индекс	Благосостояние (среднедушевой ВВП), (ППС в долл. США)	Индекс уровня образования	ИРЧП
2001	69,6/0,725	4 959	0,927	0,768
2002	68,0/0,717	5 320	0,945	0,775
2003	68,5/0,725	5 828	0,945	0,783
2004	69,0/0,733	6 644	0,945	0,793

Источник: Доклад о развитии человека за 1999, 2003–2005 гг.

Данные таблицы свидетельствуют, что итоговое значение индекса ИРЧП (по методике ПРООН) для Беларуси за 2000–2004 гг. выросло на 25 пунктов, с 0,768 до 0,793.

В Республике Беларусь доля государственных расходов на развитие образования в 2003 г. составляла 6,6 % от ВВП (1990 г.— 4,3 %, 2002 г.— 6,8 %), что сопоставимо с мировыми показателями (Швеция — 7,8 %, Франция — 5,8 %, Германия — 4,6 %, Канада — 5,5 %, Польша — 5 % по предварительной оценке ЮНЕСКО). Индекс уровня образования составил 0,950 и сравнивался с такими странами, как Швейцария, Польша и Латвия. Беларусь по этому показателю удерживает лидирующие позиции среди стран СНГ (Россия, Украина — 0,930, Казахстан — 0,920, Узбекистан — 0,910). Намечается повысить индекс уровня образования в стране к 2010 г. до 0,96, а к 2020 г.— до 0,98 против 0,95 в 2003 г.

Вместе с изменением в производительных силах происходят существенные изменения в социаль-

но-экономическом строе, прежде всего в отношениях собственности. Для нынешнего этапа развития характерны не только смешанная экономика, многообразие форм собственности, но и значительный удельный вес интеллектуальной собственности. Под ней подразумевают социально-экономические и правовые отношения по поводу владения, распоряжения и использования продуктов интеллектуального труда. Основой этой собственности выступают интеллект, знания, опыт и предвидения. Интеллектуальная собственность превращается в главную разновидность собственности, поскольку продуктивное использование в производстве знаний, инновационных и творческих способностей становится решающим фактором экономического роста.

Таким образом, главным фактором социально-экономического развития на современном этапе является человеческий, в его качественно преобразованном виде. Это связано с усилением роли образования, которое становится источником добавленной стоимости в человеческий капитал.

Список использованных источников

1. Миль, Дж.С. Основы политической экономики / Дж.С. Миль. — М.: Прогресс, 1980. — Т. 1. — С. 139.
2. Дятлов, С.А. Основы теории человеческого капитала / С.А. Дятлов. — СПб., 1992. — С. 124.
3. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народа / А. Смит // Антология экономической классики. — М., 1993. — Т. 1. — С. 382; Рикардо, Д. Начало политической экономии и налогового обложения / Д. Рикардо. — М., 1993. — Т. 1. — С. 417.
4. Райсберг, Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райсберг, Л.Ш. Лозовский, Е.В. Стародубцев. — М., 1997. — С. 141.
5. Маркс, К. Капитал. Т. 3 / К. Маркс // Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 25, ч. 2. — С. 380–381.
6. Селигмен, Б. Основные течения современной экономической мысли / Б. Селигмен. — М., 1968. — С. 433.
7. Добрынин, А.И. Методология человеческого капитала / А.И. Добрынин, С.А. Дятлов, С.А. Курганский // Экономика образования. — 1999. — № 1. — С. 10.

14.09.2011

УДК 378

И. И. Луханин

WEB-ОФИСНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ УМК

В настоящее время Электронные учебно-методические комплексы (ЭУМК) являются наиболее распространенным способом представления учебных материалов. В статье описана WEB-офисная технология, позволяющая при минимальных трудовых затратах и ИТ-навыках создавать оптимально структурированный мультимедийный информационный продукт с прозрачной системой навигации, который отвечает основным методическим рекомендациям для разработчиков ЭУМК.

Now electronic teaching materials are the most widespread way of representation of teaching materials. In the article WEB-office technology allowing at the minimum expenditures of labor and IT skills is described to create an optimal structured multimedia information product with transparent system of navigation which answers the basic of methodical recommendations for developers of electronic teaching materials.

Концепция развития образования в Республике Беларусь определяет одним из основных направлений совершенствования учебного процесса широкое использование интенсивных методов обучения, основанных на внедрении современных информационных и инновационных технологий. Это порождает проблему поиска новых форм организации учебного процесса, среди которых важное место занимает создание **Электронных учебно-методических комплексов (ЭУМК)**, позволяющих использовать компьютерные мультимедийные технологии для повышения эффективности как самого процесса обучения, так и контроля полученных знаний [1].

Под электронным УМК понимается тематически завершенный, детально структурированный автором учебный материал, который через Интернет или на DVD и CD поставляется учащемуся. Электронный УМК с точки зрения методиста (педагогического дизайнера) должен содержать весь необходимый для самостоятельного обучения материал, в том числе блок практических и тестовых заданий для контроля полученных знаний по заданной теме. Кроме того, в отличие от печатного учебника, электронный курс должен разрабатываться таким образом, чтобы он смог обеспечить:

- более детальную структуризацию содержания курса;
- интерактивность (в том числе удобство навигации) и возможность изменения представления материала в зависимости от действий учащегося, а также возможность изменения траектории обучения;
- гипертекстовую структуру теоретического материала в понятийной части курса (ссылки на определение), а также в логической структуре изложения (последовательность, взаимосвязь частей);
- использование мощных иллюстративных материалов — разнообразные рисунки и картинки, анимации и другие мультимедиа-приложения;
- проведение различных практических и контрольных мероприятий для закрепления знаний, самоконтроля, контроля и оценки полученных знаний, встроенных в электронный учебник (тесты, упражнения, творческие, индивидуальные и групповые задания и др.);
- наличие системы ссылок (гиперссылок) на различные электронные текстовые и графические образовательные материалы.

В настоящее время существуют «Методические рекомендации», подготовленные в помощь разработчикам, создающим электронные учебно-методические комплексы по дисциплинам, входящим в учебные планы подготовки специалистов с высшим образованием в Республике Беларусь. Они базируются на требованиях Положения об электронном учебно-методическом комплексе по дисциплине для высших учебных заведений Республики Беларусь, утвержденном 29.12.2008 г. первым заместителем министра образования Республики Беларусь, и обобщают

практический опыт подготовки ЭУМК в Белорусском государственном университете информатики и радиоэлектроники [2].

Важно отметить, что в документе отсутствуют положения, регламентирующие применение каких-либо технологий для создания ЭУМК. Таких технологий немного. Все их разнообразие прослеживается в восьми ЭУМК, выполненных в ведущих технических вузах по заказу Министерства образования Республики Беларусь и представленных на сайте Белорусского национального образовательного Интернет-портала [3].

Анализ этих информационных продуктов позволяет сделать следующие выводы:

- все представленные ЭУМК, независимо от примененных технологий, функциональны и отвечают своему назначению;
- разработка ЭУМК при готовом контенте требует значительных затрат ИТ-квалифицированных исполнителей и остается штучной;
- как следствие видится крайне проблематичным возможность создания качественного ЭУМК преподавателем, далеким от ИТ-технологий, и ожидать изменения ситуации в ближайшее время не приходится.

Постижение сути информационных продуктов, заявленных как электронные УМК и широко представленных на образовательных порталах, убеждает, что их «электронность» чаще исчерпывается типом носителя. Как правило, студентам предлагается более или менее удачно скомпилированный документ в формате Word или PDF, а попытки придать продукту «технологичность» за счет средств PowerPoint приводят, скорее, к обратному результату.

Многолетняя практика свидетельствует, что необходимость освоения нового ПО и излишний системный контроль сводят на нет благие намерения по информатизации учебного процесса и превращают ее в муку для преподавателя-гуманитария.

Логичным представляется развитие подхода, успешно применяемого в Гомельском филиале Международного университета «МИТСО» в течение последних пяти лет [4–5]. Система информационно-методического обеспечения строится на Web-офисной основе. При этом офисные технологии — это единственное, чем должен владеть создатель электронно-методического продукта, а остальная часть работы происходит на Web-сервере программно. Важно и то, что преподаватель не привязан к месту и времени и огражден от контактов с системным администратором.

Оболочка для создания электронного УМК реализована по клиент-серверной технологии в виде 4-шагового мастера. На первом шаге автор-составитель получает с сервера шаблон в виде связанных таблиц Access и должен путем несложных манипуляций сконструировать структуру будущего ЭУМК, следуя подробным рекомендациям (рис.).

ChapID	ChapName	Attr	Комментарии	Порядок сл	Ще
1	Тема1	struct	Внутри параграфы (.doc, .docx)	1	
	ParaID	ParaName	FileName	Комментарии	Щелкните
	1	Теория	11.doc	Только word	
	2	Практика	12.doc	Только word	
	3	Контрольные материалы	13.doc	Только word	
*	(№)				
2	Тема2	struct	Внутри параграфы (.doc, .docx)	2	
3	Тема3	struct	Внутри параграфы (.doc, .docx)	3	
4	Литература	text	Структуры нет, один параграф (.doc, .docx)	4	
5	Рабочая программа	link	Любые файлы из списка	5	
6	Приложение1	link	Любые файлы из списка		
7	Самоконтроль	test	Файл с тестом, строго по инструкции		
*	(№)				

Рис. Шаблон структуры ЭУМК

На втором шаге шаблон возвращается на сервер и происходит переход к третьему шагу, на котором загружаются файлы и заполняются данные титульного листа. На четвертом шаге автор получает zip-архив своего продукта. ЭУМК автономен и нуждается только в браузере с поддержкой JavaScript.

Основные характеристики ЭУМК:

- по аналогии с CMS Joomla! достаточно принята двухуровневая структура главы и параграфы;
- главы могут быть трех типов:
 - структурированные (разбиты на параграфы);
 - текстовые (введение, заключение, тест, глоссарий и т. п.);
 - ссылочные (вспомогательные документы в форматах doc, docx, accdb, mdb, xls, xlsx, ppt, pptx, pdf, djvu);

- дизайн унифицирован и генерируется из набора тем;
- оптимальная система навигации;
- интерактивный тест генерируется программно из документа Word. Количество ответов и правильных из них не ограничивается. В вопросах и ответах применима любая допустимая в Word графика.

Оболочка размещена в сети Международного университета «МИТСО» (Минск, Гомель, Витебск) и позволяет при минимальных трудозатратах и ИТ-навыках создавать оптимально структурированный мультимедийный информационный продукт с прозрачной системой навигации, который отвечает основным методическим рекомендациям для разработчиков ЭУМК.

Список использованных источников

1. <http://belisa.org.by/pdf/PTS2005/145-150.pdf>
2. http://www.edubelarus.info/uploads/base/Metod_rek_EUMK.pdf
3. <http://www.edu.by>
4. Луханин, И.И. Тестовая система на основе Web- и офисных технологий / И.И. Луханин // Веб-программирование и Интернет-технологии (WebConf09) : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. — Минск, 2009. — Ч. 1. — С. 59–60.
5. Луханин, И.И. Интеллектуальная игра как образовательный инструмент / И.И. Луханин // Информатизация образования. — № 2. — 2008.

22.11.2011

УДК 947

Н. Е. Мусина

МОЛОДЕЖЬ СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ 1920-х гг.

Воссоздается достоверная картина жизненного мира молодых людей Советской Беларуси 1920-х гг. Раскрываются основные социально-ценностные характеристики, миропонимание, идеалы молодежи в условиях динамичных послереволюционных преобразований. Отмечаются трудности, которые она преодолевала в решении своих возрастных задач. Осмысление положительного опыта молодежи в период острых социальных перемен позволит использовать его в подготовке и реализации программ молодежной политики и в большей степени учесть ее роль и потенциал в условиях современного общества.

The authentic picture of the vital world of young men of the Soviet Belarus of 1920th is recreated the basic socially-valuable characteristics, outlook, ideals of youth in the conditions of dynamical post-revolutionary transformations reveal. Difficulties which it overcame in the decision of the age problems are marked. The judgement of positive experience of youth in sharp social changes will allow using it in preparation and realization of programs of a youth policy and in a greater degree to consider its role and potential in the conditions of a modern society.

Совокупность социальных характеристик, проявление различных типичных признаков, черт, ментальных установок молодых людей 1920-х гг. позволяют воссоздать определенный социальный облик молодежи тех лет, увидеть ее место в структуре населения белорусского общества, ее особенности, роль в процессе социально-экономических, политических и культурных преобразований. Настроения, переживания молодых людей, проблемы, которые пришлось им решать, отношения к происходящему, между человеком и обществом помогают глубже понять и увидеть то время. Все это позволяет представить молодых людей в контексте всей сложности и противоречивости той эпохи, что и является целью данной статьи.

В советской художественной и научной литературе многие годы формировался определенный стереотип молодого человека 20-х гг. прошлого века — грамотный, активный комсомолец, передовой рабочий, рабфаковец, атеист, идейно убежденный, отстаивающий классовые интересы и идеалы мировой революции, непримиримый к ее врагам, с энтузиазмом участвующий в социалистическом строительстве, воспитанный в духе революционной романтики, просящий жизнерадостность, презирающий трудности быта и т. п. Подобные суждения отражали скорее идеал представителя молодого поколения тех лет.

Бесспорно, новая эпоха, задачи молодого советского государства требовали новый социальный тип, в системе ценностей которого приоритетными должны были стать соответствующие идеологические, классовые ценности. Характерной была их некая «высшая» направленность (строительство будущего социалистического общества, мировая революция, революционная романтика, разрыв с темным прошлым и пр.). Личное благополучие, карьера, семья, забота о своем здоровье и прочие «земные» ценности выглядели менее предпочтительно и даже вызвали осуждение. Поощрялись активность, которая направлялась в строго определенное русло, вовлеченность в общественные и государственные проблемы. Чтобы эти черты стали определяющими, необходимо было время, определенная политика со стороны государственно-партийных органов по отношению к молодому поколению, по формированию его мировоззрения. Именно молодежь должна была стать главным носителем идеалов и ценностей будущего социалистического общества.

Часть молодежи действительно искренне восприняла новые идеалы и видела свое предназначение в их воплощении в жизнь. Однако процесс формирования нового человека в тот период не следует представлять упрощенно. При всей восприимчивости молодежи ко всему новому, приобщение ее к новым идеалам в тот период носило довольно противоречивый, часто драматический характер. Это стало внешним фактором социализации молодежи.

Говоря о молодежи как социально-демографической группе, следует принимать во внимание ее неоднородность. В ее структуре можно выделить отдельные подгруппы — учащихся, студентов, работающих, беспризорных, безработных, военнотрудовых и т. д. Кроме того, существенными оказывались различия по полу, возрасту, происхождению, национальной принадлежности, месту проживания (город, де-

ревня) и др. Тем не менее, в силу сходства ряда социально-психологических качеств, молодежь принято рассматривать как некую единую социальную общность. Возрастные границы молодого человека 1920-х гг. — от 14 до 23–24 лет (в числе которых подростки 14–16 лет) — определяются средней продолжительностью жизни в тот период, физическим созреванием, а также началом трудового возраста.

Удельный вес молодежи в составе населения всей страны был достаточно высок — почти каждый пятый гражданин советского государства, по Беларуси — примерно 22 % населения. Об этом свидетельствует перепись населения СССР 1926 г. [1, с. XXI]. При этом подавляющее большинство молодых людей принадлежало к сельскому населению. Такое распределение взрослого населения было характерно для всей страны, в том числе для Беларуси. Этим определяются многие социальные черты молодого человека тех лет, его ментальные и поведенческие характеристики.

Национальный состав молодежи Беларуси отражал соотношение ее в общем составе населения и весьма существенно различался в зависимости от места проживания — город или деревня. На 1 января 1925 г. белорусы составляли 70,79 % всего населения (75,95 — сельского и 40,74 % — городского), евреи — 10,88 % (5,24 % — сельского и 44,14 % — городского), русские — 15,41 % (16,24 % — сельского и 10,85 % — городского), поляки — 2 %, прочие — 0,82 % [2, с. 3].

На возраст 24–25 лет для мужчин и 19 лет для женщин приходился максимальный процент грамотных. Это было характерно для всей европейской части РСФСР и Беларуси. К середине 1920-х гг. в этих возрастах на 1 000 чел. населения грамотных приходилось в Европейской части РСФСР 875 мужчин и 618 женщин, а по Беларуси — 886 мужчин и 546 женщин [3, с. 5].

При этом ряд факторов определял специфику молодежи Беларуси по сравнению с молодежью других районов СССР. Об этом говорилось на IX съезде КП(б)Б (декабрь 1925 г.) в связи с трудностями «правильного руководства»: «а) слабая прослойка пролетарской молодежи в силу слабо развитой промышленности; б) сильное влияние традиций различных бывших националистических мелкобуржуазных партий (Бунда, эсеров); в) активность части мелкобуржуазной националистической белорусской интеллигенции, которая стремится к влиянию на крестьянскую и учащуюся молодежь; г) наличие количественно большого слоя мещанских групп городского и местечкового населения, которая подвергается сионистским влияниям; д) нажим на более отсталые слои молодежи поповской и ксендзовской клики (организация молодежи в церковные кружки, в секты евангелистов и проч.) и е) разнонациональный состав как работающей, так и крестьянской молодежи» [4, с. 263–264]. Отмечалась также различная степень активности в молодежной среде. Наибольшую активность проявляла середняцкая молодежь. Пассивность в политической и общественной работе батрацких и бедняцких слоев объяснялась низким уровнем их материальной обеспеченности и культурно-политической подготовки.

Решение возрастных задач, связанных с получением профессии, места работы, для значительной части молодежи тех лет существенно осложнялось тяжелыми материально-бытовыми условиями. Массовое вовлечение ее в производство в условиях Беларуси затруднялось низкими темпами развития и преобладанием кустарного характера промышленности, а также значительным притоком свободной рабочей силы из деревни. Всего в БССР к концу 1927 г. было около 100 тыс. рабочих, 28,7 % которых составляла молодежь, 6,3 % — подростки (15–18 лет) [5, с. 444]. Большинство из них было занято в кустарно-ремесленной промышленности и проживало в городах и поселениях городского типа. На тяжелое положение безработной городской и местечковой молодежи, «в преобладающем своем составе — еврейской», обращалось внимание в одном из отчетов Бюро Витебского окружного комитета КП(б)Б. Данные о безработице среди подростков представлялись «особенно угрожающими», «эти последние совершенно не видят перед собою исхода из положения», — отмечалось в отчете [6, л. 12]. Проблема занятости усугублялась постоянным притоком подростков из детских домов и беспризорных. Результаты проведенного в 1925 г. обследования занятости, условий быта и физического состояния рабочей молодежи до 20 лет свидетельствовали, что в Белоруссии отсутствие определенного занятия среди городских подростков является более распространенным явлением, чем по всей стране [7, с. 8]. Отмечались также «скверные условия жилья», низкий уровень его санитарно-гигиенического состояния, отсутствие отдельной постели у значительной части всей молодежи БССР (27,9 %) [7, с. 42], ненормальное питание (около половины рабочей молодежи жалуется на резкий недостаток питания, 18,1 % — на систематическое недоедание и 12,4 % — на отсутствие горячей пищи [7, с. 46]).

В документах тех лет зафиксировано также более раннее начало работы подростков на предприятиях Беларуси, по сравнению с другими регионами СССР (до 12-летнего возраста уже работало свыше 20 % всех обследованных подростков) [8, л. 49]. Наблюдались значительные отступления от Кодекса законов о труде [7, с. 82]. Многие подростки либо уже потеряли родителей, либо родители находились на их иждивении. Таким образом, эта молодежь в большинстве несла на себе все тяготы жизни.

Все это отражалось на физическом состоянии молодых людей. По телосложению представитель рабочей молодежи тех лет выглядел следующим образом. Средний вес (по полу и возрасту): 15 лет — муж. — 48,4–44,4, жен. — 48,5–46,6; 19 лет — муж. — 59,2–60, жен. — 53,3–56,6. По росту: 15 лет — муж. — 153,3–151,4, жен. — 150–150,6; 19 лет — муж. — 164,9–167,4, жен. — 155,1 [7, с. 97, 100]. В документах по медицинскому освидетельствованию рабочей, студенческой молодежи тех лет чаще всего встречались такие заболевания, как малокровие, хронический ревматизм, упадок питания, бронхит и другие болезни органов дыхания (неожиданно большой процент больных туберкулезом был выявлен среди подрост-

ков-рабочих сельского хозяйства). Государственные органы и профсоюзные организации пытались возможными способами или решить, или смягчить проблемы выплатой пособий, материальной помощью, бронированием определенного процента рабочих мест на предприятиях за подростками, созданием фабрично-заводских школ, ученических бригад, организацией санаторно-курортного лечения и т. д. Однако проблемы эти для молодежи оставались довольно острыми.

Отсутствие необходимых материальных условий сказывалось и на психологическом состоянии молодых людей, что проявлялось в неустойчивости, исканиях, разочарованиях. В таких условиях проявлять и сохранять оптимизм и романтическую настроенность было весьма сложно и оказалось по силам не для всей молодежи.

Безработица, неустроенность быта, низкий уровень жизни и другие социальные проблемы того периода стали серьезным испытанием для молодого человека, часто были связаны с выживанием, вместе с этим — вопросом личного морального выбора. Так, один из комсомольцев Витебского пивоваренного завода явился в ячейку и положил комсомольский билет: «Не могу быть больше комсомольцем!». На товарищеском суде комсомолец К. так объяснил свой поступок: «Оставшись без работы с комсомольским билетом в кармане, я должен зубы положить на полку, а без него... вольная дорога, что хошь, то и делай. Хоть самогонкой торгуй!» [9, с. 2]. Суд, конечно, не оправдал поступок К., обвинив его в позорном малодушии перед материальной необеспеченностью, в противопоставлении личных интересов интересам общественным.

Довольно типичным для молодых людей тех лет было стремление к учебе. «Калі мяне не пусціце вучыцца, дык я ўсё адно паеду, магу і высці з КСМ, магу паехаць беспартыйным», — заявил один из комсомольцев, которому предлагалось остаться и работать в местной комсомольской ячейке [10, л. 245]. Образование становилось важнейшим фактором повышения социального положения.

Отрывок из письма слушателя рабфака от 01.02.1924 г.: «Одно у нас скверно обстоит дело в... общежитии... стены мокрые, в каждом уголке лед, ...что и отражается на нашем здоровье...». Однако тут же: «Занимаемся по-прежнему, но в последнее время не очень нормально, в связи с всемирной потерей, которая... навеки неизлечима в наших сердцах...» (имеется в виду смерть В. И. Ленина) [11, л. 2.]. Это письмо отражает искреннее переживание утраты, проникновение государственного, общественно-го во внутренний мир молодого человека. На этом фоне личные бытовые проблемы представлялись ничтожно малыми.

В 1920-е гг. в студенческой среде распространены были политсуды. Это была одна из форм выявления социально чуждых элементов в русле проводимой общегосударственной политики. И некоторые студенты с готовностью уличали и обличали тех, кто скрыл свое социальное происхождение. Примечателен эпизод по поводу разоблачения одного из

студентов на заседании профкома от 27.05.1929 г.: «При поступлении в техникум он в анкете на пункт социальное происхождение написал, что отец крестьянин, а наверху написано «был попом», но это перечеркнуто несколько раз и только хорошо разглядывая при дневном свете кое-как можно разобрать «был попом». Приемная комиссия этого не заметила и приняла его в техникум. То есть — вывод, что он скрыл свое социальное происхождение и положение и обманул приемную и стипендиальную комиссию (получал полную стипендию)... В начале года Акалович сделался хорошим активистом, пролез в бюро К.С.М., секретарем ячейки и кандидатом профкома, думая этим скрыть свое социальное происхождение. Но скоро его распознали и сняли с этих работ» [12, л. 180]. В протоколе того же заседания предлагалось исключить других студентов на том основании, что, как выяснилось, их отцы были либо раввинами, либо в прошлом крупными торговцами, либо лишены права голоса. Но, видимо, не слишком рьяно шел этот процесс, так как в документах давалась неудовлетворительная оценка развернутой работе по выявлению социально чуждых элементов и формированию соответствующего общественного мнения среди студентов.

Молодежь, в первую очередь студенческая, комсомольская, активно вовлекалась во многие мероприятия, которые проводились в рамках общегосударственной политики. В их числе кампании по ликвидации неграмотности, антирелигиозного характера (хотя в тот период достаточно много было верующих среди самой молодежи). Молодежь принимала участие в работе добровольных обществ, различных кружков, в шефской работе над деревней, частями Красной Армии, в политпросвещении, праздниках политического характера и других мероприятиях. Одна из характерных черт того времени — значительная политизация населения, прежде всего молодежи. Она не должна была также оставаться в стороне от партийных дискуссий. От нее требовались «понимание» и массовая поддержка решений партии. Так, в ходе обсуждения вопроса об исключении Троцкого и Зиновьева из ВКП(б) все окружные комитеты и почти все Пленумы ОК ЛКСМ «присоединились к линии Ленинской партии и Постановлений Пленума ЦК ВсеЛКСМ о задачах комсомола к XV съезду». Однако звучали, хоть и единичные, голоса сомнения: «Мы не можем дискутировать, потому что мы не имеем документов оппозиции», «зачем голосовать и вообще обсуждать, все равно их исключили и не поможем», «комсомол — это бесправная организация, она требует от комсомольцев и ничего не дает. Отошла от своей основной линии — охраны экономических интересов молодежи. Подожду 15 съезда, что он скажет, и может быть придется и покинуть комсомол» (Бобруйск). Два комсомольца повесили лозунг «Привет вождям революции — Троцкому, Зиновьеву и Каменеву» (из материалов Гомельского округа). Все эти и подобные выступления были расценены как выступления «хистающих элементарно» [13, л. 136–138, 140]. На фоне всеобщего единодушия эти голоса сомнения кажутся довольно значимыми.

Большая роль в деле социалистического переустройства общества, осуществления культурной революции отводилась студенческой молодежи. Поэтому их настроения, идеологические и политические взгляды, культурные запросы и предпочтения, условия быта, отношения полов и другие стороны повседневной жизни становились предметом изучения. Студенты Белорусского государственного университета, Коммунистического университета и Белорусской сельскохозяйственной академии выступили респондентами одного из опросов, проведенного в 1928 г. Значительная часть из них были комсомольцами либо членами партии.

В результатах проведенного исследования отмечались как достижения, так и негативные явления среди студенчества. Подлежали осуждению следующие: обучение в вузе и стремление получить диплом — как средство в будущем обеспечить себя выгодной службой; отсутствие склонности к выбранной профессии (только 47,8 % заявили о выборе профессии в соответствии с собственным желанием) [14, с. 21]; отстранение от культурной жизни, общественной работы (мотивами неудовлетворенности и отстранения от общественной работы назывались: формализм, отсутствие живой, интересной работы; показная активность некоторых деятелей; нежелание отвлекаться — «ці вучоба ці грамадская работа»; тяжелое материальное положение — «цяжка працаваць галоднай» и т. д.). В списке неодобряемых взглядов и настроений также — религиозность и некоторые другие «идеологические уклоны»; упаднические настроения; отсутствие интереса и активности в кружковой работе, занятиях спортом; проявления антисемитизма, мещанства; патриархальная косность во взглядах на общественную работу женщин и равноправие в распределении обязанностей по дому; преувеличение физиологической стороны в отношениях с женщиной.

Такие стороны повседневности, как сексуальность, отношения полов дают дополнительный штрих к социальному облику молодежи тех лет. Революция способствовала коренной ломке устоявшихся норм морали, сексуальной в том числе. Неустойчивость, экспериментирование, поиск новых форм, столкновение традиционных установок и революционного радикализма характеризуют половую мораль 1920-х гг. Здесь пересекались ценности и взгляды различных слоев молодежи — крестьянской, рабочей, интеллигентской, мещанской. Культурная отсталость большинства населения, ослабление социального контроля со стороны общества, отсутствие четких представлений о нормах дозволенного затрудняли формирование новых ценностей и идеалов в этой сфере. На вопрос о роли физиологии во взаимоотношениях студентов Коммунистического университета отвечали: «значительная», «самая главная», «естественно-необходимая». Авторами исследования это было расценено как преувеличение роли физиологического момента в отношении к женщине за счет социальной и идеологической сторон. Примечательно, что значительное число студентов (около 40 %), по-видимому, оказались не готовы к обсуждению подобных тем, так как на этот вопрос либо дали невня-

ные ответы, либо ответ отсутствовал. На фоне распространённых в 1920-е гг. идей свободной любви, «стакана воды», из опрошенных молодых людей 33,8 % мужчин и 36,5 % женщин идеалом половой жизни выбрали брак, вольное сожителство — 29,1 % мужчин и 40,4 % женщин. 9–10 % мужчин и женщин выбрали воздержание как идеал поведения в этой сфере. Одно из объяснений этому — половые отношения отнимают часть энергии, которая может использоваться для общественной работы [14, с. 37].

Вынужденный аскетизм, порожденный революцией, гражданской войной, военным коммунизмом, проявлялся во взглядах молодых людей на свой быт и внешний вид. Данные стороны повседневной жизни стали поводом для выступлений ряда статей в прессе для обсуждения среди молодежи. «Иногда в комсомольской среде замечаешь какой-то культ неряшливости...», — писал в газете «Заря Запада» нарком здравоохранения Н. А. Семашко. И далее обращался: «...грязи, неряшливости, распущенности, расхлябанности, всем приятелям старого строя и старого быта молодежь первая должна объявить самую решительную борьбу...» [15, с. 1]. Со второй половины 1920-х гг. положение стало меняться, в большей степени проявлялся интерес к своему внешнему виду. Результаты проведенного в 1925 г. в Минске опроса студентов Коммунистического университета свидетельствуют, что из них 42,8 % считают необходимым в одежде следовать моде [14, с. 34].

Сложность и драматизм периода 1920-х гг. для молодежи проявились в том, что при формировании их ценностных ориентаций прежние идеалы и ценности подвергались пересмотру вплоть до полного их отрицания. Это могло приводить к дезориентации молодых людей, обострению конфликта поколений. Коренным образом менялось отношение к традициям, религии, семейным ценностям. Традиционные институты социализации — церковь, семья — утрачивали свою ведущую роль. Все большее значение в этом процессе приобретало государство, коммунистическая партия, общественные организации (комсомол, профсоюз), вся система образования, средства массовой информации и пр. В какой-то степени это совпадало с общими процессами, тенденциями, связанными с переходом к индустриальному типу общества. Однако в нашей стране волна революционных настроений и преобразований вносила дух радикализма в эти сферы, придавала им во многом политико-идеологическую окраску.

В массовом сознании живучесть прежних ценностей, идеалов и стереотипов проявлялась в течение многих лет. Чтобы внутренние установки и побуждения согласовать с внешними требованиями и предписаниями, молодому человеку приходилось демонстрировать некий компромисс. Вот описание брака, типичного для той поры. Крестьянская девушка, выходя замуж, требует, чтобы брак непременно совершался в церкви. Ее жених — новый человек, порвавший со всем старым. Однако, как выясняется, «порвал он не настолько, чтобы, ради нового, отказаться от своего личного счастья». «И вот, он, согла-

шаясь идти в церковь, идет туда в шапке, с револьвером, показывая этим свое пренебрежение к старому, и одновременно показывая свою слабость постольку, поскольку это старое крепко держит его, привязывает к себе и не дает ему возможности окончательно порвать с ним. Картина... чрезвычайно показательная и... символическая. Вот такой брак в настоящее время переживает вся советская страна и вся советская Белоруссия», — говорилось на сессии ЦИК БССР (1924) [16, с. 125]. «Да, я сознаю сам, что это соглашательская линия отрицательная. Но я венчался не с религиозным экстазом, а с чувством презрения к церковщине и вообще к религиозному», — писал в своем объяснении по поводу участия в обряде венчания в церкви другой комсомолец, за что ему грозило исключение из комсомола [17, л. 467].

Анализ документов тех лет (письма, отчеты, протоколы собраний, информационные сводки, материалы социологических исследований и т. д.) позволяет представить миропонимание молодых людей, понимание своего настоящего и будущего, попытки сочетать личные интересы и общественные, отношение к происходящему, проследить процесс их ценностного и идеологического выбора. В целом можно сказать, что в условиях острых социальных проблем поколение молодых людей 1920-х гг. проявило довольно высокий уровень адаптации к «миру взрослых». Важно отметить огромную жажду знаний, желание учиться, несмотря на многие трудности и лишения.

Общей характерной чертой молодого поколения тех лет является возрастание культурных и материальных притязаний по сравнению с их родителями, стремление к учебе — иногда как способ повысить свой социальный статус. При этом неравные стартовые возможности в получении образования определялись не только общей подготовкой, но и факторами социального происхождения, что вносило в среду молодых людей рознь и подозрительность. Конфликт поколений в эти годы приобретал особую остроту и драматизм, поскольку вынуждал молодого человека «чуждого» социального происхождения скрывать его (даже, может, сожалеть о нем), так как оно мешало дальнейшим жизненным планам. В процессе формирования социальной идентичности молодого человека — классовой, национальной, гражданской (советской), религиозной — одно не всегда дополняло другое, иногда исключало, что приводило к кризису идентичности, осложняло процесс социализации молодого человека. Повлияли также резкая переоценка идеалов, изменение роли основных институтов социализации, разрыв с прежней социальной средой (главным образом для сельской молодежи).

В силу недостаточной грамотности, невысокой культуры в сознании многих молодых людей в те годы процессы, происходящие в обществе, представления о прошлом и будущем воспринимались часто в упрощенных образах: свои — чужие, наши — враги, хорошо — плохо. Излишняя политизация общественной жизни, ее регламентация, применяемые методы навязывания и контроля определенного идеологи-

ческого выбора не давали возможностей молодым людям в полной мере развить и реализовать свою активность, критичность мышления и оценок, ограничивали проявление самостоятельности, демократичности. Коренная ломка прежних идеалов и ценностей вплоть до их полного отвержения, острые социальные проблемы — все это в значительной мере осложняло процесс вовлечения в общественные преобразования. Часть молодежи была вынуждена приспособиваться, покорно принимать навязываемые идеологические установки для того, чтобы сохранить или улучшить свое социальное положение.

Таким образом, молодежь советской Беларуси 1920-х гг. составляла значительную часть белорусского общества. Этим определялся ее достаточно большой потенциал в общественных преобразованиях того периода. Решая задачи социалистического строительства, государственно-партийная политика во многом соответствовала потребностям и интересам молодых людей. В этот период проявились довольно интенсивные процессы, связанные с изменением молодыми людьми своего социального положения, усилилась социальная мобильность в этой среде. В качестве наиболее значимых социальных характеристик (факторов) наряду с местом жительства, национальностью, занятостью или родом деятельности становились такие, как уровень грамотности (образованности), членство в организации (партии, комсомоле, профсоюзе), отношение к ре-

лигии. При этом вряд ли возможно говорить о формировании некоего единого типа молодого человека (комсомольца, убежденного строителя коммунистического общества) как результате проводимой государством политики применительно к данному периоду. Безусловно, формировалась часть молодежи активистского типа, проявляющая себя в комсомольской, партийной работе, искренне и с энтузиазмом воспринявшая новые идеалы и ценности. Эти люди сыграли огромную роль в общественных преобразованиях. Но необоснованно экстраполировать такой тип на все поколение молодежи 1920-х гг. В те годы еще в значительной степени сохранялось влияние традиционной социальной среды (родительская семья, общественное мнение жителей деревни, сверстников, церкви). Часть молодежи представляла собой пассивный, аполитичный, довольно конформистский тип. Мотивами поведения этой категории молодежи могли быть собственное благополучие и личная выгода. В любом случае достоверная картина жизненного мира молодых людей 1920-х гг. без идеализации и стереотипов позволяет по-новому увидеть и лучше понять то время и тех людей с их надеждами и разочарованиями, исканиями и переживаниями, трудностями и противоречиями. Это помогает также проанализировать молодежь как социально-демографическую группу в условиях динамичных социальных изменений.

Список использованных источников

1. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. / Центр. стат. упр. СССР, Отд. переписи. Вып. 5: Возраст и грамотность. Европейская часть РСФСР. Белорусская ССР. — М., 1928.
2. Статистический ежегодник / БССР, Центр. стат. упр. — Минск, 1925.
3. Плян ліквідацыі няпісьменнасці падлеткаў і дарослых у Беларускай ССР (паясняльная запіска) // Асьвета. — 1928. — № 5–6. — С. 3–31.
4. О работе среди молодежи. Резолюции и постановления IX съезда КП(б)Б // Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. 1: 1918–1927 / Ин-т ист. партии при ЦК КПБ / под ред. В.И. Бровикова [и др.]. — Минск : Беларусь, 1983. — С. 263–271.
5. *Протько, Т.С.* Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т.С. Протько. — Минск : Тесей, 2002.
6. Государственный архив Витебской области (ГА ВО). Фонд 10137. — Оп. 1. — Д. 162. Отчет бюро Витебского окружного комитета КП(б)Б о состоянии еврарботы по округу.
7. *Дихтяр, С.Р.* Рабочая молодежь Белоруссии. Численность, состав, быт, условия труда и физическое состояние (по материалам медико-санитарного обследования 1925 г.) / С.Р. Дихтяр, Б.Я. Смулевич, Д.Л. Эйнгорн. — Минск, 1926.
8. ГА ВО. Фонд 1292. — Оп. 1. — Д. 161. Резолюция по докладу тов. Цехтяра «Состояние здоровья молодежи и меры ее оздоровления».
9. *Небывальский, А.* Малодушю не должно быть места / А. Небывальский // Заря Запада. — 1926. — 30 мая. — С. 2.
10. ГА ВО. Фонд 10137. — Оп. 1. — Д. 162. Письмо секретаря Оршанского райкома ЛКСМБ.
11. ГА ВО. Фонд 421. — Оп. 1. — Д. 56. Письмо слушателя рабфака члена союза Меклер.
12. ГА ВО. Фонд 1292. — Оп. 1. — Д. 292. Протокол заседания профкома от 24.05.1929.
13. ГА ВО. Фонд 10137. — Оп. 1. — Д. 163. Об участии комсомольской организации и актива в обсуждении вопросов, стоящих перед XV партийным съездом и об исключении Троцкого и Зиновьева из ВКП(б).
14. *Панкевич, П.* Які ж наш беларускі студэнт? / П. Панкевич // Асьвета. — 1928. — № 4. — С. 20–37.
15. *Семашко, Н.А.* Борьба с неряшливостью / Н.А. Семашко // Заря Запада. — 1926. — 28 июля.
16. Стенографический отчет 3-й сессии ЦИК БССР, 1924 г. — Минск, 1924.
17. ГА ВО. Фонд 10137. — Оп. 1. — Д. 161. Сводка «Комсомол Белоруссии в деревне».

21.11.2011

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С ВЕДУЩИМИ СТРАНАМИ-УЧАСТНИКАМИ БЛОКА «АЛБА»

Тяжелый социально-экономический кризис, в котором находятся многие традиционные партнеры Республики Беларусь, вынуждает к поиску новых рынков сбыта. В статье анализируется роль интеграционного блока «АЛБА» в системе современных международных отношений, его геополитический потенциал в контексте эффективного сотрудничества с Республикой Беларусь в области энергетики, строительства, торговли, науки и образования, основные приоритеты дальнейшего развития двустороннего сотрудничества. Результаты исследования возможно применить при планировании ключевых направлений внешней политики Беларуси.

Heavy social and economic crisis in which there are many traditional partners of the Republic of Belarus, compels to search of new commodity markets. In article the role of integration block "Alba" in the system of modern international relations, its geopolitical potential in a context of effective cooperation with the Republic of Belarus in the field of power, building, trade, science and education, the basic priorities of the further development of bilateral cooperation is analyzed. Results of research can be probably applied at planning of key directions of foreign policy of Belarus.

Интеграционный блок «Боливарианский альянс для народов нашей Америки — Торговый договор народов» («АЛБА») — крупный региональный союз государств, который создан в 2004 г., обладает уникальными характеристиками, отличающими его от подобных объединений в Латинской Америке. Многие альянсы в регионе имеют односторонний вектор деятельности: военный, экономический или политический. «АЛБА» ставит глобальные задачи: содействие торговле и кооперации между ее участниками; проведение единой монетарной политики; политическая и военная интеграции; решение национальных, этнических проблем и борьба с терроризмом. Таким образом, данный блок представляет собой комплексное социально-экономическое и политическое объединение.

В состав блока входят 8 государств: Боливия, Венесуэла, Куба, Никарагуа, Эквадор, Доминика, Сент-Винсент и Гренадины, Антигуа и Барбуда с общей территорией в 2,6 млн км², населением более 73 млн чел. и совокупным валовым внутренним продуктом в 640 млрд долл. США. Очевидно, что альянс является серьезной политической и экономической силой на международной арене.

Деятельность блока «АЛБА» имеет широкую поддержку Республики Беларусь. В настоящее время отношения с альянсом динамично развиваются по многим направлениям. Но явный перевес наблюдается в сторону Венесуэлы и Кубы. Данное обстоятельство связано с объективными причинами.

Боливарианская Республика Венесуэла дипломатические отношения с Беларусью установила в 1997 г. Объем торговли между этими государствами составлял 15 млн долл. В настоящий момент эти цифры увеличились в десятки раз, а число двусторонних законодательных актов превысило 70. Венесуэла входит в число основных лидеров Движения неприсоединения. Рынки многих из 119 неприсоединившихся стран потенциально привлекательны для Республики Беларусь.

В основу внешнеэкономической стратегии Беларуси и Боливарианской Республики положены при-

оритеты: строительство; энергетика и нефтехимия; наука и образование; машиностроение; сельское хозяйство.

Венесуэла заинтересована в сотрудничестве в сфере строительства с нашей страной. Это связано с тем, что в Беларуси имеются квалифицированные кадры и перспективные технологии, востребованные на латиноамериканском рынке. С 2006 г. вступили в силу 4 нормативных правовых акта между Министерством архитектуры и строительства Республики Беларусь и Министерствами жилищного строительства и инфраструктуры Венесуэлы по вопросам территориального планирования, создания совместных предприятий, направленных на производство строительных материалов для Венесуэлы.

С 2006 г. осуществляется сотрудничество в планировании городов Матурин, Пунта дэ Мата, Анако, Сараса, Валье де ла Паскуа-Чагуарама, Сан Хуан дэ лос Морос, Тинако, Акаригуа-Араурэ, Гуанарэ, Баринас, Санта Барбара-эль Пиньял, Сан Кристобал и Ла Фриа. Предусматривается взаимодействие в развитии урбанистического планирования городов-спутников города и пригорода Каракаса: Чаральвяэ, Окумарэ дель Туи и зона Гуатирэ-Гуарэнас-Кауагуа, также взаимодействие в развитии проектирования нового города Самора (Кабрута) [1]. Ключевая роль в этом отводится техническим группам из Беларуси, специалисты которой привлекаются и для строительства агрогородков, опыт создания которых венесуэльское руководство определило полезным.

Основополагающее значение в интенсификации совместных отношений между двумя государствами сыграла Совместная Декларация Республики Беларусь и Боливарианской Республики Венесуэла от 24 июля 2006 г., в которой были подтверждены предыдущие договоренности и определены новые приоритеты [2].

Белорусской стороной были озвучены предложения по продаже Венесуэле калийных удобрений без посредников. Взамен для нашей страны открываются аналогичные возможности по закупке фосфатов. В ходе переговоров Венесуэла выразила за-

интересованность в том, чтобы наладить производство удобрений на своей территории. Речь шла о строительстве завода, который сможет удовлетворять потребности в удобрениях и соседних с Венесуэлой государств [2].

Обсуждались возможности экспорта в Венесуэлу сельскохозяйственной продукции, имеющей необходимые сертификаты, а также участия белорусской стороны в увеличении производства продуктов питания в Венесуэле. В сфере аграрного сотрудничества налажены поставки сухого молока в Венесуэлу, достигаются договоренности о поставках других белорусских сельхозпродуктов в больших объемах. Президент страны А. Г. Лукашенко подчеркнул готовность предложить свои технологии и построить соответствующие современные перерабатывающие предприятия [2].

Подписаны также межправительственные соглашения о сотрудничестве в области науки, технологий, энергетики и нефтехимии. Наиболее приоритетным в отношениях с Венесуэлой для нашей страны является энергетическое сотрудничество. Первая нефть совместным белорусско-венесуэльским предприятием «ПетроВен-Бел» была добыта в декабре 2007 г. В 2010 г. венесуэльская нефть поступила на белорусские нефтеперерабатывающие заводы. Ставится вопрос о добыче газа на территории Венесуэлы. Белорусские специалисты также привлекаются к газификации венесуэльских городов, что может стать долгосрочной программой прибыльной деятельности [3]. Беларусь кредитует Венесуэлу, чтобы добывать на ее территории нефть, строить совместные промышленные предприятия, укреплять взаимодействие по многим возможным направлениям.

В сфере технологического и промышленного сотрудничества принято решение о строительстве в Венесуэле заводов с привлечением технологий и специалистов ОАО «Минского автомобильного завода», ОАО «БелАЗ» и ПО «Минский тракторный завод». С 2007 по апрель 2008 г. ОАО «МАЗ» экспортировал в эту страну 254 грузовых автомобиля, в том числе в феврале 2008 г. было отправлено 25 седельных тягачей [4].

В Венесуэле планируется построить заводы по производству бытовой техники: ОАО «Горизонт» и венесуэльская государственная корпорация «Corpivensa» подписали меморандум о создании совместного производства бытовой электроники. В настоящее время функционирует совместное белорусско-венесуэльское предприятие по сейсморазведочным работам «Sismica BeloVenezolana».

В плане военно-технического сотрудничества Венесуэла особенно заинтересована в белорусских разработках в сфере противоздушной обороны. Отечественные специалисты и военные советники будут также привлекаться для создания в Венесуэле системы радиоэлектронной борьбы национальных вооруженных сил. В инвестиционной политике большое значение имеет создание Стратегического фонда по совместному развитию Беларуси и Венесуэлы для кредитования разносторонних белорусско-венесуэльских инициатив [3].

Ведется работа по организации в Беларуси курсов последипломного образования для венесуэльских

специалистов. Подписано и действует соглашение между Белорусским национальным техническим университетом и венесуэльским Национальным экспериментальным университетом имени Симона Родригеса. Осуществляется реализация этого документа в рамках специально созданных крупных научно-технологических центров, предполагающих обмен студентами и научно-исследовательскими кадрами. В 2008 г. в Гомельском колледже машиностроения 30 граждан Венесуэлы изучили 2-месячный курс по нескольким рабочим специальностям и прошли аналогичную по срокам производственную практику в ОАО «Сейсмотехника». Эти ученики наравне с белорусскими коллегами в перспективе должны составить основу совместного предприятия по сборке вибрационных источников [5].

15 апреля 2009 г. в Минске был открыт Латинско-американский культурный центр имени Симона Боливара. 12 октября 2010 г. общеобразовательной школе № 114 г. Минска, в которой более 40 лет преподавался испанский язык, также присвоено имя С. Боливара.

В октябре 2008 г. заключено соглашение между Верховным судом Венесуэлы и Высшим хозяйственным судом Беларуси. Документ направлен на развитие сотрудничества в области правосудия в сфере двусторонних экономических отношений [6].

Перспективной отраслью экономики может стать и лесозаготовка. Белорусская сторона имеет значительный опыт в данной сфере, тогда как в Венесуэле ежегодно спиливается около 14 тыс. гектаров леса для переработки и последующей его продажи. В соответствии с государственной программой площади должны составить 60 тыс. гектаров, в связи с этим со стороны латиноамериканской страны проявляется чрезвычайный интерес к отечественному опыту [7].

За последние годы радикально изменились торгово-экономические отношения с Боливарианской Республикой. Если в 2006 г. товарооборот выразился в сумме 6 млн долл., то в 2007 г.— 43,5 млн долл., в 2008 г.— 173,2 млн долл. США. Основная часть товарооборота представляет собой белорусский экспорт, составивший по итогам 2007 г. 42,7 млн долл., а по итогам 2008 г.— 173,1 млн долл. [3]. В структуре отечественного импорта по итогам 2010 г. Венесуэла заняла 3,3 %.

Республика Куба выступает вторым стратегическим партнером Беларуси в Латинской Америке и также играет существенную роль в деятельности альянса. Сотрудничество с ней осуществляется в направлениях: политическом, экономическом, сфере образования и др.

С политической точки зрения Куба и Беларусь — старые партнеры. Дипломатически отношения между государствами были установлены 16 апреля 1992 г. Период «отчуждения» стран постепенно менялся в сторону активного и взаимовыгодного сотрудничества во всех направлениях, что ознаменовано рядом взаимных визитов как межправительственных, так и межпарламентских. В сентябре 2000 г. Кубу посетил глава белорусского государства А. Г. Лукашенко.

Наиболее успешным для обоих государств стал 2006 год, когда в апреле с визитом Кубу посетил премьер-министр Беларуси С. С. Сидорский. По итогам

визита было заключено 17 межправительственных и межведомственных соглашений в сферах экономики, здравоохранения, сертификации и консульских отношений [8, с. 87].

В 2006 г., во время парламентского визита кубинской делегации в Беларусь, при встрече председателя Национальной ассамблеи народной власти Кубы с белорусскими парламентариями, прозвучала идея создания межпарламентской ассамблеи в рамках Движения неприсоединения.

В марте 2008 г. в Гаване состоялся очередной раунд белорусско-кубинских политических консультаций высокого уровня. Стороны обсудили состояние и перспективы расширения двустороннего политического и торгово-экономического сотрудничества, обменялись мнениями о ситуации в Европе и на американском континенте, затронули другие актуальные темы, представляющие взаимный интерес. Особое внимание было уделено вопросам дальнейшего укрепления взаимодействия Беларуси и Кубы на международной арене, в частности, в рамках Организации Объединенных Наций (ООН), Движения неприсоединения, Киотского протокола и других авторитетных международных организаций и договоров.

Приоритетным направлением в сфере экономики является торговля. В этом плане между государствами накоплен большой опыт еще со времен СССР. Экономические отношения между Беларусью и Кубой активно начали развиваться с февраля 1992 г. на основе договора о торгово-экономическом сотрудничестве. С 1997 г. начала работу совместная Белорусско-кубинская межправительственная комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству.

Почти 2/3 нынешней торговли — импорт кубинского тростникового сырца, который в стабильных объемах и по стабильным ценам обеспечивает белорусскую сахаропереработку сырьем в зимне-весенний период. Куба заинтересована в наращивании экспорта в Беларусь продовольственных полуфабрикатов, медикаментов, товаров цветной металлургии, а также в растущем импорте белорусских химудобрений, товаров машино- и станкостроения, лесопереработки и лесохимии, так как белорусская продукция имеет высокое качество и сравнительно дешевле западных аналогов.

Товарооборот между Республикой Беларусь и Кубой за последнее десятилетие в среднем колебался на уровне 20–40 млн долл. В 2007 г. он составил 60 млн долл., таким образом демонстрируя положительную динамику [8, с. 89].

В январе–июле 2008 г. по сравнению с аналогичным периодом 2007 г. он увеличился более чем в 3 раза и составил 32,3 млн долл. Экспорт вырос почти в 5 раз и составил 18 млн долл. На Кубу поставлялись калийные удобрения (4,7 млн долл.), тракторы (4 млн долл.), автобусы (2,1 млн долл.), грузовые автомобили (1,7 млн долл.), двигатели внутреннего сгорания (1,6 млн долл.). Кубинские поставки по сравнению с аналогичным периодом 2007 г. увеличились более чем в 2 раза и достигли 14,3 млн долл. Основные статьи поставок: сахар-сырец, вакцины, медпрепараты, ром, сигары [9].

Отметим, что со стороны белорусских предприятий первоначально проявлялось мало активности по

выходу на кубинский рынок и эта деятельность имела несистемный характер, хотя объемы торговли на рынке были достаточно серьезными. Так, в 2005 г. примерно 40 государств приняли участие в ежегодной Международной гаванской ярмарке (в том числе такие мировые лидеры, как Германия, Франция, Китай, Япония, Канада). На закупку транспортных средств, медоборудования и сложнотехнической продукции Куба только в 2006 г. потратила 4 млрд долл. [8, с. 91].

В сентябре 2006 г. ОАО «МАЗ» принял участие в Гаванской X Международной транспортной ярмарке «FIT-2006». В ней участвовали производители из 52 стран мира. В рамках работы выставки белорусская делегация провела встречи с министром транспорта Кубы, мэром Гаваны, а также руководством ряда крупнейших кубинских предприятий. По итогам переговоров подписан контракт на поставку 100 автобусов [8, с. 90].

В ноябре 2009 г. в Гаване прошла 27-я аналогичная ярмарка, в которой приняли участие около 1 230 фирм из 54 стран мира. Однако на ней не были представлены отечественные производители и их товар, в отличие, например, от Российской Федерации [10].

По мнению бывшего посла Республики Куба в Республике Беларусь Омара М. Кинтеро, расширению экономических контактов между Беларусью и Кубой способствовало проведение в марте 2008 г. в Гаване VIII заседания Белорусско-Кубинской совместной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству.

Официальную белорусскую делегацию, в составе которой были представители Министерства промышленности, предприятий «Белэксимгарант», ОАО «МАЗ», ОАО «БелАЗ», ОАО «Беларусбанк», возглавлял заместитель министра иностранных дел В. Гайсенек. Кубинскую часть комиссии возглавлял заместитель министра по экономическому сотрудничеству и иностранным инвестициям Р. Герреро. В работе комиссии с кубинской стороны приняли участие министр Правительства Кубы Р. Кабрисас, заместитель министров внешней торговли, строительства, металлургической промышленности и машиностроения. Были обсуждены перспективные направления двустороннего торгово-экономического и научно-технического сотрудничества, в частности, в области высоких технологий, информатики и нанотехнологий, диверсификации взаимной торговли, межбанковского взаимодействия. Речь шла о развитии договорно-правовой базы двусторонних отношений.

Беларусь и Куба заключили 26 межправительственных и межведомственных договоров, протоколов, соглашений в областях торговли и экономики, транспорта, военно-технического сотрудничества, здравоохранения, культуры, спорта, образования, сертификации, консульских отношений [9]. В настоящий момент Куба заинтересована в поставках белорусского сухого молока.

На Острове свободы, где нет троллейбусов, метро — основное средство передвижения наряду с автомобилем. Автобусный парк требует значительной модернизации, в связи с чем в 2007–2008 гг. Кубинск

кое правительство планировало закупку 1 200 автобусов белорусского производства. Однако из-за финансово-экономического кризиса закупка не состоялась [10].

Основными приоритетами в сотрудничестве с Кубой для Беларуси могут стать в перспективе производство медицинских препаратов, туризм, а также нефтедобыча. По словам чрезвычайного и полномочного посла Республики Куба в Республике Беларусь Альфредо Ниевиса Портуондо, «значительные запасы нефти были найдены в кубинской прибрежной зоне. В настоящий момент начаты работы по разведке нефтяных запасов с помощью специалистов из Франции, Бразилии, Испании, России и даже Вьетнама. Мы пригласили для работы крупнейшие мировые компании» [10]. Исходя из венесуэльского опыта Беларусь может принять участие в освоении нефтяного рынка Кубы на взаимовыгодных условиях.

Взаимодействия в области науки, образования и культуры в настоящее время требуют нового подхода. По словам бывшего главы кубинской дипломатической миссии О. Кентеро, «достижения белорусских ученых заметны на международной арене так же, как и открытия специалистов Острова свободы. Очевидно, что кубинские и белорусские ученые находят много общего не только для обсуждения и изучения, но и для совместных разработок, в частности, в области нанотехнологий, медицины, фармацевтики» [9].

В 2006 г. были подписаны соглашения о сотрудничестве между Национальной государственной телерадиокомпанией и Кубинским институтом радио и телевидения, а также между информационным агентством «БелТА» и кубинской «Prensa Latina».

Беларусь с визитами посещают кубинские общественные объединения. В феврале 2007 г. в нашей стране находились делегаты Федерации кубинских женщин, которые провели встречи с послом Кубы в Республике Беларусь, а также с членами рабочей группы Национального собрания Республики Беларусь по сотрудничеству с парламентом Кубы [8, с. 93].

В ходе заседания Белорусско-Кубинской совместной комиссии в Гаване в 2008 г. белорусская делегация провела переговоры с министром информатики и связи Кубы Р. Вальдесом, а также посетила Университет информационных технологий. Были рассмотрены перспективы контактов двух стран в научно-технической и образовательной сферах. Было заключено соглашение в сфере высшего образования. На протяжении многих лет активно действует общество дружбы «Беларусь — Куба». Многочислен-

ные культурные мероприятия (фотовыставки, презентация видеофильмов, рассказывающих о Кубе) проходят в Минске в Доме дружбы.

Увеличилось число белорусов, посетивших Кубу: с 17 чел. в 2005 г. до 1 тыс.— в 2007 г. [8, с. 93]. В 2009 г. число белорусов, посетивших Кубу, превысило 1 тыс. [10].

Для нашей страны весьма важно закрепиться на центральноамериканском рынке. В данном направлении за последние годы наметились позитивные тенденции. В 2008 г. Беларусь с официальным визитом посетил министр иностранных дел Никарагуа Самуэль Сантос Лопес. «Мы открываем новую страницу в истории развития отношений не только с Никарагуа, но и с Центральной Америкой в целом. С точки зрения развития торгово-экономических связей, нам важно иметь точки опоры в этой части Америки для того, чтобы не только сотрудничать с вашей страной, но и через вас с соседними регионами», — подчеркнул А. Г. Лукашенко.

Оба государства являются членами ООН и Движения неприсоединения и выступают с единой политической позицией на международной арене. Президент Беларуси отметил перспективу совместных проектов Беларуси, Венесуэлы, Кубы и Никарагуа по различным направлениям [11].

Таким образом, взаимоотношения Беларуси с блоком «АЛБА» осуществляются динамично по разным направлениям, однако их объем в основном приходится на Венесуэлу и Кубу. Наметились положительные тенденции во взаимоотношении с Никарагуа и другими странами региона. Так, в 2010 г. по сравнению с 2009 г. география белорусского экспорта расширилась на новые латиноамериканские страны, в которые ранее поставки белорусской продукции не осуществлялись (Барбадос, Гаити, Гондурас, Коста-Рика, Парагвай, Уругвай, Французская Гвиана, Эль-Сальвадор). В структуре экспорта преобладали калийные удобрения, шины, тракторы, прутки из стали, печатные книги и брошюры и др.

В 2010 г. прирост экспорта за счет увеличения объемов и номенклатуры поставок белорусской продукции по сравнению с 2009 г. составил: в Гватемалу (с 568,5 тыс. до 12,6 млн долл.), Доминиканскую Республику (с 6,6 тыс. долл. до 201,6 тыс. долл.), Панаму (с 1,5 млн долл. до 16,8 млн долл.) [12]. Это во многом связано с ростом авторитета Беларуси в латиноамериканском регионе и сотрудничеством, которое осуществлялось совместно с участниками блока «АЛБА».

Список использованных источников

1. Меморандум о взаимопонимании между Министерством архитектуры и строительства Республики Беларусь и Министерством жилищного строительства жилой среды Боливарианской Республики Венесуэла по вопросу о сотрудничестве в области планирования, 7 сент. 2006 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2010. — № 3/2499.
2. Лукашенко, А.Г. Беларусь готова развивать всесторонние отношения с Венесуэлой / А.Г. Лукашенко [Электронный ресурс]. — 2006. — Режим доступа: <http://president.gov.by/ru/press25083.html>. — Дата доступа: 08.08.2010.
3. Кизима, С.А. Белорусско-венесуэльская интеграция / С.А. Кизима // Беларуская думка [Электронный ресурс]. — 2010. — № 2. — Режим доступа: http://beldumka.belta.by/isfiles/000167_805666.pdf. — Дата доступа: 10.08.2010.
4. Филиал Минского автозавода появится в Венесуэле // Вестник внешнеэкономических связей [Электронный ресурс]. — 2008. — № 4. — Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/publication/foreign-economic/c8b43ec18b8fcd09.html>. — Дата доступа: 03.08.2011.
5. В Беларусь за знаниями // Вестник внешнеэкономических связей [Электронный ресурс]. — 2008. — № 4. — Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/publication/foreign-economic/c8b43ec18b8fcd09.html>. — Дата доступа: 07.03.2011.

6. Венесуэла — Беларусь: эффективное и динамичное сотрудничество // Вестник внешнеэкономических связей [Электронный ресурс]. — 2008. — № 4. — Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/publication/foreign-economic/c8b43ec18b8fcd09.html>. — Дата доступа: 03.08.2011.
7. Belarus-Venezuela: new stage in relations // Вестник внешнеэкономических связей [Электронный ресурс]. — 2009. — № 3. — Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/publication/foreign-economic/c018099d1d3c0a9e.html>. — Дата доступа: 09.04.2011.
8. Андриевский, К.П. Белорусско-кубинские связи / К.П. Андриевский // Латинская Америка. — 2009. — № 12. — С. 85–95.
9. Приоритет за научным взаимодействием // Вестник внешнеэкономических связей [Электронный ресурс]. — 2008. — № 4. — Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/publication/foreign-economic/c8b43ec18b8fcd09.html>. — Дата доступа: 08.08.2011.
10. Belarus — Cuba: new cooperation prospects // Вестник внешнеэкономических связей [Электронный ресурс]. — 2009. — № 3. — Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/publication/foreign-economic/c018099d1d3c0a9e.html>. — Дата доступа: 02.04.2011.
11. Новая страница отношений Беларуси с Центральной Америкой // Вестник внешнеэкономических связей [Электронный ресурс]. — 2008. — № 4. — Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/publication/foreign-economic/c8b43ec18b8fcd09.html>. — Дата доступа: 01.07.2011.
12. Диверсификация экспорта // Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/export/export/diver/>. — Дата доступа: 02.09.2011.

27.09.2011

УДК 947/987

С. П. Стрэнкоўскі

ДЗЕЙНАСЦЬ МАГДЭБУРГСКІХ СУДОЎ ГАРАДОЎ БЕЛАРУСІ Ў XV–XVIII стст.

Разглядаецца дзейнасць магістратаў беларускіх гарадоў XV–XVIII стст. як судовых органаў. Аналізуецца кампетэнцыя гарадскіх судаў, іх склад, крыніцы права, якія імі выкарыстоўваліся. Разгледжаны ход судовага працэсу. Дзеянне аб удзеле ў судзе асобных прадстаўнікоў гарадскога самакіравання, аб рашэннях судаў і іх выкананні. Адзначаецца спалучэнне ў судовай практыцы гарадскіх судаў нямецкага права і мясцовых звычаяў, заканадаўства Вялікага Княства Літоўскага. Матэрыял артыкула можа выкарыстоўвацца пры падрыхтоўцы падручнікаў, вучэбных дапаможнікаў, агульных і спецыяльных курсаў па гісторыі Беларусі для сярэдніх і вышэйшых навуковых устаноў.

An activity of city councils of Belarus cities in XV–XVIII centuries as judicial bodies is considered. Competence of city courts, their structure, sources of the right which were used by them is analyzed. The litigation course is considered. Representation about participation in court of separate representatives of city self-management, about decisions of the courts and their execution is given. The combination in judiciary practice of city courts of the German right and local customs, the legislation of Grand duchy Lithuanian is marked. An article material can be used by preparation of textbooks, manuals, the general and special courses on stories of Belarus for average and higher educational institutions.

Магдэбургскае права — феадальнае гарадское права, якое склалася ў Саксоніі ў XII–XIII стст. Яно было юрыдычным замацаваннем поспехаў гараджан у барацьбе з феодаламі за самастойнасць, давала гарадам права на самакіраванне і ўласны суд. На працягу наступных стагоддзяў магдэбургскае права шырока распаўсюдзілася ва Усходняй Германіі, Усходняй Прусіі, Сілезіі, Чэхіі, Венгрыі, Польшчы, Вялікім Княстве Літоўскім.

У другой палове XIX — пачатку XX ст. даследчыкі адводзяць вялікае значэнне вывучэнню гісторыі гарадоў у часы Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай. Разглядаючы агульную гісторыю гарадоў, гісторыкі закраналі і пытанне дзейнасці ў іх магдэбургскіх судаў. М. Ф. Уладзімірскі-Буданаў бачыў у магдэбургскім праве прычыну заняпаду гарадоў [1, с. 300, 302] і сцвярджаў панаванне ў гарадскіх судах іншаземных крыніц права [2]. М. В. Доўнар-Запольскі лічыў магдэбургскае права важнай перавагай беларускіх мяшчан у параўнанні з расійскімі [3], не пагаджаўся з палажэннямі пра яго іншароднасць і штучнасць [4].

Адмоўную справу бачылі ў магдэбургскім праве М. В. Каяловіч [5] і І. Д. Бяляеў [6]. В. Б. Антановіч лічыў кіруючымі ў юрыдычнай практыцы нормы мясцовых звычаяў, а магдэбургскае права толькі знешнім бокам гарадскога самакіравання і суда [7]. Ф. У. Тарановскі адносіў магдэбургскае права да дзеючага права гарадскіх судаў, якое разам з тым адчувала ўплыў мясцовых традыцый [8, с. 33]; прытрымліваўся пункту гледжання, што яно ўводзілася ў поўны памеры для рэгламентацыі ўсіх бакоў жыцця гарадскога грамадства [8, с. 18, 37, 55]. Уплыў магдэбургскага права на развіццё беларускіх гарадоў разглядалі В. К. Стукаліч [9], А. С. Грушэўскі [10], У. І. Пічэта [11].

Багаты фактычны матэрыял утрымліваюць працы гісторыкаў міжваеннага часу А. В. Бурдзейкі [12], Т. І. Забэлы [13], В. Д. Дружыцы [14–15]. Праблемы магдэбургскага самакіравання адлюстраваны ў кантэксце даследаванняў сацыяльна-палітычнага развіцця беларускіх гарадоў у працах пасляваенных гісторыкаў З. Ю. Капыскага [16] і А. П. Грыцкевіча [17], дзе паказваецца прагрэсіўны ўплыў магдэбургскага пра-

ва на стан гарадоў і наяўнасць спалучэння магдэбургскіх і старажытнарускіх норм права. Правовое становішча мяшчан даследуецца Я. А. Юхо [18], які лічыць, што склалася своеасаблівае гарадское права Беларусі.

Пытаннем развіцця гарадскога самакіравання на Беларусі, заснаванага на нямецкім праве, займаліся польскія гісторыкі: У. А. Мацяёўскі, які бачыў падабенства магдэбургскага права са славянскімі звычаямі [19]; І. Яворскі, які рысы самакіравання, характэрныя для Вільні, Бярэсця і Друі, пераносіў на астатнія гарадскія паселішчы [20]. С. Александровіч таксама даследуе прычыны, канкрэтныя абставіны і праявы ўвядзення нямецкага права ў гарадах і мястэчках Беларусі [21]. Ю. Бардах адзначае спецыфічныя рысы гарадоў на магдэбургскім праве, адрозненні самакіравання беларускіх і польскіх гарадоў [22].

Вялікая колькасць апублікаваных у розныя часы і змешчаных у Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі дакументаў дазваляе пашырыць раней вызначаныя погляды на дзейнасць самакіравання беларускіх гарадоў, асабліва ў судовай сферы.

Атрымаўшы магістраты ў якасці гарадской улады, мяшчане разам з тым атрымалі ў іх асобе органы юстыцыі. Магчымасць судовых дзеянняў магістратаў абвешчалася ў каралеўскіх прывілеях, спасылкі на што ўтрымліваюць пратаколы і кнігі судовых спраў. Калі самыя раннія прывілеі гарадам (Бярэсце, Мельнік, Лосічы, Гродна, Ваўкавыск) гавораць толькі аб судовай уладзе войта, то прывілеі Драгічына, Высокага, Навагрудка і ўсе наступныя як судовыя інстанцыі разглядаюць і бурмістраў з радцамі. У сваёй дзейнасці магістрацкія суды кіраваліся нормамаі «Speculum Saxonium» і «Jus municipale magdeburgense», якія ва ўжытку называліся «Саксона» і «Вейхбільд». На польскую мову яны перакладзены ў XVI ст. Б. Граіцкім і П. Шчэрбічам. Адзін з экзэмпляраў, выдадзены П. Шчэрбічам у Львове ў 1581 г., выяўлены намі ў фондах Музея Беларускага Палесся ў Пінску. Надпісы на вокладцы і палях дазваляюць гаварыць аб прыналежнасці яго пінскаму магістрату. Карыстаючыся «Саксонскім Зярцалам» і «Правам мейскім», магдэбургскія суды не цураліся і прававых нормаў Вялікага Княства Літоўскага. Статуты і сеймавыя канстытуцыі ўжываліся пры разглядзе судовых спраў [23; 24, а. 25 адв.–29 адв.].

У гарадах заходняй часткі Вялікага Княства Літоўскага мелі месца як «спольныя» суды, так і падзел на войтаўска-лаўніцкія і бурмістроўска-радзецкія суды. Апошняе датычыцца згодна прывілеям такіх гарадоў, як Бярэсце, Гродна, Пінск, Ліда, Лагішын.

Да кампетэнцыі войтаўска-лаўніцкіх судаў адносіліся крымінальныя справы, а бурмістроўска-радзецкіх — грамадзянскія справы. Сумесныя пасяджэнні судаў у гарадах, дзе яны былі падзелены, адбываліся ў выпадках складанасці ці значнасці разглядаемых спраў; калі гэтыя справы закраналі інтарэсы ўсяго горада, а таксама сямей гарадскога патрыцыята, як сведчаць, напрыклад, актавыя кнігі пінскіх судаў [24].

Трапляюцца і акты, дзе правапарушэнні разглядаюцца магістратам разам з гродскім судом. Так, 9 чэрвеня 1688 г. пінскі гродскі суд і магістрат сумесна вырашалі цяжбу паміж Варварынскім манастыром і мешчанінам аб нерухомасці [25, а. 28–29 адв.].

З дакументаў магдэбургій можна ўявіць, як ажыццяўляўся ўвесь судовы працэс у гарадскіх судах. Скаргі, якія падаваліся ісцамі, заносіліся ў судовыя рэестры (кароткі змест) і судовыя пратаколы (поўнасю). Магдэбургскія суды ў парадку чарговасці разглядалі іх на сваіх пасяджэннях. Спачатку запрашаліся ісцец і адказчык і сведкі з абодвух бакоў. «Позвы» на пасяджэнні разносіліся прадстаўнікамі магістратаў. У Пінску, напрыклад, вознымі, як гэта рабіў у 1784 г. Міхал Паклонскі, аб чым і рабіў запісы ў кнізе судовых пратаколаў [24, а. 41 адв.]. У Лідзе 24 студзеня 1786 г. Юзаф і Станіслаў Матусевічы атрымалі позов з рук лаўніка Якуба Гарневіча [26, а. 117].

Калі ісцу былі нанесены пабоі ці пашкоджана маёмасць, то праводзіўся агляд і складаўся адпаведны акт. Напрыклад, пінскі возны Міхал Паклонскі правёў агляд «збітага» Паўла Грынкевіча, пры гэтым прысутнічалі мяшчане Ян Данілкевіч і Рыгор Капылец [24, а. 42]. Наяўнасць сведак «веры годных» у такіх выпадках была нормай. Пацярпеўшы атрымоўваў адпаведны «акт агляду ран» ці «акт агляду шкод», падпісаны возным і сведкамі і змоцнены іх пячаткамі. Часам агляд праводзіўся «дохтарам». Акты агляду ісцы аддавалі ў суд разам з іскам. Сутнасць справы ў судзе дакладалі «служы месцкія». Заслухоўвалі сведак ці непасрэдна ў судзе, тады ў кнігу судовых спраў уносіўся даслоўны «экзамэн», ці апытвалі іх на месцы, тады іх сведчанні запісваліся ў пераказе. Апошняе, напрыклад, мела месца, калі пінскія радцы Пётр Газмоскі, Ян Цярпілоўскі і Іосіф Булавіч апытвалі гараджан на пінскім рынку па справе пінскіх базільянак з мешчанінам аб маёмасці [25, а. 39–40 адв.].

У некаторых судовых справах маюцца запісы, што абвінавачаны прызнаўся добраахвотна, «без застраху». Гэта можа азначаць, што магістрацкімі судамі прымяняліся катаванні. У пацвярджэнне адзін з актаў пружанскага магістрата за 1735 год адзначае, што ў ходзе даследавання абвінавачаная была бітая кнутом і «палёна свечамі» [27, а. 2].

Трапляюцца і сведчанні добрасумленнага падыходу суддзяў да справы. Напрыклад, Міхал і Разаля Леваноўскія, якія здзейснілі ў Пінску 6 крадзяжоў, былі абвінавачаны каралінскім кагалам яшчэ ў адным крадзяжы і задушэнні яўрэйкі. Аднак у ходзе даследавання было паказана, што ў час злачынства падазронных не было ў горадзе, і суд адхіліў абвінавачанне [24, а. 2–3 адв.].

Пасля высвятлення сутнасці справы на месцах і апытання сведак праводзіўся судовы разбор. У складаных справах ці пры адпаведным жаданні бакоў у судзе ўдзельнічалі адвакаты («пракуратары», «патроны прысяглыя»). Так, у вырашэнні судовых спраў у Пінску ў XVIII ст. прымалі ўдзел адвакаты Тамаш Чэрнік, Ігнацы Копец, Міхал Бутман, якія былі «патронамі прысяглымі юрысдыкцыі майстратовай». Яны прыносілі «Рота ў Саксоне выражанае» перад гарадскім судом [24, а. 1 адв, 5–8 адв, 14 адв.]. У 1640 г. у разглядзе справы берасцейскага мешчаніна Станіслава Мацісовіча ўдзельнічаў прыватны пракуратар шляхціц Казімір Брэзніцкі [28, с. 344].

Значым, што дакументы сведчаць пра правую адукаванасць асобных членаў магістратаў. Тамаш Чэрнік, якога мы згадвалі вышэй у якасці адваката, быў пінскім пісарам. Радца Пінска Стэфан Казаковіч

у 1665 г. выступаў як адвакат Івана Левановіча, а дакумент 1664 г. называе яго інстыгатарам; у 1678 г. як «патрон» Пінска ў скарбовым трыбунале выступаў радца Якуб Сядлецкі [23; 29, а. 247].

У судзе мог удзельнічаць і абвінаваўца, як гэта было, напрыклад, у справе аб забойстве Фёдарам і Бенядзіктам Капцямі Васіля Капця, якую разглядаў пінскі магістрат. У пасяджэнні прымаў удзел Тэадор Дубок, «судоў магдэбургскіх інстыгатар» [24, а. 17–21].

За найбольш важкія довады прымаліся: наяўнасць пісьмовага дакумента (асабліва ў справах аб пазыках); наяўнасць вялікай колькасці сведак; прынясенне прысягі.

Апошняе было вельмі важкім аргументам. Калі пружанскі суд разглядаў справу Яна Папка і Васіля Галоўкі аб прыналежнасці парасяці, то Галоўка прынёс прысягу, а Папок не. Суд стаў на бок першага [27, а. 10]. Пінскі магістрат апраўдаў Марыяну Праневічаву, якая прынесла прысягу аб тым, што «ніякіх грошай... не брала і ніякай супольнасці не мела... у гандля для складкі выплаты пазыкі» [24, а. 2 адв. –3].

Магістрацкія суды мелі права разбіраць і вырашаць справы аб злачынствах, што адбыліся на падначаленай ім тэрыторыі, здзейсненых прадстаўнікамі любога саслоўя [23–25; 27–28]. Гэтае іх права было замацавана ў гарадскіх прывілеях.

Пры вынясенні прыгавораў выкарыстоўваліся рашэннявыя пакаранні.

У справах аб даўгах, як правіла, адказчыкаў абавязвалі выплаціць грошы ў прызначаны судом тэрмін пад зарукаю пэўнай сумы. Ёсць выпадкі, калі сума доўга дзялілася на некалькі частак. Так зрабіў магістрат Пінска ў 1777 г. у справе Яна Даневіча, «гледзячы на немагчымасць выплаціць усё разам» [24, а. 2].

За крадзеж грошай на кірмашы кобрынскі магістрат абавязаў бэльскага купца Гаўрылу Дмітровіча вярнуць грошы [28, с. 508–510]. У Пінску самым распаўсюджаным пакараннем за крадзеж былі 200 удараў розгамі і выгнанне з горада нават за дробныя крадзежы, «каб ад малых рэчаў не перайшоў да велькіх». Пры паўторным злачынстве прымянялася «дваякае» і нават «трайкае» пакаранне, што азначае яго павелічэнне ў два-тры разы [24, а. 14, 22 адв.–23].

За парушэнне правіл гандлю тыя, хто іх парушаў, прысуджаліся да штрафу. Пінчук Антон Шпілеўскі за гандаль у нявызначаным месцы заплаціў 18 злотых у гарадскі скарб [24, а. 32 адв.].

За лаянку пружанскі магістрат прысудзіў Паўлу Седляру штраф у 1 капю грошай і суткі турмы; Астапку Швяцу за знявагу магістрата, выклік бурмістра на дуэль і выбіццё дзвярэй 3 капы штрафу, «словы свае забраць» і прасіць прабачэння; Кандрату Маліцковічу за нецэнзурную лаянку 12 удараў палкамі; Васілеўскаму за распаўсюджанне плётак 1 капю штрафу; Міхалу Катко і Паўлу Каралько за брыдкія словы прасіць прабачэння, 1 капю штрафу і 2 фунты воску на свечкі царкве [27, а. 9; 30, а. 15, 82].

За збіццё, як правіла, злачынца прысуджаўся да выплаты кампенсацыі пацярпеламу і штрафу на ратушу. У Пружанах Павел Петранчук за збіццё Грыца Рашкевіча меў заплаціць 3 капы навязкі, 2 капы віны на ўрад горада; Павел Каральковіч за збіццё Міхала Каральковіча — 5 фунтаў воску на касцёл, 5 коп войту, прасіць прабачэння і адсядзець у турме; Фёдар

Бункевіч за збіццё Якуба Федаровіча павінен быў заплаціць 10 коп пацярпеламу, 1 капю ўраду, за лаянку — узяць свае словы назад і дадаць пры гэтым, што «сам такі ёсць», а за тое, што ўцёк, 1 капю грошай, бочку піва і тыдзень турмы [30, а. 70–70 адв, 87 адв].

Пінчука Андрэя Голуба за няясненне пабоў свайго дачцэ пінскі магістрат прысудзіў да выплаты ёй 1 злотага; Рыгора Тэадаровіча за збіццё жонкі да выплаты ёй 4 злотых і 4 злотых на ратушу, а ісціцу папярэдзіў, што, калі будзе піць, то высякуць розгамі. Андрэй Баканоўскі за тое, што пабіў цешчу, павінен быў прасіць у яе прабачэння, заплаціць 12 злотых суду, падчас імшы ў касцёле «крыжам ляжаць» і зноў на цвінтары прасіць прабачэння. Публічнае пакаранне суд вынес для таго, каб «кожны бачыў, што і такое злачынства караецца» [24, а. 34, 34 адв, 35–36].

За падпал хаты Марыяна Мазурка ў Пружанах была асуджана на спаленне. Тамсама за пакушэнне на гвалт злачынца быў асуджаны на тыдзень турмы (яду даваць 1 раз на дзень) і аплату 10 коп грошай суду [27, а. 3, 9].

У Кобрыне ў пачатку XVIII ст. Апалонія Паўловічава за чарадзеяства атрымала 50 удараў і павінна была крыжам праляжаць абедню ў царкве; Іван Яцэвіч за блудадзейства з жонкай Самуіла Ярмаховіча атрымаў 100 удараў пастронкамі, а абвінавачаная — 3 дні арышту і павінна была на працягу 4 тыдняў ляжаць на абеднях крыжам, пры паўторы абодвум пагражала смерць; Марыя Давыдаўна за тое, што нарадзіла дзіця па-за шлюбам і закапала яго, атрымала 300 удараў розгамі і была выгнана з горада, а яе сястра за тое, што не данесла, была прысуджана да 50 удараў пастронкамі [28, с. 51, 510–511, 514–515, 531–532].

За забойства пінскі магістрат вынес пакаранне Бенядзікту Копачу ў памеры 100 удараў розгамі ў Пінску і 400 на месцы злачынства, у вёсцы Угрынічы, ён павінен быў заплаціць сямі забітага 50 злотых, у выпадку ўхілення ад цялесных пакаранняў суд прадпісаў пакараць яго «на горла», значыць смерцю, без дадатковага разбору [24, а. 20–21].

Усе цялесныя пакаранні выконвалі гарадскія каты на рынкавай плошчы, каля ратушы.

Магістраты сачылі за законным парадкам судовых дзеянняў. Так, пінскі бурмістр Ян Рыбчынскі 26 чэрвеня 1784 г. з 6 да 9 гадзін раніцы ў ратушы «взяенне адсядзеў» за тое, што дазволіў сабе Паўла Сабалеўскага ў нявызначаны час караць у сваім доме [24, а. 35].

На рашэнні магістрацкіх судоў на падставе прывілей мяшчане маглі апеляваць старостам, а потым каралю, а ў некаторых гарадах (Камянец, Навагрудак, Мілейчыцы, Пружаны) — адразу ў каралеўскі суд.

Перад значнымі святамі дзейнасць магдэбургскіх судоў прыпынялася. Напрыклад, у Пінску 23 снежня 1784 г. «спыненне судоў магдэбургскіх пінскіх на 3 тыдні ў ратушы па рашэнні ўсяго магістрата праз Міхала Паклонскага, вознага места Пінска, абвешчана з прычыны наступаючых свят» [24, а. 44 адв].

Поруч з судом магістраты выконвалі натарыяльныя функцыі. Ратушныя суды завяралі розныя дакументы. Акты, занесеныя ў гарадскія кнігі, атрымоўвалі сапраўдную сілу, «вечнасць». Напэўна таму кнігі такіх запісаў называлі «кнігі спраў вячыхых». Змяшчаліся ў іх акты куплі-продажу, кантракты, дарчыны, акты за-

логу, пазыковыя абавязачельствы, квітанцыі, распіскі, даверанасці, адказныя лісты, размежавальныя запісы [31–32].

Можна заўважыць і такую асаблівасць, што акты, якія датычыліся пакупкі і продажу нерухомасці, завяраліся, як правіла, лаўнікамі. Апошнія да таго ж уводзілі ў валоданне нерухомасцю [23; 25, а. 11–11 адв., 14–14 адв., 15–15 адв., 20].

Актавыя кнігі Брэста, Кобрына, Камянца, Пінска, Поразава, Пружан утрымліваюць і шматлікія тэстаменты, завераныя прадстаўнікамі магістратаў. Магістраты выдавалі і завераныя копіі актаў.

У гарадскія кнігі ўносілі свае акты не толькі гараджане, але і прадстаўнікі іншых саслоўяў. Такая практыка была скасавана ў 1764 г. пастановай канвакацыйнага сойма [28, с. XXVIII].

Вывады

1. Суд быў важным напрамкам дзейнасці магдэбургій. Значныя гарады мелі нават 2 суды: войтаўска-лаўніцкі і бурмістроўска-радзецкі. Але і яны праводзілі супольныя пасяджэнні, разглядаючы справы агульнагарадскога значэння, цяжкія ў юрыдычных і працэсуальных аспектах справы і г. д. Па сутнасці гэта былі

дзве палаты (крымінальная і грамадзянская) аднаго гарадскога суда. У значных гарадах такі падзел можна лічыць апраўданым, верагодна ён садзейнічаў спецыялізацыі і прафесіяналізацыі суддзяў. Прывілей 1581 г. Пінску ўказвае на магчымасць рады вырашаць і пытанні, якія належаць да кампетэнцыі войтаўскага суда, тое ж занатавана ў прывілеі Кобрыну.

2. Магдэбургскія суды выкарыстоўвалі ў сваёй практыцы «Speculum Saxonum» і «Jus municipale», Статуты Вялікага Княства Літоўскага і соймавыя канстытуцыі, кіраваліся мясцовымі традыцыямі. Гэта абв'ярае палажэнні: а) В. Б. Антановіча аб тым, што мяшчане не ведалі норм магдэбургскага права і магістраты ўказвалі іх толькі зрэдку і то запісвалі іх у рашэнні суда для формы і абы-як; б) гэтага ж гісторыка аб тым, што кіруючымі юрыдычнымі нормаў ў гарадах Вялікага Княства Літоўскага былі толькі мясцовыя традыцыі; в) М. Ф. Уладзімірскага-Буданава пра панаванне ў магістрацкіх судах іншаземных крыніц права.

3. Важным напрамкам дзейнасці магдэбургскіх судоў быў таксама натарыят.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Владимирский-Буданов, М.Ф.* Немецкое право в Польше и Литве / М.Ф. Владимирский-Буданов. — СПб., 1868.
2. *Владимирский-Буданов, М.Ф.* Историко-юридические материалы / М.Ф. Владимирский-Буданов // Киев. ун-та известия. — 1877. — № 3.
3. *Довнар-Запольский, М.Ф.* Белорусское прошлое / М.Ф. Довнар-Запольский // Исследования и статьи. — М. : Изд-во А.П. Сапунова, 1901. — Т. 1. — С. 328.
4. *Довнар-Запольский, М.Ф.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах / М.Ф. Довнар-Запольский. — Киев, 1901. — С. 293.
5. *Коялович, М.О.* Лекции по истории Западной России / М.О. Коялович. — М., 1868.
6. *Беляев, И.Д.* История Полоцка и Северо-Западной Руси с древнейших времен до Люблинской унии / И.Д. Беляев. — М. : Синод. тип., 1872.
7. *Антонович, В.Б.* Исследование о городах юго-западного края / В.Б. Антонович // Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. — Киев : Тип. Е.Я. Федорова, 1885. — Т. 1.
8. *Тарановский, Ф.В.* Обзор памятников магдебургского права западнорусских городов литовской эпохи / Ф.В. Тарановский. — Варшава : Тип. Варшав. учеб. округа, 1897.
9. *Стукалич, В.К.* Белоруссия и Литва. Очерки по истории городов Белоруссии / В.К. Стукалич. — Витебск : Губ. тип., 1894.
10. *Грушевский, А.С.* Пинское Полесье / А.С. Грушевский. — Киев : Изд-во «Университетских известий», 1901–1903.
11. *Пичета, В.И.* Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве / В.И. Пичета. — М. : Изд-во АН СССР, 1958.
12. *Бурдзейка, А.* Нарыс сацыяльна-эканамічнага жыцця места Навагрудку ў XVI ст. / А. Бурдзейка // Гістарычна-археалагічны зборнік. — Мінск, 1927. — № 1.
13. *Забэла, Т.І.* Места Берасцейскае ў XVI ст. / Т.І. Забэла // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Працы класа гісторыі. — Мінск, 1929. — Т. 3. — Кн. 8.
14. *Дружчыц, В.Д.* Войты і іх улада ў беларускіх гаспадарскіх местах з Майдэбургскім правам / В.Д. Дружчыц. — Мінск, 1928.
15. *Дружчыц, В.Д.* Магістрат у беларускіх местах з Магдэбургскім правам у XV–XVII стагоддзях / В.Д. Дружчыц // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Працы класа гісторыі. — Мінск, 1929. — Т. 3, кн. 8.
16. *Копысский, З.Ю.* Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI — 1 половине XVII вв. / З.Ю. Копысский. — Минск : Наука и техника, 1975.
17. *Грицкевич, А.П.* Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв. / А.П. Грицкевич. — Минск : Наука и техника, 1975.
18. *Юхо, Я.А.* Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі / Я.А. Юхо. — Мінск : Універсітэцкае, 1992.
19. *Macejowski, W.A.* Historia miast i mieszczań w krajach dawnego państwa polskiego od czasów najdawniejszych aż do połowy XIX w. / W.A. Macejowski // Roczniki towarzystwa przyjaciół nauk poznańskiego. — Poznań, 1890. — Т. XVII. — З. 2.
20. *Jaworski, I.* Studia nad ustrojem miast na prawie niemieckim w Wielkim Księstwie Litewskim w dobie Jagellońskiej / I. Jaworski. — Wilno, 1931.
21. *Aleksandrowicz, S.* Miasteczka Białorusi i Litwy / S. Aleksandrowicz // Akta Bałtyko-Słowiańska. — 1970. — Nr 7. — S. 48.
22. *Bardach, J.* Miasta na prawie magdeburskim w Wielkim Księstwie Litewskim od schyłku XIV do połowy XVII st. / J. Bardach // Kwartalnik historyczny. — Warszawa. — 1980. — R. 87. — Nr. 1. — S. 24–50.
23. Музей Беларускага Палесся ў г. Пінску.
24. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). Фонд 1822. — Воп. 1. — Спр. 2. Пінскі магістрат.
25. НГАБ. Фонд 694. — Воп. 14. — Спр. 32.
26. НГАБ. Фонд 1718. — Воп. 1. — Спр. 1. Лідскі магістрат.

27. НГАБ. Фонд 1827. — Воп. 1. — Спр. 3. Пружанскі магістрат.
 28. Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией для разбора древних актов : в 39 т. — Вильна, 1865–1915. — Т. 6.
 29. НГАБ. Фонд 1733. — Воп. 1. — Спр. 2. Пінскі гродскі суд.
 30. НГАБ. Фонд 1827. — Воп. 1. — Спр. 1. Пружанскі магістрат.
 31. НГАБ. Фонд 1822. — Воп. 1. — Спр. 1. Пінскі магістрат.
 32. НГАБ. Фонд 1808. — Воп. 1. Поразаўскі магістрат.

09.09.2011

УДК 947/987

А. А. Ярмац

АКТИВІЗАЦЫЯ ПОСТАКАЎСКАГА ПАДПОЛЛЯ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ ПАДЧАС ПАДРЫХТОЎКІ І ПРАВЯДЗЕННЯ ВЫБАРАЎ У ВЯРХОЎНЫЯ САВЕТЫ Ё 1946–1947 гг.

На аснове новага дакументальнага матэрыялу вывучаецца маладаследаваная ў беларускай гістарыяграфіі праблема дзейнасці антысавецкага падполля ў першыя пасляваенныя гады. Ажыццяўляецца аналіз уплыву польскага і ўкраінскага антысавецкага падполля на перадвыбарчыя мерапрыемствы савецкай улады ў 1946–1947 гг., грамадзянскую актыўнасць насельніцтва. Паказваюцца меры органаў дзяржбяспекі, накіраваныя супраць антысавецкіх фарміраванняў і выніковыя гэтай барацьбы, ахвяры, якія павінен быў панесці савецкі народ.

On the basis of a new documentary material the problem of activity of an anti-Soviet underground in the first post-war years is studied not entirely investigated in Belarus historiographies. The analysis of influence of the Polish and Ukrainian anti-Soviet underground on pre-election actions of the Soviet power in 1946–1947, Civil activity of the population is carried out. Measures of bodies the state securities directed against anti-Soviet formations and productivity of this struggle, a victim which the Soviet people should incur are specified.

Пасля заканчэння Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Беларусі разгарнулася барацьба паміж савецкімі органамі бяспекі і тымі, хто па розных прычынах не лічыў савецкі лад законным альбо проста пазбягаў адказнасці за супрацоўніцтва з ворагам у гады вайны. У савецкай гістарыяграфіі гэтая праблема была пад негаласнай забаронай, але за апошнія гады, у сувязі з рассакрэчэннем часткі дакументаў, з'яўляюцца першыя даследаванні па дадзенай тэматыцы. Дзейнасць антысавецкага падполля ў першыя пасляваенныя гады застаецца малавывучанай тэмай навейшай гісторыі Беларусі.

Падмурак дзейнасці антысавецкага падполля быў закладзены ў часы акупацыі, калі Беларусь стала арэнай супрацьстаяння розных палітычных і вайсковых сіл. Пасля вызвалення краіны на яе тэрыторыі заставаліся польскія і ўкраінскія ўзброеныя атрады, якія сканцэнтраваліся на барацьбе супраць савецкай улады. У другой палове 1944 — пачатку 1945 г. органамі дзяржаўнай бяспекі і ўнутраных спраў пры падтрымцы ўнутраных войск і частак рэгулярнай арміі быў нанесены адчувальны ўдар па падпольных фарміраваннях. За гэты час праведзены 893 вайсковыя аперацыі, у ходзе якіх былі ліквідаваны асноўныя кіруючыя цэнтры падполля на тэрыторыі Беларусі [1, с. 76]. Па звестках Галоўнага ўпраўлення па барацьбе з бандытызмам МУС СССР за 1944–1946 гг. у Беларусі было ліквідавана 58 нацыяналістычных арганізацый, 590 падпольных груп, звязаных з нацыяналістыч-

ным падполлем. Было забіта 2 562 удзельніка падполля і 9 122 арыштавана [2, с. 45].

Нягледзячы на гэтыя меры, значная частка ўдзельнікаў антысавецкага падполля, у асноўным ураджэнцы Беларусі, працягвала сваю дзейнасць. Аб гэтым сведчыць ускладненне грамадска-палітычнай сітуацыі ў Беларусі ў 1946–1947 гг., асабліва ў заходніх абласцях краіны — Баранавіцкай, Брэсцкай, Гродзенскай, Маладзечанскай і Пінскай. Гэта было звязана з дзейнасцю атрадаў былой Арміі Краёвай, якую афіцыйна распусцілі загадам ад 19 студзеня 1945 г., але яе аддзелы працягвалі дзейнасць [3, с. 219]. Сур'ёзную сілу уяўлялі сабой і атрады Украінскай паўстанцкай арміі, якая мела ў паўднёвых раёнах Беларусі разгалінаваную падпольную сетку. Актывізацыя дзейнасці гэтых структур была звязана з шэрагам фактараў, найбольш уплывовы з якіх — падрыхтоўка і правядзенне выбараў у Вярхоўныя Саветы СССР і БССР 1946–1947 гг. У артыкуле аналізуецца ўплыў антысавецкага падполля на перадвыбарчыя мерапрыемствы савецкай улады, грамадзянскую актыўнасць насельніцтва і меры органаў дзяржбяспекі, накіраваныя супраць антысавецкіх фарміраванняў.

Існуюць звесткі аб адзінаковых антысавецкіх выступленнях напярэдадні выбараў у 1947 г. і на тэрыторыі усходняй Беларусі, у прыватнасці ў Хоцімскім і Касцюковіцкім раёнах [3, а. 155]. 6 ліпеня 1947 г. адбыўся ўзброены налет на выбарчы ўчастак

у Хоцімскім раёне. Работнікі камісіі і каля 100 выбаршчыкаў утрымліваліся ў адным пакоі, а чатыры чалавекі былі ўзяты ў палон, калі бандыты пакідалі населены пункт [4, а. 176]. Сакратар Хоцімскага РК КП(б)Б паведамляў, што ў чэрвені 1947 г. на тэрыторыі раёна ўзброеная група здзяйсняла налёты на калгасы, рабавала і праводзіла антысавецкую агітацыю. У прыватнасці, распаўсюджвала чуткі аб хуткім прыходзе амерыканскіх войск. Тая ж банда ў пачатку ліпеня 1947 г. здзейсніла напады на вёскі і выбарчыя ўчасткі ў Суражскім раёне, у выніку якіх было забіта 5 чал. [5, а. 147].

Пазней было выяўлена, што гэтыя акцыі праводзіліся ўзброенай групай пад кіраўніцтвам Козіна, якая налічвала 12–15 чал. Кіраўнік групы ў гады вайны служыў у паліцыі [5, а. 147]. Сакратар ЦК КП(б)Б Гусараў перасцерагаў міністра дзяржаўнай бяспекі Цанаву ад недаацэнкі дзейнасці гэтай групы і прапанаваў правесці сур'ёзную аперацыю па яе знішчэнні. 10 верасня 1947 г. з гэтай мэтай у вышэйпазначаныя раёны былі накіраваны дадатковыя аперацыйныя работнікі [5, а. 145]. Гэтыя звесткі сведчаць аб наяўнасці ў рэгіёне ўзброеных атрадаў, якія займаліся пераважна тэрарыстычнай дзейнасцю і не ставілі палітычных мэт. Сцвярджаюць прысутнасць арганізаванага антысавецкага падполля ва ўсходняй Беларусі вядомыя архіўныя матэрыялы не даюць падстаў.

Найбольш актыўную дзейнасць у час перадыбарчых кампаній праводзілі польскія падпольныя атрады, якія на працягу 1946 г. аднавілі некаторыя структуры, часткова ліквідаваныя органамі савецкай улады. Адноўленыя часткі былых Віленскай, Беластоцкай і Навагрудскай акруг Арміі Краёвай правялі перагруповку сіл і сродкаў і былі аб'яднаны ў 9 Ваўкавыскі, 10 Гродзенскі, 11 Індурскі абводы Беластоцкай акругі, 49 Шчучынскі і 76 Лідскі абводы Віленскай акругі, а таксама некаторыя асобныя злучэнні, што раней падпарадкоўваліся Віленскай акрузе [6, с. 294]. Шчучынскі і Лідскі абвод на працягу 1946–1947 гг. былі аб'яднаны ў абвод № 49/76, што дзейнічаў на тэрыторыі Лідскага, Радунскага, Шчучынскага, Васілішкаўскага, Жалудокскага і Воранаўскага раёнаў Гродзенскай вобласці [6, с. 296]. Узначальваў арганізацыю, што існавала да вясны 1949 г., Анатоль Радзівонік, які ў дакументах упамінаецца як «Олех» [7, с. 334]. Палеская акруга АК была аслаблена і не змагла разгарнуць шырокую дзейнасць з-за вострых супярэчнасцей з украінскімі нацыяналістамі [8, с. 80].

У памежных з Украінскай ССР раёнах Брэсцкай, Пінскай, Палескай абласцях Беларусі актывізавалі ў дні падрыхтоўкі да выбараў дзейнасць аддзелы Украінскага паўстанцкай арміі [2, с. 144].

Галоўнымі формамі барацьбы антысавецкіх фарміраванняў у азначаны час былі:

- антысавецкая агітацыя і прапаганда;
- тэрарыстычныя акты;
- сабатаж мерапрыемстваў савецкай улады (удзел у выбарах, пастаўкі збожжа і інш.)

Згодна з інфармацыяй першага сакратара Лідскага РК КП(б)Б, у час падрыхтоўкі да правядзен-

ня выбараў 1946 г. актывізацыя антысавецкіх сіл выявілася ў павелічэнні колькасці нападаў на населеныя пункты раёна і забойства сялянскіх актывістаў у Радунскім і Лідскім раёнах. Паведамляецца аб 12 забітых, сярод якіх адзін баец Чырвонай Арміі, збіцці старшыні ўчастковай выбарчай камісіі ў в. Троігі Радунскага раёна [9, а. 26]. Для нармалізацыі становішча Лідскім гарадскім аддзелам НКУС была праведзена аперацыя па выкрыцці падполля, у выніку якой разгромлена адна з састаўных частак абводу № 49/76 — кампанія «Выган». Пры затрыманні быў знойдзены 41 асобнік антысавецкіх лістовак, падрыхтаваных да распаўсюджвання, з загадам польскаму насельніцтву краю не ўдзельнічаць у выбарах [9, а. 27]. Удзельнікі выбарчых камісій сталі ахвярамі тэрору ў в. Вальпены Міёрскага раёна Полацкай вобласці, в. Сонна Любчанскага раёна Баранавіцкай вобласці [4, с. 144].

Сітуацыя ўскладнілася ў першай палове 1947 г. Заклікі да байкоту выбараў распаўсюджваліся ў шэрагу памежных раёнаў Гродзенскай вобласці. Друкаваныя матэрыялы, як правіла, адрасаваліся польскаму насельніцтву, што апынулася пад «большавіцкай акупацыяй», а таму не павінны былі выкарыстоўвацца ў мерапрыемствах «акупацыйнай» улады [10, а. 9].

У запісы першага сакратара ЦК КП(б)Б Гусарава адзначаецца, што ў перыяд выбараў у Вярхоўны Савет БССР у заходніх абласцях Беларусі актывізавала антысавецкую дзейнасць каталіцкае духавенства. Некаторыя з ксяндзоў былі напрамую звязаны з узброеным падполлем, з'яўляліся сувязнымі, як ксёндз Ракоўскі з Радашковіцкага раёна, ці нават кіравалі асобнымі яго часткамі, як ксёндз мястэчка Гудагай Астравецкага раёна [11, а. 27–36]. Органамі дзяржбяспекі ўстаноўлена, што многія духоўныя асобы ўсяляк перашкаджалі нармальнаму ходу галасавання. Так, выбаршчыкі Лукашэўскага ўчастка Іўеўскага раёна да той пары не ішлі на ўчастак, пакуль не мелі на гэта дазвол ксяндза. У Юрацішкаўскім раёне 200 прыхаджан Лаздунскага касцёла з'явіліся на выбарчы ўчастак апошнімі, пасля заканчэння богаслужэння. Пасля ўскрыцця ўрнаў на бюлетэнях, што ляжалі зверху, былі знойдзены антысавецкія надпісы [11, а. 27–36]. Па заходніх абласцях краіны праз каталіцкае духавенства распаўсюджваліся чуткі аб хуткім вяртанні краю Польшчы, «што мяжа будзе вернута туды, дзе яна была да 1939 г., хто актывіна супрацоўнічаў з савецкай уладай будзе пакараны... Саветы ўжо ў Польшчу не прапускаюць палякаў, а ўсё польскае насельніцтва, што тут застанеца, будзе вывезена ў Сібір» [12, а. 30].

Пад уздзеяннем агітацыі сяляне адмаўляліся балаціравацца ў мясцовыя саветы працоўных, непакоячыся за ўласную бяспеку, выказвалі антысавецкія настроі [8, с. 79]. Можна зрабіць выснову, што агітацыйная форма барацьбы спалучалася са звычайным запалохваннем насельніцтва. Дэпутат в. Скібава Ваўкавыскага раёна Гродзенскай вобласці заяўляў, напрыклад, што «калі яго ізноў выбіруць у дэпу-

таты, то ён адмовіцца. Бо наўрад ці хто згодзіцца быць дэпутатам, каб рызыкаваць сваім жыццём» [6, с. 301]. Настаўніца пачатковай школы ў Брэсцкім раёне, вылучаная кандыдатам у дэпутаты раённага Савета, катэгарычна адмовілася балаціравацца. Як стала вядома пазней, яна стала ахвяраў шантажу [6, с. 301].

Аб значнай актывізацыі дзейнасці польскага падполля ў сувязі з выбарамі сведчыць факт, што хваля тэрарыстычных актаў ахапіла даволі вялікі рэгіён. Напады на выбарчыя ўчасткі суправаджаліся знішчэннем усёй дакументацыі, а часта і забойствам членаў участковых камісій. У студзені 1947 г. былі забіты старшыня адной з камісій у Васілішкаўскім раёне Гродзенскай вобласці, старшыня сельскага савета ў Дзятлаўскім раёне Баранавіцкай вобласці, тры жанчыны-актывісткі ў Браслаўскім раёне [12, а. 10]. Старшыня Юрацішкаўскага райкама партыі паведамляў аб серыі нападаў на выбарчыя ўчасткі, разрабаванні будынкаў сельскіх саветаў, знішчэнні спісаў выбаршчыкаў [14, а. 267].

Актывізацыя постакаўскага падполля ўплывала на правядзенне агітацыйна-прапагандысцкай дзейнасці ў Заходняй Беларусі. У атмасферы страху перад тэрактамі значна паменшылася колькасць агітатараў на месцах. Калі ў лютым 1946 г. у Гродзенскай вобласці на гэтай пасадзе працавала 7 334 чал., то ў ліпені 1947 г. іх колькасць складала 5 338 чал. [8, с. 81].

Напярэдадні выбараў у ВС БССР у 1947 г. назіраўся ўсплёск антысавецкіх настрояў насельніцтва ў Брэсцкай вобласці. Першы сакратар Брэсцкага АК КП(б)Б Красоўскі звязваў гэта з дзейнасцю атрадаў АУН-УПА. Так, на чыгуначнай станцыі Жабінка 21 студзеня 1947 г. была знойдзена лістоўка, накіраваная «байцам і камандзірам Чырвонай Арміі». У ёй салдаты і афіцэры заклікаліся да выступу супраць «сталінскіх прыспешнікаў, сексотаў, агентаў НКУС-НКДБ». «Сталін кінуў вас на крываваю барацьбу з фашызмам, сёння высылае вас на барацьбу супраць народа і рэвалюцыі, а ў бліжэйшы час накіруе на новую вайну, пакарэнне новых дзяржаў і народаў» [15, а. 101]. Пад тэкстам стаяў подпіс: «Украінскія паўстанцы». Аб тым, якое распаўсюджванне мелі такія настроі ў грамадстве, сведчаць паведамленні таго ж кіраўніка. 9 студзеня 1947 г. жыхар в. Сялец Кобрынскага раёна Раманюк заявіў, што «галасаваць за грабіцеляў я не пайду. Што яны далі нам добрага, толькі грабляць сялян. Ёсць добрыя людзі «ўкраінскія нацыяналісты, якія змагаюцца за нас. Хутка яны ўстановаць «самастойную Украіну» і тады жыць будзе добра» [15, а. 102].

Выпадкі такога кшталту былі частымі. У выказваннях сялян добра прасочваецца агітацыйная работа антысавецкага падполля. Жыхар Брэсцкага раёна Лакай напярэдадні выбараў казаў, што падчас вайны «савецкія байцы былі распранутыя і галодныя, у той час як немцы былі сытыя і добра апранутыя, і калі б Амерыка не дапамагала, СССР ніколі б не пе-

рамог у вайне». Сялянка Брытшэнь з Дзвіна папярэджвала, што «саветы пасля галасавання пачнуць будаваць калгасы і марыць людзей голадам, як у Расіі» [15, а. 103]. Акрамя актыўнай прапагандысцкай дзейнасці, украінскімі нацыяналістамі здзяйсняліся тэрарыстычныя акты. Толькі за 1946 г. на тэрыторыі Брэсцкай вобласці адбыліся 52 тэракты. Значная іх частка прыйшла на Дзівінскі раён Брэсцкай вобласці [8, с. 83]. Старшыня палітычнага аддзела Брэсцкага абласнога ваеннага камісарыята Міхайлаў паведамляў кіраўніцтву аб 26 забітых прадстаўніках партыйнага і савецкага актыву за 1946 — люты 1947 г. толькі на тэрыторыі Маларыцкага раёна. Ва ўсіх выпадках за здзейсненыя злачынствы ніхто не быў пакараны [10, а. 47].

Для папярэджання падобных з'яў органы МУС заходніх абласцей краіны папярэджвалі вопытнымі работнікамі, з якіх было сфарміравана 5 аператыўных груп, 3 з іх былі накіраваны ў Гродзенскую вобласць. У аддзелах міліцыі Гродзенскай і Брэсцкай абласцей было накіравана 100 супрацоўнікаў органаў МУС з усходняй Беларусі. Маладзечанская вобласць, у сваю чаргу, была падзелена на аператыўныя ўчасткі, куды накіроўвалі спецыяльныя групы з вопытных супрацоўнікаў крымінальнага вышуку УУС вобласці [6, с. 330].

Паводле звестак даклада міністра ўнутраных спраў СССР Круглова аб выкананні мерапрыемстваў па забеспячэнні парадку і бяспекі ў дні падрыхтоўкі і правядзення выбараў у Вярхоўныя Саветы, адпаведная праца ў саюзных рэспубліках праводзілася органамі МУС па распрацаваных раней планах. З усходніх раёнаў рэспублікі было накіравана 75 аператыўных работнікаў МУС і міліцыі. У пачатку 1947 г. у Баранавіцкай, Брэсцкай, Гродзенскай, Маладзечанскай, Пінскай і Полацкай абласцях было сканцэнтравана 1 880 салдат і афіцэраў войск МУС. У ахове памяшканняў выбарчых участкаў прымалі ўдзел чырвонаармейцы. У выніку праведзеных чэкіска-вайсковых аперацый і другіх аператыўных мерапрыемстваў з 1 па 20 студзеня 1947 г. былі забіты 4 удзельнікі антысавецкага падполля, выяўлена 6 аўтаматаў, 51 вінтоўка, 36 пісталетаў, 8 гранат [16, с. 123].

Адзначым, што на тэрыторыі суседніх саюзных рэспублік меры па забеспячэнні бяспекі выбараў былі больш значнымі. Так, у заходніх абласцях УССР былі сканцэнтраваны 15 палкоў унутраных войск, полк пагранічных войск, 7 пагранічных атрадаў агульнай колькасцю 36 000 байцоў і афіцэраў, а ахову кожнага выбарчага ўчастка забяспечвалі ад 7 да 10 супрацоўнікаў МУС на чале з афіцэрам і аператыўным работнікам. У Латвійскай ССР было сканцэнтравана больш за 17 тыс. афіцэраў і байцоў МУС, Чырвонай арміі і знішчальных батальёнаў, у Літоўскай ССР — 25 497 тыс. [2, с. 369]. Прыведзеныя лічбы сведчаць аб адносна спакойнай падытоўцы і правядзенні выбараў у Беларускай ССР у параўнанні з суседнімі рэспублікамі.

Сітуацыі ў рэгіёне напярэдадні выбараў была прысвечана адмысловая пастанова ЦК КП(б)Б «Аб фактах антысавецкіх дзеянняў варожых элементаў у асобных раёнах Беларускай ССР» ад 30 студзеня 1947 г. ЦК абавязваў міністра ўнутраных спраў БССР Бельчанка і міністра дзяржаўнай бяспекі БССР Цанаву ўзмацніць мерапрыемствы па барацьбе з польскім падполлем, у прыватнасці, накіраваць дадатковыя групы аператыўных работнікаў у раёны, дзе назіраецца тэрарыстычная дзейнасць [16, с. 125].

Прынятыя меры прынеслі плён. Напярэдадні выбараў у Вярхоўны Савет БССР толькі ў Маладзечанскай вобласці было ліквідавана 10 антысавецкіх груп. На працягу 1947 г. былі амаль ліквідаваны злучэнні абвodu № 49/76 [6, с. 333]. Аднак вырашальны ўдар па антысавецкім падполлі не быў нанесены, і яго ўплыў адбіваўся на мерапрыемствах Савецкай улады на працягу некалькіх наступных гадоў, што вымушала ЦК КП(б)Б вяртацца да разгляду праблемы і мер па яе вырашэнні і пасля выбараў [17, а. 2].

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Валаханович, И.А.* Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944–1953 гг. / И.А. Валаханович. — Минск : БГУ, 2002.
2. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и в Прибалтике (1939–1956) : сб. док. / сост. Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин. — М. : Объединен. ред. МВД России, 2008.
3. *Сямашка, Я.* Армія Краёва на Беларусі / Я. Сямашка. — Мінск : Беларус. выд. т-ва «Хата», 1994.
4. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НА РБ). Фонд 4п. — Воп. 29. — Спр. 582.
5. НА РБ. Фонд 4п. — Воп. 29. — Спр. 597.
6. Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954 гг.) / С.А. Ситкевич [и др.]. — Гродно : ГГАУ, 2004.
7. *Strembosz, T.* Rzeczpospolita podziemna / Tomasz Strembosz. — Warszawa : Krupski, 2000.
8. *Белозорович, В.А.* Западнобелорусская деревня в 1939-1953 гг. / В.А. Белозорович. — Гродно : ГрГУ, 2004.
9. НА РБ. Фонд 4п. — Воп. 29. — Спр. 142.
10. НА РБ. Фонд 4п. — Воп. 29. — Спр. 598.
11. НА РБ. Фонд 4п. — Воп. 29. — Спр. 543.
12. НА РБ. Фонд 4п. — Воп. 61. — Спр. 415.
13. НА РБ. Фонд 4п. — Воп. 61. — Спр. 371.
14. НА РБ. Фонд 4п. — Воп. 29. — Спр. 582.
15. НА РБ. Фонд 4п. — Воп. 29. — Спр. 570.
16. «Ты з Усходняй, я з Заходняй нашай Беларусі...». — Мінск : Беларуская навука, 2009. — Кн. 2: Ліпень 1944–1956 гг.
17. НА РБ. Фонд 4п. — Воп. 29. — Спр. 41.

25.07.2011

АВТОРЫ НОМЕРА

Аникеенко Наталия Петровна

аспирант кафедры финансов и кредита Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации

Денисенко Анна Леонидовна

экономист ЧТПУП «Центр-стекло»

Антоненко Алексей Петрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Российского государственного социального университета (филиал в г. Минске)

Иванов Владимир Иванович

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Витебского филиала Международного университета «МИТСО»

Басецкий Иван Игнатьевич

заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного права Международного университета «МИТСО»

**КАЛИНИНА
Эльза Алексеевна**

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры публичного права Международного университета «МИТСО»

Вабищевич Светлана Степановна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Российского государственного социального университета (филиал в г. Минске)

Королева Светлана Евгеньевна

преподаватель кафедры экономики и менеджмента Международного университета «МИТСО»

Ворошина Екатерина Васильевна

аспирант кафедры экономики и управления научными исследованиями проектированием и производством БНТУ, преподаватель Барановичского государственного университета

Костевич Карина Сергеевна

студентка III курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Вшивков Анатолий Антонович

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента Гомельского государственного технического университета имени П.О. Сухого

Лавриненко Олег Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Донецкого юридического института Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко (Украина)

Гаврилко Галина Николаевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений Белорусского государственного университета

**Луханин
Игорь Иванович**

кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой математики и информационных технологий Гомельского филиала Международного университета «МИТСО»

**Маньковский
Игорь Александрович**

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой частного права Международного университета «МИТСО»

Мартинкевич Антон Вацлавович

студент факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета

Сечко Наталья Николаевна

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси

Мусина Надежда Евгеньевна

соискатель кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного медицинского университета

Солод Александр Валерьевич

аспирант кафедры философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь, заместитель главного врача частного предприятия «Санаторий Криница» Федерации профсоюзов Беларуси

Нгуен Дык Тинь

доктор наук Института профсоюзного движения ВКТВ (Вьетнам)

Стрэнкоўскі Сяргей Пятровіч

кандыдат гістарычных навук, першы прарэктар Мінскага дзяржаўнага інстытута развіцця адукацыі, прафесар кафедры кіравання і эканомікі адукацыі

Новикова Виктория Ивановна

преподаватель кафедры мировой экономики и финансов Международного университета «МИТСО»

Томашевский Кирилл Леонидович

кандидат юридических наук, доцент, начальник Центра трудового права, профессор кафедры частного права Международного университета «МИТСО»

Новоженюк Валентина Маркеловна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации

Шаврук Юлия Александровна

аспирант кафедры международного бизнеса Белорусского государственного экономического университета

Палховская Екатерина Борисовна

аспирант отдела экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси

Швайба Дмитрий Николаевич

магистр экономических наук, заместитель председателя Белорусского профсоюза работников автомобильного и сельскохозяйственного машиностроения

Попок Екатерина Михайловна

студентка III курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Ярмац Аляксандр Аляксандравіч

аспірант кафедры гісторыі Беларусі новага і навіейшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Садыгов Вугар Ильяс Оглы

студент магистратуры Международного университета «МИТСО»

Махмудова Таира Азер-кызы

кандидат экономических наук, доцент, Азербайджанская академия труда и социальных отношений

№ 1 2011 г.

ПРОФСОЮЗЫ: ПРОБЛЕМЫ, ОПЫТ, РЕКОМЕНДАЦИИ

К 90-летию I Всебелорусского съезда профсоюзов

Дубовик А. К. Первый Всебелорусский съезд профсоюзов и его историческое значение

ЭКОНОМИКА

Базылева А. И. Предпринимательство как ресурс и фактор производства

Дичковский А. А. Экономический рост в Республике Беларусь: состояние, проблемы, перспективы

Донской Н. П. Инновационная деятельность в Республике Беларусь: современное состояние, проблемы и перспективы

Загорец И. В. Возрастная дискриминация на рынке труда Республики Беларусь

Ковалев М. Н. Управление цепями поставок деталей в производственной логистике предприятия

Константинов А. И. Закон стоимости, его действие и роль в рыночной экономике: вопросы теории и методологии

Рысенко С. В. Процесс реформирования мировой валютной системы

Третьяк Т. Т. Совершенствование механизма стимулирования инвестиционного кредитования в промышленности

Филонович Т. Н. Эволюция экономической интеграции Республики Беларусь и основные направления ее развития

Щербина Н. М. Влияние гендерных различий на уровень развития человеческого потенциала Республики Беларусь

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Козик А. Л. Особенности нормотворческой и контрольной деятельности Международной организации труда

Маньковский И. А. Публичная собственность в системе имущественных гражданско-правовых отношений

СОЦИОЛОГИЯ

Шклярчик В. Г. Жизненные стратегии студенческой молодежи: сущность, специфика формирования и реализации

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Караткевич А. Г. К вопросу о сущности и методологии исследования политических процессов в переходных обществах

Лютая А. Э. Марксистская гистарыяграфія ў 20–30-я гг. XX ст.: праблемы генезісу капіталізму ў Расійскай імперыі

Петрецькая О. В. Функции культурной самоидентификации

Подорожня Е. А. Современная белорусская и российская историография проблемы социальной интеграции Беларуси в состав Российской империи (1861–1914 гг.)

Сюй Яньли Отчуждение в сфере трудовой деятельности в информационном обществе

Толкачев В. И. Пути реализации национально-государственной идеи в Белоруссии в Первую мировую войну (1914–1916 гг.)

Шилович А. В. Необходимость расширения подготовки специалистов среднего звена и рабочих профессий

№ 2 2011 г.

ПРОФСОЮЗЫ: ПРОБЛЕМЫ, ОПЫТ, РЕКОМЕНДАЦИИ

Иванова Т. П. Деятельность Витебского областного совета профсоюзов в контексте решения задач социально-экономического развития региона в 1948–1958 гг.

ЭКОНОМИКА

Абухович Ю. К. Инновационная политика в странах Восточной Европы: проблемы и перспективы

Бибик Т. Б. Белорусский путь реформирования экономики

Ву Куанг Тхо. Глобальный финансовый кризис и занятость во Вьетнаме

Данилов А. Д., Паентко Т. В. Налогообложение прибыли предприятий: перспективы после вступления в силу Налогового кодекса

Дичковский А. А., Ромаш М. В. Проблемы выбора эффективных методов регулирования денежно-кредитных отношений

Загорец В. С. Влияние международной миграции на формирование трудовых ресурсов Республики Беларусь

Примаченок Г. А. Функциональные виды экономической безопасности

Шолох О. В. Зарубежный опыт развития и поддержки малого предпринимательства

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Вабищевич С. С. Совокупность вещей как объект гражданского оборота: отдельные аспекты правовой характеристики

Забродский Н. И., Костюкович Э. П. О соотношении понятий «субъект» и «участник» оперативно-розыскного мероприятия

Савина И. В. Дееспособность несовершеннолетних

СОЦИОЛОГИЯ

Бедулина Г. Ф. Социальные технологии в работе с семьями, находящимися в социально опасном положении, как фактор устойчивого развития

Воробьев М. К., Скоробогатый Э. И. Социальное партнерство как инструмент социальной политики

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Ахраменко П. Г. Расчет прогнозной потребности в персонале (на примере предприятий ПО «Гомсельмаш»)

Кляуззе В. П. Методология оценки профессиональных рисков на рабочих местах

Ковяко И. И. Военно-политическое сотрудничество Великобритании и ФРГ в 1980-х гг.

Курьянович А. В. Комиссия Верховного Совета Беларуси XII созыва по экономической реформе, достижению экономической самостоятельности и суверенитета республики: формирование и деятельность (1990–1995 гг.)

Субоцін А. А. Арганізацыя адпачынку стаханайцаў БССР у другой палове 1930-х гг.

Філякоў У. Г. Беларуска-ўкраінскія сувязі ў кантэксце развіцця славянскіх культур XIX — пачатку XX ст.

Хрущова С. С. Политическая активность студенчества в контексте формирования политической культуры общества

ПРОФСОЮЗЫ: ПРОБЛЕМЫ, ОПЫТ, РЕКОМЕНДАЦИИ

Калинина Э. А., Козик А. Л. Значение категории «юридическая ответственность» в осуществлении профсоюзами общественного контроля за соблюдением законодательства о труде

ЭКОНОМИКА

Гранин А. Н. Маркетинг инвестиций — основа инвестиционной деятельности предприятия

Губский М. И. О механизме создания национальной программы развития логистики в Республике Беларусь

Гусейнова Э. М. Малый бизнес в регионах Республики Беларусь: проблемы и пути их преодоления

Данилов А. Д., Паентко Т. В. Налогообложение доходов физических лиц в Украине: реалии и перспективы

Кобец В. Н. Влияние симметричных и асимметричных ценовых стратегий на рыночное равновесие олигополии

Лебедева Е. Н. Столыпинская реформа: история и современность

Сербул И. Т. Построение логистической подсистемы распределения мебельных предприятий

Слепухина А. С., Филиппов П. Л. Роль информационных технологий в совершенствовании бизнес-процессов

Хрустицкая Л. Б. Социальный маркетинг — партнерство бизнеса и общества

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Березовский К. А. Проблематика международно-правовой регламентации персональных данных посредством пиринговой технологии и магнитных ссылок в сети интернет

Гладышев В. С., Гладышев В. В. Об аспектах защиты нарушенных преступлением имущественных прав в уголовном процессе в Республике Беларусь

Ермолинский П. М. О криминологической характеристике субъектов лесонарушения

Ласкевич А. С. Правовое регулирование взыскания денежных средств, затраченных государством на обучение военнослужащих Республики Беларусь

Маньковский И. А. Право собственности организаций со статусом юридического лица: понятие, предназначение, субъектный состав

СОЦИОЛОГИЯ

Димитрук П. П. Научные кадры Беларуси: структура и динамика

Полоневич Т. Б. Прагматика высшего образования: взгляд студента

Романюк К. А. Теоретико-методологические проблемы изучения изменений ценностных ориентаций поколений в трансформирующихся условиях белорусского общества

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Андреева В. А. Советская система образования в западногерманской историографии 1960-х гг.

Бруханчик Е. А. Положение банковских служащих в белорусских губерниях Российской империи в начале XX в.

Буракова А. С. Партизанский быт в музейной экспозиции

Гарматный В. П. Советская историография ликвидации сервитутов в Западной Беларуси (1921–1939 гг.)

Новиков В. А., Харитонов Д. С. Синергизм корпоративной системы

Хаданёнак В. М. Чыгунка на неакупіраванай тэрыторыі Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914–1916 гг.)

Шиманская О. Ю. Формирование профессионально-языковых компетенций будущих юристов на основе метафорического моделирования

ПРОФСОЮЗЫ: ПРОБЛЕМЫ, ОПЫТ, РЕКОМЕНДАЦИИ

Калинина Э. А. Правовая культура: понятие, значение в деятельности профсоюзов

Нгуен Дык Тинь. Характеристики трудовых отношений на предприятиях Вьетнама

ЭКОНОМИКА

Аникеенко Н. П. Специфические особенности бюджетирования как современной технологии финансового планирования

Ворошина Е. В. Направления совершенствования финансового механизма управления инновационным развитием предприятия в Республике Беларусь

Вшивков А. А., Новоженюк В. М. Динамическая модель использования потенциала совокупного общественного труда в инновационной экономике

Гаврилко Г. Н. Международные индикаторы конкурентоспособной экономики в условиях глобализации и региональной интеграции

Иванов В. И., Денисенко А. Л. Управление денежными потоками: сущность, содержание, проблемы и направления их решения

Махмудова Т. А. Валютно-финансовая интеграция в контексте формирования единого экономического пространства

Новикова В. И. Методические основы формирования системы оценки банкротства организаций

Шаврук Ю. А. Регулирование деятельности международных стратегических альянсов

Швайба Д. Н. Реструктуризация социальной сферы: понятие, виды и цели

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Антоненко А. П. Принцип светскости государства: понятие и правовое содержание

Басецкий И. И., Садыгов В. И. Правовой статус иностранцев и апатридов по законодательству Республики Беларусь и Азербайджанской Республики

Вабищевич С. С. Особенности ограниченных вещных прав организаций по хозяйственному и иному использованию имущества собственника

Костевич К. С., Попок Е. М., Томашевский К. Л. Злоупотребление правами в сфере труда: проблемные вопросы

Лавриненко О. В. Современные проблемные подходы к дефинированию понятия и построению системы принципов трудового права

Маньковский И. А. Понятие, содержание и виды права общей собственности в современном гражданском правопорядке

СОЦИОЛОГИЯ

Палховская Е. Б., Мартинкевич А. В. Инфорсмент как механизм реализации трудовых прав работников в Республике Беларусь

Сечко Н. Н. Социально-экономическая роль малого предпринимательства на белорусском рынке труда

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Королева С. Е. Интеллектуальный капитал как важнейший фактор развития «новой» экономики

Луханин И. И. Web-офисная технология создания электронных УМК

Мусина Н. Е. Молодежь советской Беларуси в условиях общественных преобразований 1920-х гг.

Солод А. В. Перспективы сотрудничества Республики Беларусь с ведущими странами-участниками блока «АЛБА»

Стрэнкоўскі С. П. Дзейнасць магдэбургскіх судаў гарадоў Беларусі ў XV–XVIII стст.

Ярмац А. А. Актывізацыя постакаўскага падполля на тэрыторыі Беларусі падчас падрыхтоўкі і правядзення выбараў у Вярхоўныя Саветы ў 1946–1947 гг.

ЦЕНТР ОПЕРАТИВНОЙ ПЕЧАТИ МИТСО

Цифровая полноцветная печать
Ламинирование
Сканирование
Копирование
Ризография
Переплет

БУКЛЕТЫ, КАТАЛОГИ

ГРАМОТЫ, ДИПЛОМЫ

ФЛАЕРЫ, РЕКЛАМНЫЕ ЛИСТОВКИ

ПЛАКАТЫ

КАЛЕНДАРИ

ПРИГЛАШЕНИЯ, ОТКРЫТКИ

КОНВЕРТЫ, БЛАНКИ

ВИЗИТКИ

БЕЙДЖИ

220099, Минск, Казинца, 21/2
тел. 279 75 63
cop@mitso.by

www.mitso.by

Подпишись на журнал "Труд. Профсоюзы. Общество" –
получи скидку в Центре оперативной печати МИТСО

10%

Срок проведения акции с 1 сентября 2011 г. по 1 января 2013 г.
Скидка предоставляется единообразно в любое время проведения акции.
Основанием предоставления скидки является оригинал квитанции на подписку журнала "Труд. Профсоюзы. Общество".

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Осуществляется адресная подписка
на I полугодие 2012 года
на ежеквартальный научно-практический журнал
«ТРУД. ПРОФСОЮЗЫ. ОБЩЕСТВО»

Оформить подписку можно в любом почтовом отделении
Республики Беларусь.

Индексы по каталогу: индивидуальная подписка – **74925**
ведомственная подписка – **749252**

Журнал включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь (ВАК) для опубликования результатов диссертационных исследований по экономическим, юридическим и социологическим наукам. Публикуются рецензированные статьи.

Содержит материалы по тематике:

Теория и практика профсоюзного движения
Профсоюзы и социальное партнерство
Человек. Труд. Реформы
Правоведение. Человек и закон
Экономика. Проблемы экономического развития
Нормирование и оплата труда
Охрана труда и безопасность жизнедеятельности
Общество: ракурсы и грани
Зарубежный опыт

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству профсоюзных работников и активистов, специалистов организаций, преподавателей, научных работников, аспирантов, магистрантов, соискателей, желающих опубликовать свои научные исследования или практические рекомендации.